

Алисон Ноэль
Вечность

Посвящается Джолинн «Снарки» Бенн — моей подруге на много перерождений.
(В следующей жизни мы будем рок-звездами!)

От автора

Благодарю тех, чья мудрость и доброта помогли мне написать эту книгу: Брайана Л. Вайса и Кристину Гикас, показавших мне прошлое, которого я и представить себе не могла; Джеймса ван Праага, научившего меня по-новому смотреть на мир; моего литагента, Кейт Шейфер, умело направляющую меня; моего редактора, Роуз Хиллиард, так бережно относящуюся к моим текстам; корректора вот уже нескольких моих романов, НаНа В. Штёльцль, не дающую мне опозориться перед читателями своим незнанием грамматики; и, как всегда, Сэнди — последнего в мире человека эпохи Возрождения!

Alyson Noel, LLC, 2009

Цвета ауры

Красный: энергия, сила, гнев, сексуальность, страсть, страх, эго

Оранжевый: самоконтроль, честолюбие, мужество, заботливость, безволие, апатия

Желтый: оптимизм, радость, интеллект, дружелюбие, нерешительность, склонность поддаваться чужому влиянию

Зеленый: покой, исцеление, сочувствие, обман, ревность

Голубой: духовность, верность, творчество, чуткость, доброта, перепады настроения

Фиолетовый: высокая духовность, мудрость, интуиция

Синий: благожелательность, интуиция, поиск

Розовый: любовь, искренность, дружба

Серый: подавленность, грусть, усталость, пониженная энергия, скептицизм

Коричневый: жадность, эгоизм, предвзятость

Черный: недостаток энергии, болезнь, близкая смерть

Белый: идеальное равновесие

«Но и они хранят секрет:
Бессмертие свое».[1]

— Эмили Дикинсон

— Угадай, кто?

Теплые влажные ладони Хейвен прижались к моим щекам так крепко, что ободок ее почерневшего серебряного перстня с черепом оставил темный след на коже. Даже с закрытыми глазами я знаю, что ее крашенные в черный цвет волосы расчесаны на прямой пробор, черный синтетический корсаж надет поверх водолазки (дань школьному дресс-коду), в длиннющей черной атласной юбке — дыра (там, где Хейвен зацепила подол тяжелым ботинком на толстой подошве), а глаза подружки кажутся золотистыми только благодаря желтым контактными линзам.

Еще я знаю, что папа Хейвен уехал вовсе не в командировку, мамин личный тренер — не столько «тренер», сколько «личный», а младший брат сломал ее компакт-диск с записями группы «Эванесценс» и боится признаться.

Все это я знаю совершенно точно, хотя не подглядывала и не вынюхивала, и никто мне ничего не рассказывал. Знаю, потому что у меня — парапсихические способности.

— Скорее угадывай, а то сейчас уже звонок!

Голос у моей подружки хриплый, осипший, словно она выкуривает по пачке в день — а на самом деле всего один раз попробовала.

Я тяну время, прикидываю — с кем бы ей меньше всего хотелось, чтобы ее перепутали?

— Хилари Дафф?

— Бр-р! Не угадала!

Она тесней прижимает ладони, не подозревая, что мне не нужно видеть, чтобы знать.

— Миссис Мерилин Мэнсон?

Она хохочет и отпускает руки. Лизнув большой палец, тянется стереть след от кольца у меня на щеке, но я успеваю раньше. Не потому, что мне противны ее слюни (я же знаю, что она ничем не болеет) — просто не хочу, чтобы ко мне прикасались. Прикосновение слишком многое открывает о человеке, это безумно выматывает, и я стараюсь избегать этого любой ценой.

Хейвен сдергивает с моей головы капюшон и прищуривается, глядя на наушники у меня в ушах.

— Что слушаешь?

Вытаскиваю CD-плеер из внутреннего кармана — я во все свои толстовки с капюшонами вшила такие потайные кармашки, чтобы учителя не замечали белые проводки, которые тянутся у меня из ушей. У Хейвен глаза лезут на лоб.

— Ничего себе! Ты что, на полную громкость поставила? А кто поет?

Она держит плеер между нами, чтобы можно было вместе слушать, как Сид Вишес визжит про анархию в Соединенном Королевстве. Если честно, я даже не знаю, он за анархию или против. Знаю одно: поет он громко, так что ему почти удастся заглушить мое ненормально обостренное восприятие.

— «Секс пистолз», — отвечаю я на вопрос и снова прячу плеер.

— Надо же, ты меня еще и услышала! — улыбается Хейвен, и тут звонит звонок.

Я пожимаю плечами. Мне не нужно слушать, чтобы услышать. Правда, упоминать об этом совсем ни к чему. Я просто говорю — мол, встретимся в столовой, и направляюсь через двор к своему классу. Вся съеживаюсь, почувствовав, как двое парней пристраиваются к моей подружке сзади и наступают ей на подол, так что она чуть не падает. Хейвен, обернувшись, делает знак, приносящий несчастье (ну ладно, не приносит он несчастье, этот дурацкий знак, она сама его выдумала), и злобно сверкает желтыми глазищами. Парни тут же отстают и больше к ней не вяжутся. Я вздыхаю спокойней и вхожу в класс, зная, что скоро остаточная энергия от прикосновения Хейвен рассеется.

Направляюсь к своему месту в последнем ряду. Перешагиваю сумку, которую Стейша Миллер нарочно положила у меня на пути, и старательно игнорирую ее традиционное приветствие.

— Лу-узерша! — выпевает она вполголоса.

Усаживаюсь за парту, всовываю в ухо наушник, опять натягиваю капюшон, плюхаю рюкзак на соседний стул и жду, когда появится мистер Робинс.

Мистер Робинс всегда опаздывает — главным образом потому что любит на перемене приложиться к серебряной фляжке. Ну, это оттого что на него жена постоянно орет, дочка считает неудачником, и вообще все в жизни паршиво. Мне об этом стало известно в первый же день в новой школе, когда я передавала ему свои

документы и случайно задела его руку. Теперь, если нужно что-нибудь ему отдать, я просто кладу это на край учительского стола.

Я жду, закрыв глаза, спрятав руки в рукава и переключив плеер с вопящего Сида Вишеса на что-то помягче, мелодичнее. В классе максимальная громкость не нужна. Здесь психическая энергия не так сильно бушует — может, из-за того, что на одного учителя приходится меньше учеников.

Я не всегда была уродом. Раньше я была нормальным подростком. Бегала на школьные дискотеки, влюблялась в знаменитостей и страшно гордилась длинными белокурыми волосами — мне тогда и в голову бы не пришло стягивать их в хвостик и прятать под капюшоном. У меня были мама, папа, младшая сестренка Райли и очаровательный желтый лабрадор по кличке Лютик. Я жила в чудесном доме, в приятном районе города Юджин, штат Орегон. Меня все любили, я была счастлива и не могла дождаться, когда начнется первый учебный год в старшей школе — меня только что выбрали капитаном команды болельщиц. Жизнь моя была полна, выше — только небо. Жуткая банальность, и в то же время — совершенная правда, как это ни смешно.

Впрочем, дальнейшее я знаю понаслышке. После аварии отчетливо помню только одно: как я умерла.

У меня случилась, что называется, «клиническая смерть». Только, можете мне поверить, никакая она не клиническая — самая что ни на есть настоящая. Вот только что мы с сестрой сидели на заднем сиденье папиного компактного внедорожника, голова Лютика лежала у Райли на коленях, хвост собаки мягко постукивал меня по ноге, а в следующий миг, хоп — надулись воздушные подушки, машина — всмятку, а я смотрю на все это со стороны.

Смотрю я, значит, на все это безобразие — осколки стекла, искореженные дверцы, передний бампер стиснул сосенку в смертельном объятии — и понять не могу, что же такое произошло, а сама молюсь: хоть бы наши были живы, успели выбраться, как и я. Тут слышу знакомый лай, оборачиваюсь и вижу: они все бредут куда-то по дорожке, а Лютик, виляя хвостом, скачет впереди.

Я за ними пошла. Поначалу бегом — все старалась догнать, а потом приотсталала: захотелось прогуляться по огромному душистому лугу, где деревья словно пульсируют, а цветы трепещут. Только глаза пришлось зажмурить, а то вокруг все расплывалось в сияющей бликами и отсветами дымке.

Я все говорила себе: совсем чуть-чуть погуляю и побегу за ними. А оглянулась — только и успела увидеть, как они улыбаются мне и машут руками, а потом шагнули на мост и вмиг исчезли.

Как я перепугалась! Кидаюсь туда, сюда — а вокруг все одинаковое: белое, теплое, сияющее, мерцающее... Вечный прекрасный дурацкий туман. Я упала на землю, меня колотил озноб, я вся дергалась, корчилась, плакала, кричала, ругалась, умоляла, обещая невесть что, хоть и знала, что никогда ничего не смогу исполнить.

А потом вдруг слышу, кто-то говорит:

— Эвер? Тебя так зовут? Открой глаза и посмотри на меня.

И тут я выплыла на поверхность. Назад, туда, где только боль, и горе, и что-то мокрое и горячее на лбу. Я устала на склонившегося надо мной парня, прямо в его темные глаза, и прошептала:

— Я — Эвер...

И опять потеряла сознание.

Глава 2

За пару секунд до того как мистер Робинс войдет в класс, я сбрасываю с головы капюшон, выключаю плеер и делаю вид, что читаю книгу. Даже глаз не поднимаю, когда учитель говорит:

— Ребята, это Деймен Августо. Он приехал к нам из Нью-Мехико. Так, Деймен, садись на свободное место — вот там, в заднем ряду, рядом с Эвер. Будете вместе заниматься по ее книге, пока у тебя нет своего экземпляра.

Деймен — роскошный парень. Я это знаю, хоть и не поднимаю глаз. Он идет ко мне, а я уткнулась в книгу. Я и так слишком много всего знаю о своих одноклассниках. Лишняя минута неведения — истинное счастье.

Но если верить сокровенным мыслям Стейши Миллер, которая сидит на два ряда впереди, «Деймен Августо — офигительный красавец».

Хонор, лучшая подруга Стейши, совершенно с ней согласна.

Также и приятель Хонор по имени Крейг — но тут уже совсем другая история.

— Привет!

Деймен устраивается на соседнем стуле, сбросив с него мой рюкзак — тот с глухим стуком падает на пол.

Я киваю, упорно отказываясь поднять глаза выше его черных байкерских сапог. Обувка явно эксклюзивная — не из тех, что носят обыкновенные байкеры. Совсем не на месте среди разноцветных шлепанцев, которые топчут школьный пол, покрытый зеленым ковролином.

Мистер Робинс предлагает раскрыть книги на странице сто тридцать три. Деймен тут же наклоняется ко мне.
— Поделишься?

Я не отвечаю. От его близости мне не по себе, и все-таки я подталкиваю к нему книгу, так что она почти свисает с края парты. А Деймен двигается ближе вместе со стулом, сокращая расстояние между нами. Я отползаю на самый краешек сиденья и натягиваю на голову капюшон.

Деймен тихонько смеется. Понятия не имею, что это должно значить — я ведь так и не посмотрела ему в лицо. Знаю только, что смех его звучит легко и небрежно, но словно с каким-то подтекстом.

Сгибаюсь еще ниже, подперев ладонью щеку и неотрывно уставившись на наручные часы. Старательно игнорирую испепеляющие взгляды и критические комментарии одноклассников. Примерно такие: «Бедный новенький, такой потрясающий красавец, а вынужден сидеть с этой психопаткой!» Мысли в таком духе излучают Стейша, Хонор, Крейг — да все практически.

Правда, кроме мистера Робинса. Он, как и я, пламенно мечтает о том, чтобы урок поскорее закончился.

* * *

В столовой за ланчем только и разговоров, что о Деймене.

«Видела новенького, Деймена? — Такой парень! — Такой сексуальный! — Я слышала, он из Мехико. — Нет, кажется, из Испании... — Неважно — в общем, откуда-то из-за границы... Обязательно приглашу его на Зимний бал... — Ты что, вы даже еще не знакомы! — Не беспокойся, познакомимся...»

— Боже мой! Ты видела новенького, Деймена? — Хейвен садится рядом со мной.

Отросшая челка закрывает ей глаза, острые прядки достают почти до ярко-красных губ.

— Ох, сил нет, и ты о том же!

Я мотаю головой и впиваюсь зубами в яблоко.

— Ты бы так не говорила, если б по-настоящему его разглядела.

Хейвен вытаскивает ванильный кекс из розовой картонной коробочки и, как обычно, принимается слизывать глазурь — а ведь по костюму можно было бы подумать, что она регулярно завтракает человеческой кровью, а не маленькими сладкими кексиками.

— Девчонки, вы про Деймена? — шепчет Майлз, присаживаясь к нам и кладя локти на стол.

Его карие глаза смотрят то на меня, то на Хейвен, а круглая детская рожица расплывается в улыбке.

— Шикарный парень! Сапоги видели? Прямо из журнала «Вог»! Предложу-ка я ему стать моим бойфрендом.

Хейвен щурит желтые глаза.

— Опоздал! Я его уже застолбила.

— Ну, извини! Я думал, ты общаешься только с готами, — хмыкает Майлз, разворачивая сэндвич.

Хейвен смеется.

— Можно и с не-готами, если они такие красавцы. Ох, до чего хорош! — Она качает головой, сердясь, что я не могу разделить ее восторгов. — Просто... просто огонь!

— Ты его еще не видела? — изумляется Майлз.

Я смотрю в стол. Может, соврать? Они так ко мне прицепились, что ничего другого не остается. Только... не могу я врать. Им — не могу. Хейвен и Майлз — мои лучшие друзья. Единственные друзья. А у меня и без того слишком много секретов.

В конце концов я говорю:

— Мы сидели с ним за одной партой на литературе. Пришлось заниматься по одной книжке. Но я его толком не рассмотрела.

— Пришлось?! — Хейвен отбрасывает со лба челку, чтобы не мешала глядеть на ненормальную, посмевшуюся такое ляпнуть. — Ужас какой, бедняжка ты моя! — Хейвен вздыхает и закатывает глаза. — Да ты просто не ценишь своего счастья!

— Какую книгу читали? — спрашивает Майлз, как будто от названия что-нибудь зависит.

— «Грозовой перевал». — Я кладу огрызок на самую середину салфетки и аккуратно заворачиваю края.

— А капюшон был надет? — интересуется Хейвен. Добросовестно вспоминаю — точно, я подняла капюшон, когда Деймен подвинулся ближе.

— Ну, надет.

— И на том спасибо, — бурчит Хейвен, разламывая кекс. — Не хватало еще состязаться с белокурой богиней.

Я съезживаюсь, стараюсь не смотреть на ребят. Мне всегда неловко, когда обо мне говорят такие вещи. Когда-то я ради этого и жила, но теперь все по-другому.

— А Майлз, выходит, тебе не конкурент? — спрашиваю я, чтобы перевести с себя внимание на того, кому это по-настоящему приятно.

— Вот именно! — Майлз взъерошивает рукой короткие темные волосы и поворачивается в профиль, красуясь перед нами. — Не надо списывать меня со счетов!

— Тут даже и думать не о чем, — отмахивается Хейвен, стряхивая крошки с колен. — Вы с Дейменом в разных командах, Майлз, так что твоя убийственная модельная внешность тебе не поможет.

— Откуда знаешь? — прищуривается Майлз, отвинчивая крышечку с бутылки витаминизированной минеральной воды.

— У меня радар на геев. — Хейвен постукивает пальцем себе по лбу. — И можете мне поверить, на этого парня он не отзывается.

* * *

Мало того что у нас с Дейменом общий английский на первом уроке и рисование на шестом (правда, мы сидели не рядом, и я даже не смотрела в его сторону, но мысли-то в классе крутятся, и даже учительница, мисс Мачадо, думает о нем), так он еще и машину поставил рядом с моей! И хоть я ухитрилась не увидеть ничего, кроме его байкерских сапог, все равно стало ясно, что краткий срок помилования, отпущенный мне, закончился.

— Боже, это он! Прямо рядом с нами! — пищит Майлз мечтательным голосом, который у него появляется только в самые волнующие моменты жизни. — А машина-то, смотри, смотри — блестящий черный БМВ и супертемные тонированные стекла! Дивно! Так, слушай, что мы сейчас сделаем: я открою дверцу и совершенно случайно задену его дверь. Тогда у меня появится предлог, чтобы заговорить с ним.

Он оборачивается, ожидая моего согласия.

— Не поцарапай мою машину. И его машину тоже. И вообще ничью машину не поцарапай.

Я качаю головой и вытаскиваю из кармана ключи.

Майлз обиженно надувает губы.

— Отлично! Давай, разбивай мои мечты! Только сделай милость, рассмотри его как следует! А потом погляди мне в глаза и скажи, что от его вида тебе не хочется упасть в обморок.

Поморщившись, я протискиваюсь между своей машиной и крошечным фольксвагеном, который кто-то поставил так косо, что автомобильчик словно пытается залезть на мою миату. Уже отпираю дверцу, как вдруг Майлз одним рывком сдергивает с моей головы капюшон, срывает с меня темные очки и, обежав вокруг машины, знаками показывает, чтобы я взглянула на Деймена, который стоит у него за спиной.

Ну ладно. Не могу же я вечно прятаться. Делаю глубокий вдох и смотрю.

А увидев, уже не могу ни говорить, ни дышать, ни даже моргнуть.

И хотя Майлз отчаянно машет мне рукой, сверкает глазами и вообще всячески дает понять, что миссия окончена и пора возвращаться на базу — я не могу. Просто не в состоянии. Я понимаю, что веду себя как полная идиотка, какой все меня и считают, но поделать ничего невозможно. И не только потому, что Деймен действительно красив: блестящие темные волосы почти до плеч, высокие скулы... Он смотрит на меня, приподняв темные очки, и когда наши взгляды встречаются, его миндалевидные темные глаза мне почему-то кажутся знакомыми. Ресницы у него густые, словно ненастоящие, а губы... Полные и чувственные, идеально изогнутые. Тело худое, поджарое, и одет он во все черное.

— Эвер, ау! Очнись уже! — Майлз оборачивается к Деймену с нервным смешком. — Извини мою подружку, она не привыкла ходить без капюшона.

Да, я прекрасно понимаю, что нужно прекратить, причем сейчас же. Глаза Деймена темнеют, неотрывно глядя на меня, и рот начинает кривиться.

Вот только не от его невероятной красоты я так оцепенела. Дело совсем в другом... Вокруг его великолепного тела — от макушки до квадратных носков байкерских сапог — одна сплошная пустота.

Вокруг него не играют сверкающие лучи, не светится разноцветными огнями аура.

* * *

Аура есть у всех. Каждое живое существо излучает ярко окрашенное сияние. Оно не опасное, не страшное, это просто частичка видимого (ну, по крайней мере, мне видимого) магнитного поля.

До аварии я и знать не знала о таких вещах. И, конечно, не могла их видеть. А с той минуты как очнулась в больнице, повсюду вижу цветные пятна.

— Тебе плохо? — тревожно склоняется надо мной рыженькая медсестра.

— Нет... А почему вы такая розовая? — прищуриваюсь я, в недоумении глядя на окружающее ее мягкое сияние.

— Какая-какая? — пугается медсестра.

— Розовая. Ну, вы знаете, прямо со всех сторон, особенно голова.

— Ты, деточка, пока лежи, отдыхай, а я позову доктора.

Медсестра бочком-бочком выбралась из палаты и кинулась бежать по коридору.

После бесконечных осмотров, сканирования мозга и психологических тестов я научилась помалкивать о разноцветных картинках, которые вижу. А уж когда я начала слышать мысли, узнавать историю жизни людей по прикосновению и регулярно встречаться с Райли, своей покойной сестренкой, ума у меня хватило не болтать об этом направо и налево.

Наверное, я настолько привыкла к такой жизни, что уже и забыла, что бывает по-другому. А увидела Деймена, рядом с которым виднелся только один цвет — блестящая черная краска на дорогой шикарной машине — и вдруг вспомнила счастливые, нормальные времена.

— Ты — Эвер, правильно? — спрашивает Деймен, и его лицо освещает улыбка, заодно показывая новый штрих его несравненной красоты — ослепительно белые зубы.

Я стою столбом и мысленно уговариваю себя оторвать взгляд от новенького. Майлз многозначительно покашливает, и я вспоминаю, что он терпеть не может, когда его игнорируют. Спohватившись, взмахиваю рукой в его сторону:

— Ох, извини! Деймен, познакомься, это Майлз. Майлз, это Деймен.

А взгляда все-таки не отвожу.

Деймен косится на Майлза, коротко кивает и снова переводит взгляд на меня. Я понимаю — то, что я сейчас скажу, звучит как полный бред, и все-таки на ту долю секунды, пока он смотрел в другую сторону, меня пробрал озноб, и навалилась какая-то непонятная слабость.

А стоило ему снова обернуться ко мне — тут же стало тепло и хорошо.

Деймен улыбается.

— Можно тебя попросить? Одолжи мне, пожалуйста, «Грозовой перевал». Нужно нагонять, а в книжный я сегодня уже не успею.

Я вытаскиваю из рюкзака затрепанный томик и, держа двумя пальцами, протягиваю Деймену. Отчасти мне хочется задеть его руку кончиками пальцев, прикоснуться к этому прекрасному незнакомцу, и в то же время страшно — я боюсь той страшной вспышки-озарения, которая всегда приходит при касании.

Он швыряет книжку на сиденье, снова опускает на нос темные очки и говорит:

— Спасибо, до завтра!

И только тогда до меня доходит, что я ничего не почувствовала, кроме пробежавших по коже мурашек. Я даже ничего сказать не успеваю — он садится в машину и задним ходом выезжает со стоянки.

— Ты меня, конечно, извини, — говорит Майлз, устраиваясь на соседнем сиденье, — но когда я сказал насчет обморока, это не надо было понимать так уж буквально. Нет, серьезно, что это было? Какой-то жутко напряженный момент случился, прямо так и слышалось: «Привет, меня зовут Эвер, я — твоя очередная поклонница». Кроме шуток, я думал, тебя придется откачивать! Твое счастье, что наша дорогая подруга Хейвен этого не видела. Не хочется тебе напоминать, но она его вроде как застолбила...

Майлз продолжает молотить чепуху в том же духе всю дорогу до дома. Ну и пусть себе болтает. А я пока лавирую в потоке транспорта, рассеянно водя пальцем по толстому багровому шраму на лбу, прикрытому челкой.

Ну и как все это понимать? Дело в том, что с самой аварии я не слышу мыслей и не вижу ауры только у мертвых...

Глава 3

Отпираю дверь своим ключом, достаю бутылку воды из холодильника и поднимаюсь к себе. Мне не нужно шарить по всем комнатам — я и так знаю, что Сабина еще не вернулась с работы. Она целыми днями в офисе, и весь огромный дом остается в моем распоряжении. Правда, я обычно сижу у себя в комнате.

Мне совестно перед Сабиной. Она столько труда положила, чтобы выстроить свою жизнь так, как ей хотелось,

но все пошло насмарку в тот день, когда на нее свалилась забота обо мне. А куда ей деваться? У мамы не было ни братьев, ни сестер, и бабушек с дедушками давно уже нет в живых. Сабина — единственная папина сестра, и к тому же близнец. Выбор у меня был небогатый — или к ней, или в приемную семью, пока не исполнится восемнадцать. И хотя Сабина понятия не имеет о том, как воспитывать детей, не успела я выйти из больницы, как она продала свою квартиру в кондоминиуме, купила большой дом и наняла лучших декораторов в округе Ориндж, чтобы отделать мою комнату.

В комнате, конечно, есть все, что полагается — кровать, туалетный столик, письменный стол, а кроме этого — плоский телевизор, большущий чулан-гардеробная, громадная ванная с джакузи и отдельной душевой кабинкой, балкон с потрясающим видом на океан и персональная игровая, с еще одним плоскоэкранным телевизором, баром, микроволновкой, посудомоечной машиной, стереосистемой, диванчиками, столиками, пухлыми креслами и прочими делами.

Смешно подумать — когда-то я бы все отдала за такую роскошь.

А сейчас все бы отдала, лишь бы вернуться туда, в прошлое.

Наверное, Сабина, которая все время общается со своими коллегами-юристами и прочими важными шишками, считает, что ребенку все это совершенно необходимо. Не понимаю, почему у нее нет своих детей — то ли из-за большой загруженности на работе, то ли потому, что она все еще не встретила своего единственного, то ли потому, что она вообще детей не хочет... А может, из-за всего этого вместе.

Да, кажется, что я должна бы точно знать, ведь я экстрасенс. На самом деле я далеко не всегда могу разглядеть причины человеческих поступков, только вижу сами события. Например, целую цепочку образов, отражающих чью-то жизнь, вроде слайдов, только скорее в формате трейлера к фильму. Иногда вижу одни только символы, их еще и расшифровывать надо, как карты Таро — или как «Скотный двор» (мы его в прошлом году на факультативе по литературе проходили).

А вообще, все это очень приблизительно, и случается, я все прочитываю неправильно. К тому же многие картинки можно понимать по-разному. Вот однажды я увидела большое сердце с трещиной посередине и решила, что это знак несчастной любви, а женщина вдруг свалилась на пол с инфарктом. Пока все разберешь, можно сто раз запутаться, но сами картинки никогда не лгут.

Между прочим, не нужно быть ясновидящей, чтобы понять: мечтая о ребенке, люди представляют себе очаровательного малыша, а не голубоглазую блондинку с парапсихическими способностями и кучей проблем в эмоциональной сфере. Так что я стараюсь вести себя тихо и скромно и как можно реже попадаться Сабине на глаза.

И уж конечно, я не рассказываю ей о своих чуть ли не каждодневных разговорах с покойной сестрой.

* * *

В первый раз я увидела Райли еще в больнице. Проснулась ночью, а она стоит у изножья кровати, в одной руке держит цветок, а другой мне машет. До сих пор не понимаю, что меня разбудило — Райли не окликала меня и вообще молчала. Я, наверное, просто ее почувствовала — словно электричество в воздухе.

Сначала я подумала, что у меня галлюцинации, еще один побочный эффект от обезболивающего. Проморгалась, протерла глаза — нет, не исчезла. Мне как-то в голову не пришло закричать или позвать на помощь.

Она подошла ближе, ткнула пальцем в гипс у меня на руках и на ноге — и как захохочет! Без звука, но все-таки — чему тут смеяться? Она заметила, что я злюсь, тут же сделала серьезное лицо и жестами спросила — больно?

Я пожалала плечами. Обида от ее смеха еще не прошла, да и страшновато как-то было. Не до конца веря, что это действительно Райли, я все равно спросила:

— Где мама, папа и Лютик?

Она мотнула головой, как будто они стояли рядом с ней, но я-то видела только пустое пространство!

— Не поняла...

Райли улыбнулась и прижала сложенные вместе ладони к щеке — спи, мол.

И я смежила веки, хотя раньше ни за что не стала бы ее слушаться. Потом раскрыла глаза и говорю:

— Эй, кто тебе разрешил надевать мой свитер?

А она вдруг исчезла. Раз — и нету.

Честно говоря, в ту ночь я так до утра и не заснула — все злилась, что задала такой тупой, дурацкий, эгоистичный вопрос, упустила возможность узнать великие тайны жизни и смерти. Человечество мечтало об этом многие тысячи лет, а я... Нашла время шпынять погибшую сестричку за то, что она порылась в моем

платяном шкафу! Что делать... Старые привычки и в самом деле живучи.

Когда Райли появилась во второй раз, я так обрадовалась — даже слова не сказала насчет того, что она напялила на себя не только мой любимый свитер, но и мои лучшие джинсы (они были ей длинны и собирались гармошкой у щиколоток), да еще взяла браслет с подвесками, который мне подарили на тринадцатилетие. Сестрица давно на него облизывалась. Я улыбнулась, кивнула, как будто ничего не заметила, и подалась вперед, чтобы рассмотреть ее получше.

— Так где мама и папа?

Может быть, если внимательно взглядеться, они появятся.

Райли с улыбкой взмахнула руками. Я широко раскрыла глаза.

— Хочешь сказать, они теперь ангелы?

Она скорчила рожицу и затрясла головой, держась за бока от беззвучного смеха.

— Да ну тебя!

Я откинулась на подушки. Нахалка она все-таки, хоть и мертвая. Но я не хотела с ней ссориться.

— Скажи хоть, как там, у вас? Вы, ну, это, живете на небесах?

Райли зажмурилась, вытянула вперед руки, словно что-то держала на ладонях, и вдруг прямо из воздуха возникла картина в резной золоченой раме.

Там явно был нарисован рай. Все будто подернуто белесой дымкой — густо-синий океан, изломанные скалы, золотистый песок, цветущие деревья и туманный силуэт островка вдали.

Я спросила:

— А ты почему не с ними?

Райли пожала плечами. Картина исчезла, и сестра вместе с ней.

* * *

В больнице меня продержали больше месяца — переломы, сотрясение мозга, внутреннее кровотечение, синяки и порезы, да еще довольно глубокая ссадина на лбу. Пока я там валялась, вся в бинтах и лекарствах, Сабина занималась разными нерадостными делами: приводила в порядок наш дом, организовывала похороны, паковала мои вещи перед великим переселением на юг.

Она попросила меня составить список всего, что я хочу взять с собой. Перетащить из своей прекрасной прежней жизни в городе Юджин, штат Орегон, в пугающую новую жизнь в Калифорнии, в городке под названием Лагуна-Бич. А я не хотела ничего брать, разве только кое-что из одежды. Я не могла вынести напоминаний о прошлом — как будто идиотская коробка со всяким барахлом вернет мне семью.

Пока я была заперта в стерильных больничных стенах, меня регулярно посещал психолог — не в меру старательный практикант в бежевом кардигане и с планшеткой в руках. Каждый раз он начинал разговор с одного и того же дурацкого вопроса: как я справляюсь со своей «глубокой утратой» — его выражение, не мое. Затем он долго меня агитировал сходить в шестьсот восемнадцатую комнату, где происходят консультации по преодолению горя.

Да я бы ни за что туда не пошла! Сидеть в кружке с другими скорбящими, дожидаясь своей очереди подробно рассказать про самый страшный день в моей жизни? Разве станет мне легче, если я при всех признаюсь в том, что давно уже сама понимаю — что я не только виновата в случившемся, но еще и по глупости, лени и непробиваемому эгоизму задержалась и отстала от своих по дороге в вечность?!

* * *

Во время перелета из Юджина в аэропорт Джона Уэйна мы с Сабиной почти не разговаривали. Я притворилась, будто это из-за горя и не до конца залеченных ран, а на самом деле мне просто необходимо было хоть чуть-чуть отстраниться от нее. Я знала о противоречивых чувствах Сабины. С одной стороны, ей отчаянно хотелось поступить правильно, с другой — она против воли постоянно думала: «Ну почему я?»

А я никогда не спрашиваю: почему я? Чаще всего я думаю: почему не я, а они? Но и обижать ее не хотелось. Сабина столько для меня сделала, так старалась обеспечить мне нормальный хороший дом — нельзя было позволить ей понять, что все эти старания были напрасны. Что она могла бы просто выбросить меня на ближайшую помойку — для меня это никакой разницы бы не составило.

Езда на машине до нового дома слилась в сплошную полосу моря, солнца и песка. Когда Сабина распахнула передо мной дверь моей комнаты, я окинула помещение беглым взглядом и вяло промямлила что-то вроде «спасибо».

— Прости, мне нужно бежать, — сказала Сабина.

Она явно рвалась к себе в контору, где все четко организовано, упорядочено и ничем не напоминает разбитый

вдребезги душевный мир изувеченного горем подростка.

Едва за Сабиной закрылась дверь, я бросилась на постель, уткнулась лицом в ладони и наревелась от души.

Плакала, пока кто-то не сказал над ухом:

— Слушай, может, хватит, а? Хоть бы по сторонам посмотрела! Плоский экран, камин, ванна с пузырями! Нет, ну ты чего?

— Ты, вроде, не можешь говорить?

Я перекатилась на спину и мрачно взглянула на сестру — она, кстати, была одета в розовый тренировочный костюм, золотые кроссовки «Найки» и кукольный парик цвета фуксии.

— Еще как могу, не смейся! — скорчила гримаску Райли.

— А как же в прошлые разы... — начала я.

— Ну, прикальвалась просто. Что теперь меня, расстрелять? — Она прошла по комнате, провела рукой по краю стола, потрогала новый лэптоп и сидиром-плеер — наверное, их сюда положила Сабина. — Сколько у тебя всего, даже не верится! Так нечестно! — Она нахмурилась, уперев руки в бока. — А ты даже не ценишь! На балконе еще не была? Знаешь, какой оттуда вид?

— Вид меня не волнует, — отрезала я, сурово скрестив руки на груди. — Нет, ну как же ты меня обманула — притворилась, что не можешь говорить, а я и поверила!

Райли только засмеялась.

— Ничего, переживешь!

Она раздернула занавеси на окне и принялась, пыхтя, отпирать стеклянные двери.

— А где ты берешь одежду? — спросила я, рассматривая ее с ног до головы. Мы как-то незаметно вернулись к нашей обычной манере разговора, с бесконечными придирками и препирательствами. — Сначала ты была в моем, а теперь спортивный костюм какой-то — мама тебе этого точно не покупала.

Сестра засмеялась.

— Как будто мне нужно мамино разрешение! Я захожу на громадный небесный склад и беру все, что захочу! Бесплатно, — с улыбкой прибавила она.

— Правда, что ли? — Я широко раскрыла глаза и подумала: «Неплохо устроилась».

Райли только мотнула головой и поманила меня к себе.

— Иди сюда, посмотри, шикарный вид!

И я пошла. Встала с кровати, утерла глаза рукавом, шагнула мимо младшей сестрички на выложенный плитками пол балкона — и застыла, пытаясь осмыслить открывшийся мне пейзаж.

— Это что, шутка такая?

Вид с балкона в точности повторял картину в золоченой раме, изображающую рай — ту, что Райли показывала мне в больнице. Я повернулась к сестре, но она уже исчезла.

Глава 4

Райли помогла мне вернуть воспоминания. Она без конца рассказывала какие-то истории о нашем детстве, вспоминала прошлую жизнь и наших прежних друзей, и постепенно все проступало у меня в памяти. А еще она помогла мне понять вкус жизни в Южной Калифорнии. Она так самозабвенно восторгалась моей шикарной комнатой, блестящим красным автомобилем с откидным верхом, великолепными пляжами и новой школой, что я поневоле начала понимать — пусть это не та жизнь, какой мне хотелось бы, все же и у нее есть свои достоинства.

И хотя мы по-прежнему ссоримся с сестрой и, как раньше, действуем друг другу на нервы, на самом деле я живу только встречами с ней. Когда она приходит, я чувствую, что потеряла одним человеком меньше. Время, что мы проводим вместе — лучшее за весь день.

Беда в том, что она это отлично знает. И стоит мне заговорить на запретные темы, вроде: «Когда я увижу маму, папу и Лютика?» или «Куда ты уходишь отсюда?» — она наказывает меня тем, что какое-то время не приходит.

Есть вещи, о которых она наотрез отказывается говорить. Меня это жутко бесит, но я понимаю, что давить нельзя. Я ведь тоже не рассказываю ей о появлении у меня необычных способностей, о том, что читаю мысли и вижу ауры, и как сильно это меня изменило — даже мою манеру одеваться.

— Если будешь ходить в таком виде, никогда не найдешь себе бойфренда, — говорит Райли, развалившись на кровати и наблюдая мой утренний ритуал.

Я спешно собираюсь в школу, в слабой надежде не опоздать — по крайней мере, не слишком.

— Что делать, не все же могут просто закрыть глаза, и, пожалуйста, вот вам прекрасный новый гардероб, — огрызаюсь я, засовывая ноги в разношенные кеды и завязывая обтрепанные шнурки.

— Я тебя умоляю! Возьмешь у Сабины кредитную карточку, гуляй — не хочу! И что за капюшон? Ты вступила в банду?

— У меня времени нет на все эти глупости. — Я хватаю книги, плеер и рюкзак и бросаюсь к двери. — Идешь?

Терпение у меня на пределе, а сестра, поджав губы, раздумывает над ответом.

— Ладно, — решает она наконец. — Только если ты откинешь в машине верх! Обожаю, когда ветер треплет волосы!

— Договорились. — Я направляюсь к лестнице. — Смотри только, скройся, когда приедем к Майлзу. Видеть не могу, как ты без спросу плюхаешься к нему на колени!

* * *

Когда мы с Майлзом подъезжаем к школе, Хейвен уже ждет нас у ворот, а сама обшаривает взглядом двор.

— Через пять минут звонок, а Деймена не видать! Вдруг он ушел? — Хейвен тревожно смотрит на нас широко раскрытыми желтыми глазами.

— Какое «ушел»? Он же только что поступил!

Я подхожу к своему шкафчику. Хейвен бежит за мной, подпрыгивая на толстых резиновых подошвах.

— Ну, может, мы недостойны? Слишком уж он хорош, таких просто не бывает!

— Вернется, никуда не денется. Должен же он отдать Эвер «Грозовой перевал», она одолжила ему свой экземпляр, — говорит Майлз, прежде чем я успеваю его остановить.

Я качаю головой и принимаюсь отпирать кодовый замок, всей кожей чувствуя тяжелый взгляд Хейвен.

Она упирает руку в бок и пристально смотрит на меня.

— Когда это случилось? Ты ведь знаешь, я его застолбила! И почему я не в курсе? Почему никто мне не рассказал? Ты говорила, что даже его не видела!

— Видела, еще как видела! — хохочет Майлз. — На нее прямо паралич напал, я хотел уже «скорую помощь» вызывать!

Я качаю головой, запираю шкафчик и иду дальше по коридору.

— Ну, ведь это правда! — пожимает плечами Майлз, шагая рядом со мной.

Хейвен прищуривает густо подведенные глаза.

— Так, давай, наконец, проясним, кто ты для меня — помеха или серьезная угроза?

Ревность окрашивает ее ауру в тусклый рвотно-зеленый цвет.

Я делаю глубокий вдох и думаю о том, что, не будь они моими друзьями, я бы им сейчас сказала, как все это глупо. С каких пор можно застолбить себе парня? И потом, я — со своими голосами в голове, чужими аурами и мешковатыми свитерами — вряд ли могу кому-нибудь понравиться. Но ничего этого я не говорю, а говорю вот что:

— Ага, я помеха. Большущая такая, здоровенная помеха прямо посреди дороги. Но уж никак не угроза. Прежде всего потому, что он меня не интересует. Да, я понимаю, в это трудно поверить, он ведь такой шикарный, сексуальный, горячий парень, прямо дым из ушей, или как там это называется, но это правда: Деймен Августо мне не нравится! Не знаю, как еще сказать, чтобы до тебя дошло!

— Гм, кажется, больше ничего говорить не нужно, — бормочет Хейвен себе под нос, уставившись застывшим взглядом прямо перед собой.

Смотрю в ту сторону и вижу Деймена: темные волосы, горящие глаза, невероятное тело и многозначительная улыбка, от которой сердце у меня дает сбой. А он распахивает передо мною дверь.

— Привет, Эвер. Только после вас!

Я бурей пролетаю к своей парте, чуть не запнувшись о рюкзак Стейши, лежащий посреди прохода. Щеки у меня горят от стыда при одной мысли о том, что Деймен, оказывается, стоял у меня за спиной и слышал весь тот ужас, который я наговорила.

Швыряю на пол рюкзак, усаживаюсь, натягиваю на голову капюшон и втыкаю в уши наушники — может, удастся заглушить посторонние звуки и как-то отгородиться от того, что произошло. Попробую убедить себя в том, что такой парень, как Деймен — уверенный в себе, потрясающе красивый, совершенно неотразимый — не

станет страдать из-за случайных слов такой замухрышки, как я.

И только я уговорила себя не волноваться, только чуть-чуть расслабилась — на меня словно обрушивается удар тока, огнем растекается по коже, пронизывает насквозь, так что все тело будто звенит.

Это Деймен положил на мою руку ладонь.

Удивить меня трудно. С тех пор, как у меня появились параапсихические способности, сделать это удается только Райли — и можете мне поверить, она не жалеет сил, изобретая все новые способы меня ошарашить. Я поднимаю взгляд от руки Деймена к его лицу. Он всего лишь улыбается.

— Вот, возвращаю. — Он протягивает мне книжку. — «Грозовой перевал».

Я знаю, это может показаться странным и даже диким, но пока Деймен говорит, все прочие звуки смолкают, и в классе наступает абсолютная тишина. Нет, серьезно: только что все гудело от чужих мыслей и голосов, а в следующую секунду...

Понимая, что все до невозможности нелепо, я встряхиваю головой.

— Хочешь, оставь ее себе. Мне она не нужна — я уже знаю, чем там все кончится.

Он убирает руку, и все же звон в теле затихает не сразу.

— Я тоже знаю, чем все кончится, — говорит Деймен и смотрит на меня так пристально, так интимно, что я отвожу глаза.

Только собираюсь заткнуть уши наушниками, чтобы не слышать злобных комментариев Стейши и Хонор, и тут Деймен снова кладет руку на мою и спрашивает:

— Что ты слушаешь?

Опять все вокруг смолкает. Серьезно — в эти короткие несколько секунд в классе не мечутся мысли, не шепчутся приглушенные голоса. Есть только звук его мягкого, романтического голоса. Понимаете, когда такое случилось в первый раз, я решила, что мне просто померещилось, но теперь-то уж я знаю, что все вполне реально. Рядом по-прежнему болтают, думают о чем-то, все как обычно, только голос Деймена отсекает напрочь все лишние звуки.

Я искоса поглядываю на него, а по телу разливается жар и пробегают электрические искры — с чего бы это? Можно подумать, меня раньше никто не брал за руку. Хотя таких ощущений я никогда еще не испытывала. Ничего даже отдаленно похожего.

— Так что ты слушаешь?

Он улыбается. Улыбка словно предназначена только для меня одной, и у меня сразу начинают гореть щеки.

— А, да так, просто готишная смесь, это мне собрала моя подруга, Хейвен. В основном старье восьмидесятых годов — ну, знаешь, там, «Кьюэ», «Сиуз энд зе Баншиз», «Баухауз»...

Я пожимаю плечами и не могу отвести взгляд: смотрю в его глаза и никак не пойму, какого же они все-таки цвета.

— Увлекаешься готикой? — Он с сомнением разглядывает мой длинный белокурый «хвост», синий свитер и чисто умытое лицо без следа косметики.

— Да нет, не очень. Хейвен увлекается.

Я смеюсь — нервный каркающий смех отскакивает от стен и режет уши.

— А ты сама? Чем ты увлекаешься?

Он все так же смотрит мне в глаза. Кажется, ему немного смешно.

Ответить не успеваю — в класс входит мистер Робинс. Щеки у него покраснелись, но не от быстрой ходьбы, как думают наши. Деймен откидывается на спинку стула, а я перевожу дух и натягиваю капюшон, погружаясь в знакомую ментальную мешанину подросткового ангста, страха перед контрольной, неприличных фантазий, разбитых надежд мистера Робинса и лихорадочных мыслей Стейши, Хонор и Крейга: ну что он в ней нашел?!

Глава 5

Когда я появляюсь в столовой, Хейвен и Майлз уже сидят за нашим обычным столиком. При виде сидящего вместе с ними Деймена меня охватывает жгучее желание сбежать куда глаза глядят.

— Можешь сесть с нами, но только если обещаешь не тарачиться на новенького, — веселится Майлз. — Тебе никогда не говорили, что глазеть невежливо?

Скорчив гримасу, я решительно сажусь на скамью рядом с Майлзом — пусть все видят, что присутствие

Деймена меня нисколько не волнует. Пожимаю плечами и разворачиваю пакет с завтраком.

— Я выросла в волчьей стае, как Маугли, что с меня взять?

— Я вырос в семье трансвестита и автора популярных романов, — объявляет Майлз, ловко стащив конфетку-драже с пред-хэллоуинского кекса Хейвен.

Она смеется.

— Прости, дорогой, но это был не ты, а Чандлер из сериала «Друзья»! А вот я выросла в монастыре. Я была прекрасной принцессой-вампишкой, меня все любили, обожали, в общем — баловали, как могли. Я жила в роскошном готическом замке... Вообще не понимаю, как я вдруг оказалась за этим уродским пластиковым столиком вместе с вами, лузерами. — Потом кивает Деймену: — А ты где раньше жил?

Он отпивает ярко-красную жидкость из стеклянной бутылки, смотрит на нас и отвечает:

— Италия, Франция, Англия, Испания, Бельгия, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Орегон, Индия, Нью-Мехико, Египет и еще пара мест мимоходом.

— Прямо скороговорка! — хохочет Хейвен, после чего сковыривает со своего кекса шарик драже и швыряет и Майлза.

— Эвер жила в Орегоне. — Майлз аккуратно укладывает драже точно на середину языка и быстро запивает витаминизированной водой.

Хейвен смотрит на Майлза косо. Она все еще считает, что я — самое большое препятствие на ее пути к большой и светлой любви, и потому не хочет, чтобы ко мне лишний раз привлекали внимание.

Деймен улыбается, глядя мне в глаза.

— Где именно?

— В Юджине, — мямлю я, уставившись на сэндвич, чтобы не смотреть на Деймена.

Как и в классе на уроке, когда Деймен что-нибудь говорит, я перестаю слышать все остальные звуки. И каждый раз, как встречаюсь с ним взглядом, меня бросает в жар.

Только что он задел носком сапога мою ногу, а у меня мурашки по всему телу.

Жуть какая-то.

— Как ты там оказалась?

Деймен наклоняется ко мне, и Хейвен тут же подвигается к нему поближе.

Я отвожу взгляд, плотно сжимаю губы — привычка, всегда так делаю, когда нервничаю. Не хочу говорить о прошлой жизни. Какой смысл пережевывать кровавые подробности? Объяснять, что вся семья погибла по моей вине, а я вот сумела выжить... В конце концов я отламываю хлебную корочку от сэндвича и говорю:

— Долго рассказывать.

Чувствую на себе взгляд Деймена — тяжелый, жгучий и приглашающий какой-то. У меня начинают потеть ладони, бутылка с водой выскользывает из рук и падает так быстро, что никак не подхватить. Остается только тупо ждать, когда меня окатит водой.

Но бутылка даже не успевает удариться о стол — Деймен уже поймал ее и протягивает мне. Сижку, уставившись на бутылку, лишь бы не смотреть ему в лицо, и думаю — интересно, кто-нибудь, кроме меня, заметил, как быстро он двигается? Глазом не уследить.

Тут Майлз начинает спрашивать про Нью-Йорк, и Хейвен придвигается к Деймену так тесно, что буквально сидит у него на коленях, а я перевожу дух, доедаю завтрак и старательно уверяю себя, что мне померещилось.

* * *

Наконец раздается звонок, все хватают рюкзаки и мчатся в класс. Когда Деймен уже не может услышать, о чем мы говорим, я поворачиваюсь к друзьям и спрашиваю:

— Как он оказался за нашим столом?

И сама вздрагиваю — таким пронзительным и скандальным стал мой голос.

— Он хотел сидеть в тени — ну, мы и предложили ему место. — Майлз пожимает плечами, бросает пустую бутылку в мусорную корзину и направляется к зданию школы. — Никаких коварных планов. Никто не хотел тебя специально смущать,

— Вполне можно было обойтись без комментариев насчет глазения, — бурчу я, хотя сама понимаю, что веду себя глупо и обижаюсь из-за ерунды.

Мне не хочется говорить о том, что я на самом деле думаю, и не хочется расстраивать друзей простым, но неприятным вопросом: с чего бы такому парню, как Деймен, общаться с нами? Нет, серьезно! Его бы приняли в любую, самую крутую компанию, а он из всей школы выбрал нас, троих неудачников — почему?

Майлз пожимает плечами.

— Успокойся, он просто решил приколоться. Кстати, вечером жди нас всех в гости. Я ему сказал, чтобы приходил около восьми.

— Что-что? — У меня глаза лезут на лоб.

А ведь и правда, Хейвен всю перемену рассуждала, что бы ей надеть, а Майлз волновался, успеет ли нанести на кожу спрей с оттенком загара. Теперь все встало на свои места.

— Понимаешь, Деймен, как и мы, терпеть не может футбол. Это выяснилось во время небольшого сеанса вопросов и ответов, который мы провели как раз перед тем как ты подошла. — Хейвен улыбается и приседает в реверансе, согнув в стороны колени, обтянутые чулками-сеточками. — И поскольку он новенький, никого больше в школе пока не знает, мы и решили, что захватим его себе. Пусть он дружит только с нами и ни с кем больше.

— Но...

Я не представляю, что тут можно сказать. Знаю только одно: не хочу, чтобы Деймен приходил ко мне домой. Ни сегодня вечером, ни вообще никогда.

— Я загляну после восьми, — говорит Хейвен. — У меня собрание закончится в семь, как раз успею забежать домой и переодеться. И кстати, чур в джакузи я сижу рядом с Дейменом!

— Ты что? — возмущается Майлз. — Не выйдет! Я не допущу!

Хейвен убегает к себе в класс и, не оборачиваясь, машет нам рукой.

Я спрашиваю Майлза:

— Какое у нее сегодня собрание?

Он улыбается, открывая дверь классной комнаты.

— По пятницам у нее группа борющихся с лишним весом.

* * *

Хейвен — настоящая маньячка анонимных групп. За то короткое время, что мы с ней знакомы, она прошла курсы по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, патологической зависимостью от партнера, склонностью к долгам, к азартным играм, зависимостью от компьютера, курением, социальными фобиями, неспособностью выбрасывать старые вещи и пристрастием к вульгарности. А вот с лишним весом, насколько мне известно, раньше она не боролась. Сегодня, видно, первое занятие. С другой стороны, уж кому-кому, а Хейвен, с ее невеликим росточком и фигуркой балерины из музыкальной шкатулки, переедание явно не грозит. Впрочем, как и алкоголизм, долги, азартные игры и далее по списку. На самом деле проблема у нее одна: ее напрочь игнорируют занятые исключительно собой родители, оттого она и ищет любовь и одобрение всюду, где только можно.

То же самое и с готикой — не то чтобы Хейвен так уж ей увлекалась. Видно же — она и ходит вприпрыжку, а не крадучись, и в комнате развешены постеры «Джой Дивижн», и обои нежно-розовые — остались от предыдущего этапа, балетного, а до него, в свою очередь, был период увлечения каталогами одежды фирмы «Джей Крю».

Просто Хейвен совсем недавно поняла, что среди массы блондинок в нарядах от «Джуси» проще всего выделиться, если одеться Принцессой Тьмы.

Только вышло все не так, как она надеялась: мама Хейвен увидела свою дочь в новом облике, вздохнула, схватила ключи и умчалась на занятие по пилатесу. А папа у нее вообще подолгу дома не бывает, он просто ничего не заметил. Остин, младший брат, перепугался поначалу, но быстро привык. Одноклассники — те вообще не обращают на нее внимания, они еще с прошлогодних съемок сериала МТВ привыкли к невероятным выходкам.

А я-то знаю, что за всеми этими черепами, шипами и загробным макияжем — просто девчонка, которой ужасно хочется, чтобы ее заметили, услышали, чтобы ее любили. Хочется всего того, чего не досталось ей в предыдущих воплощениях. И если для этого нужно встать перед полной комнатой народа и рассказать душераздирающую историю своей борьбы с очередным ужасным пристрастием, то кто я такая, чтобы ее судить?

В прошлой жизни я не общалась с такими, как Майлз и Хейвен. Мне не было дела до людей с проблемами, разных чудачков, которых все травят и пинают. Я была в элите. Мы все были красивыми, талантливыми, остроумными, богатыми и популярными. Я ходила на школьные дискотеки, дружила с девочкой Рейчел, тоже, как и я, из команды болельщиц, и даже был у меня парень, Брендон, и был он шестым мальчиком, с которым я поцеловалась (первого звали Лукас, но тогда я это сделала на спор, в шестом классе, а о тех, что в промежутке,

вообще не стоит вспоминать). Я, правда, никогда не травила и не обижала ребят не из нашей компании — я просто их не замечала. У меня с ними не было ничего общего. Я смотрела сквозь них, как будто они невидимые.

А теперь я и сама невидимка. Я это поняла в тот день, когда Рейчел с Бренденом навестили меня в больнице. Внешне они были такими приветливыми, сочувствовали мне и поддерживали, а в мыслях читалось совсем другое. Их пугали пластиковые капельницы, иголки, воткнутые в вену, мои синяки и порезы, руки и нога в гипсе. Они прятали глаза, лишь бы не смотреть на багровый рваный шрам у меня на лбу. Им, конечно, было меня жаль, но больше всего хотелось удрать из палаты как можно дальше.

Их ауры клубились, сливаясь в одно тускло-коричневое пятно, и я вдруг поняла, что они все больше отдаляются от меня и все сильнее сближаются друг с другом.

Поэтому в первый же день в новой школе я не стала тратить время на ритуальные пляски с компанией Стейши и Хонор, а сразу подошла к Майлзу и Хейвен. Эти отщепенцы приняли мою дружбу без вопросов. Наверное, со стороны мы смотримся странно, а на самом деле я просто не знаю, что бы я без них делала. Наша дружба — чуть ли не единственное хорошее, что есть в моей жизни. С ними я чувствую себя почти нормальной.

Именно поэтому мне надо держаться подальше от Деймена. Его прикосновение, от которого по коже бегут электрические разряды, и его способность заставить весь мир умолкнуть при одном только звуке его голоса — страшный соблазн, которому не следует поддаваться.

Я не хочу поставить под угрозу свою дружбу с Хейвен.

Не могу позволить себе сблизиться с Дейменом — это слишком рискованно.

Глава 6

Хотя у нас с Дейменом два предмета общие, мы сидим рядом только на английском. Так что он подходит ко мне после урока рисования, когда я уже убрала в кладовку рисовальные принадлежности и собираюсь домой.

Он придерживает передо мной дверь, а я иду мимо, взгляд в землю, и тщетно ломаю голову — как бы отменить приглашение.

Деймен идет рядом, приноравливаясь к моему шагу.

— Твои друзья приглашали зайти сегодня к тебе в гости, но я не смогу.

— О! — говорю я, растерявшись, и тут же мне становится совестно от того, что в моем голосе прозвучала такая неприкрытая радость. — Что, никак не получится?

Я пытаюсь смягчить свою реакцию, сделать вид, будто мне в самом деле хотелось, чтобы он пришел — хотя, по правде говоря, уже поздно.

Его глаза насмешливо блестят.

— Нет, никак не получится. До понедельника!

Деймен прибавляет шаг, направляясь к своей машине, которая стоит в запрещенной для парковки зоне, и — странное дело — мотор у нее уже урчит.

А я подхожу к своей миате. Майлз ждет меня, скрестив руки на груди и сощурив глаза — фирменный знак дурного настроения.

— А ну, говори быстро, что сейчас произошло? Выглядело совсем нехорошо, — заявляет Майлз, ныряя на пассажирское сиденье.

Я открываю дверцу со своей стороны и пожимаю плечами.

— Он не придет. Сказал, что не сможет.

Глядя через плечо, включаю задний ход.

— А что ты ему такое сказала, что он решил не приходить? — сурово спрашивает Майлз.

— Ничего я ему не говорила.

Майлз хмурится сильнее.

— Seriously, я не виновата, что у тебя испорчен вечер.

Я вывожу машину со стоянки. Чувствуя на себе мрачный взгляд Майлза, огрызаюсь:

— Что?

— Ничего.

Он выгибает бровь и отворачивается к окну. Я-то знаю, что он думает, но молчу, сосредоточившись на дороге. И, конечно, Майлз поворачивается ко мне.

— Слушай, пообещай, что не будешь злиться.

Я со вздохом прикрываю глаза. Ну, поехали.

— Просто... я тебя не понимаю! Ведешь себя совершенно необъяснимо.

Я делаю глубокий вдох и стараюсь не реагировать. Главным образом потому, что дальше будет хуже.

— Во-первых, ты же потрясающе красивая, просто хоть умри — то есть, я думаю, ты можешь такой быть. Но под этими твоими уродскими балахонами ничего не разберешь. Ты меня, конечно, прости, Эвер, но все твои наряды совершенно чудовищны, вроде как нищенские лохмотья, и не надо делать вид, что это не так. И еще я должен тебе сообщить печальную новость: когда ты изо всех сил шарахаешься от абсолютно неотразимого парня, который явно по уши в тебя влюбился — выглядит, мягко говоря, странно.

Он останавливается и ободряюще смотрит на меня, а я мысленно собираюсь с силами в ожидании его следующих слов.

— Конечно, если только ты не лесбиянка.

Я выполняю правый поворот и резко выдыхаю. Может быть, впервые после аварии я радуюсь своей новой необычной способности — по крайней мере, она немного смягчила удар.

— Ну, то есть, было бы просто здорово, — продолжает Майлз. — Я-то сам гей, так что не стану осуждать, правильно?

Он смеется, немного нервно — видно, ему тоже не по себе от такого поворота темы.

Я только качаю головой, нажимая на тормоза.

— Если Деймен меня не интересуется, это еще не значит, что я лесбиянка. — И почему я говорю так, словно оправдываюсь? — Чтобы влюбиться, знаешь ли, одной красивой внешности мало. Нужно что-то еще.

Ага, например, теплое прикосновение, от которого по коже разбегаются искры, и огонь в глазах, и соблазнительный голос, от которого весь мир затихает...

— Это из-за Хейвен? — спрашивает Майлз, не поверивший ни одному моему слову.

— Нет.

Я стискиваю руль и злобно смотрю на светофор — скорей бы он переключился с красного на зеленый, скорей бы довезти Майлза до дома и покончить с этим дурацким разговором.

Видно, я слишком быстро ответила — Майлз тут же говорит:

— Ха! Я так и знал! Все из-за Хейвен. Как же, она первая его застолбила! Ну кто ж такие вещи принимает всерьез? Ты хоть понимаешь, что отказываешься от возможности расстаться с невинностью в объятиях самого роскошного парня в нашей школе, а может, и на всей планете? И все из-за того, что Хейвен его застолбила!

— Не говори ерунду, — бурчу я, сворачивая на улицу, где живет Майлз, и останавливаю машину возле его дома.

— А что? Разве ты не девственница? — улыбается он, явно веселясь от души. — Неужели ты это скрыла от меня?

Я закатываю глаза и невольно начинаю смеяться.

Майлз смотрит на меня, потом хватается свой рюкзак и направляется к дому, бросив на прощание:

— Надеюсь, Хейвен заценит, какая у нее хорошая подруга.

* * *

В конечном итоге вечер пятницы отменяется. Ну, то есть, не сам вечер, а наши планы. Заболел Остин, младший брат Хейвен, и кроме нее, некому за ним ухаживать. Спортивный папа Майлза утащил его на футбол, причем заставил надеть цвета любимой команды и вообще делать вид, будто его волнует исход матча. А Сабина, как только узнала, что я буду дома одна, пораньше ушла с работы и предложила сводить меня куда-нибудь поужинать.

Зная, что Сабина не одобряет моего увлечения свитерами и джинсами, я решила, что нужно ее порадовать — после всего, что она для меня сделала. Так что я надела хорошенькое голубое платьице, которое она недавно мне купила, на ноги — туфли на высоком каблучке, специально купленные к платью, губы подкрасила блеском (остатки прежней жизни, когда-то меня волновали подобные вещи), переложила разные нужные мелочи из школьного рюкзака в блестящую сумочку, тоже под цвет платья, а свой обычный хвостик распустила и уложила волосы волнами.

Я уже готова к выходу, и тут откуда-то из-за спины выскакивает Райли и заявляет:

— Давно пора начать одеваться женственно!

От неожиданности я подпрыгиваю чуть не до потолка.

— Господи! Ты меня до смерти напугала! — шепчу я, прикрывая дверь, чтобы не услышала Сабина.

— Я знаю, — смеется Райли. — Так куда вы идете?

— В какой-то ресторан. Называется «Таверна Стоунхилл». В отеле «Сент-Реджис».

Я никак не могу успокоиться, и сердце все еще колотится как сумасшедшее.

Сестра высоко поднимает брови и кивает.

— Стильное местечко.

— А ты откуда знаешь?

Вдруг она там была? Она ведь никогда не рассказывает, где проводит свободное время.

— Я много чего знаю, — смеется Райли. — Уж побольше тебя!

Она запрыгивает на кровать и перекладывает по-своему подушки, после чего удобно устраивается среди них.

— Ну, что делать, — огрызаюсь я.

Мне досадно, что на ней платье и туфли точно такие же, как и на мне. Только она все-таки на четыре года меня младше и ростом значительно ниже, так что на ней этот наряд выглядит, как маскарадный костюм.

— Серьезно, ты бы почаще так одевалась! Не хочу тебя обидеть, но то, что ты обычно на себя напяливаешь, совершенно не катит. Если бы ты и раньше так ходила, думаешь, Брендон обратил бы на тебя внимание? — Райли скрещивает ноги, развалившись на подушках, и явно чувствует себя вольготно, даром что мертвая. — Кстати, ты знаешь, что он теперь встречается с Рейчел? Да-да, они вместе уже пять месяцев. Даже дольше, чем вы, ага?

Я плотно сжимаю губы и притопываю ногой, а про себя повторяю обычную мантру: «Не поддавайся на ее подначки, не поддавайся на ее подначки...»

— Слушай, ты не поверишь — они чуть-чуть не переступили черту! Честное слово! Специально ушли пораньше со школьного вечера, все уже заранее решили, только вот... — Она смеется. — Знаю, сплетничать нехорошо, но я уж тебе скажу: Брендон сделал кое-что совершенно недопустимое и жутко неприличное, и поломал все настроение. Это надо было видеть! Говорю тебе, было дико смешно. Нет, ты пойми меня правильно: он по тебе грустит, и все такое, даже пару раз нечаянно назвал ее твоим именем, но ведь жизнь, как говорится, не стоит на месте, правильно?

Я делаю глубокий вдох и прищуриваю глаза, глядя на сестру. Валяется на моем диване, как Клеопатра, критикует мою жизнь, мою внешность и все остальное, рассказывает новости о бывших друзьях, о которых я не спрашивала... Тоже мне, авторитет сопливый.

Хорошо вот так — являешься, когда захочешь, а мы тут пыхтим, надрываемся в окопах.

И так становится обидно из-за ее неожиданных визитов, а по сути — разбойничьих вылазок под благовидным предлогом. Оставила бы она меня в покое, дала прожить остаток исковерканной жизни без вечных наглых комментариев! И я вдруг выпаливаю, глядя ей прямо в глаза:

— Когда же тебя примут в ангельскую школу? Или тебя не взяли, потому что ты такая вредина?

Сестра вся вспыхивает, глаза превращаются в узкие злые щелочки, и тут Сабина стучится в дверь и окликает меня:

— Ты готова?

Я с вызовом смотрю на Райли: а ну, посмей только мне сделать какую-нибудь глупость, чтобы Сабина наконец заметила, что в доме творится неладное.

А Райли только сладенько улыбается и произносит:

— Мама с папой просили передать тебе привет!

И сразу же исчезает.

Глава 7

Всю дорогу до ресторана я не могу думать ни о чем, кроме Райли и ее прощальной реплики. Свинство какое — сказала и удалилась. Я же ее столько раз умоляла рассказать о родителях, ну хоть что-нибудь, хоть самую мелочь! А она на все просьбы только отмалчивается и ни за что не хочет объяснить, почему они не появляются.

Казалось бы, после смерти человек должен стать мягче, добрее... Куда там! Райли осталась такой же нахальной, избалованной и несносной, какой была при жизни.

Сабина предоставляет машину заботам гостиничного служащего, и мы с ней проходим в ресторан. При виде просторного мраморного холла, гигантских цветочных букетов и ошеломляющего океанского пейзажа за

окнами я начинаю жалеть о своих злобных мыслях. Райли правду сказала — место действительно стильное. Еще какое стильное! В такой ресторан надо ходить с любимым человеком, а не с угрюмой племянницей.

Нас проводят к столику, покрытому льняной скатертью. На столе стоят зажженные свечи и солонка с перечницей, похожие па серебристые драгоценные камни. Я усаживаюсь и осматриваюсь. С ума сойти, до чего здесь все шикарно — особенно по сравнению с теми ресторанами, к которым я привыкла.

Едва эта мысль приходит в голову, я тут же одергиваю себя. Нет смысла перебирать старые фотографии, без конца прокручивать в мозгу один и тот же клип на тему «Как все было раньше». Хотя, когда рядом Сабина, невольно начинаешь сравнивать. Она ведь папина сестра-близнец, вечное напоминание.

Сабина заказывает красное вино для себя, а мне — содовую, потом мы просматриваем меню и выбираем, что будем есть. Как только официантка уходит, Сабина заправляет за ухо белокурую прядь, светски улыбается и спрашивает:

— Как дела в школе? Как друзья? Все хорошо?

Не поймите меня неправильно — я люблю свою тетку, я ей искренне благодарна за все, что она для меня сделала. Но если она легко справляется с двенадцатью присяжными, это еще не значит, что она сильна в застольной беседе. Ну, что уж тут поделаешь — я вежливо отвечаю:

— Все хорошо, спасибо.

Ладно, может быть, я тоже не умею поддерживать застольную беседу.

Сабина дотрагивается до моей руки, хочет что-то еще сказать, но я уже срываюсь с места.

— Сейчас вернусь, — бормочу я и, чуть не сшибая стул, бросаюсь к выходу.

Дорогу можно не спрашивать — официантка, которую я на бегу задела плечом, смотрит мне вслед и думает: а успею ли я добежать до самого конца длинного коридора?

Мчусь через холл туда, куда она невольно указала мне путь. Мелькают зеркала — громадные, в золоченых рамах, целые ряды зеркал. По случаю пятницы в отеле полно народу — съехались на свадьбу, а мне-то видно, что этой свадьбе лучше бы вообще не быть.

Несколько человек задевают меня мимоходом. В их аурах бурлит подпитанная алкоголем дурная энергия и невольно выплескивается на меня. Голова начинает кружиться, меня подташнивает, и такая появляется легкость в мыслях, что, глядя в зеркала, я вижу длинную вереницу Дейменов, которые смотрят прямо на меня.

Спотыкаясь, влетаю в туалет и пытаюсь отдышаться, схватившись за край раковины. Заставляю себя сосредоточиться на горшках с орхидеями, на баночках с ароматными лосьонами и стопке махровых полотенец на большом фарфоровом подносе. Понемногу успокаиваюсь, обретаю внутреннее равновесие.

Наверное, я так привыкла постоянно сталкиваться с проявлениями чужой психической энергии, что забыла, насколько это сокрушительно, если защита ослабла и плеер остался дома. Когда Сабина коснулась моей руки, на меня обрушилась волна такого ошеломляющего одиночества и тихой тоски, что это было как удар под дых.

Особенно когда я сообразила, что это — из-за меня.

Я все время старалась не замечать, что ей одиноко. Мы с ней не так часто видимся, хоть и живем в одном доме. Она большую часть времени на работе, я — в школе, а ночью и в выходные запираюсь у себя в комнате или уйду куда-нибудь с друзьями. Наверное, я иногда забываю, что не я одна потеряла близких людей и что Сабина, хоть и взяла меня к себе и старается помочь, в душе чувствует те же одиночество и пустоту, что и в тот день, когда все случилось.

Я бы хотела протянуть ей руку, как-то облегчить ее боль — но не могу! Просто не могу. Я сама слишком исковеркана. Я — урод, который слышит мысли и разговаривает с покойниками. И я не могу допустить, чтобы об этом узнали, не могу позволить себе сблизиться с людьми, даже с Сабиной. Закончить бы худо-бедно школу, уехать в колледж, и тогда она сможет вернуться к нормальной жизни. Может, выйдет наконец замуж за того типа, что работает с ней в одном здании. За того, с кем она еще и не знакома пока. Того, чье лицо я увидела, когда ее рука коснулась моей.

Я поправляю волосы, подкрашиваю губы и возвращаюсь к нашему столику с твердым решением: постараться хоть немного облегчить Сабине жизнь, но так, чтобы она не догадалась о моих тайнах.

Усаживаюсь на свое место, делаю глоток содовой и говорю с улыбкой:

— У меня все хорошо. Правда!

Киваю, чтобы она мне поверила, и продолжаю:

— А у тебя на работе как? Было что-нибудь интересное? А симпатичные парни у вас есть?

* * *

После ужина Сабина расплывается со служащим на парковке, а я жду ее у дверей отеля и невольно

становлюсь свидетельницей драмы, которая разыгрывается между завтрашней невестой и ее так называемой «подружкой». Чья-то рука вдруг касается моего локтя, и я чуть не подпрыгиваю.

— Ой, привет... — Все тело обдает жаром, и по коже бегут мурашки, как только я встречаюсь глазами с Дейменом.

— Выглядишь потрясающе. — Он проходится взглядом сверху вниз по моему платью и туфлям, потом снова — снизу вверх и в конце концов смотрит прямо в лицо. — Я с трудом тебя узнал без капюшона. — Он улыбается. — Как ужин?

Я киваю. Не знаю, как мне это удалось — нервы уже на пределе.

— Я видел тебя в холле. Хотел подойти, поздороваться, но ты, кажется, очень спешила.

Я смотрю на него и не могу понять, что он здесь делает — один, в пятницу вечером, в роскошном отеле. На нем темный шерстяной блейзер, черная рубашка с распахнутым воротом, джинсы от хорошего кутюрье и те самые сапоги — вроде бы слишком вызывающий прикид для подростка школьного возраста, но на нем почему-то выглядит в самый раз.

Он отвечает на незаданный вопрос:

— Нужно встретиться с одним человеком — приехал из другого города.

Пока я думаю, что бы еще такого сказать, к нам подходит Сабина. Они пожимают друг другу руки, а я говорю:

— Д-деймен учится со мной в одной школе.

При одной только мысли о нем у меня потеют ладони, живот сводит, и вообще, я ни о чем другом думать не в состоянии!

— Он недавно приехал из Нью-Мехико, — добавляю я в надежде, что этой темы нам хватит, пока не подгонят машину.

— Где вы жили в Нью-Мехико? — спрашивает Сабина.

Она улыбается, и мне невольно приходит в голову: неужели на нее он действует так же удивительно, как на меня?

Деймен улыбается в ответ:

— В Санта-Фе.

— О, там, говорят, чудесно! Я всегда мечтала там побывать.

— Сабина — адвокат, она много работает, — поясняю я, глядя в ту сторону, откуда должна появиться наша машина — уже вот-вот, через десять секунд, через девять, восемь, семь...

— Мы собираемся домой, но вы, если хотите, можете к нам присоединиться — мы будем очень рады, — приглашает Сабина.

Я смотрю на нее в панике. И как я не догадалась, что она это скажет? Кошусь на Деймена, а про себя молюсь, чтобы он отказался.

Деймен говорит:

— Спасибо, но я должен вернуться — меня ждут.

Он показывает большим пальцем через плечо, и я натываюсь взглядом на неописуемо роскошную рыжую девицу в чудовищно вызывающем черном платье и в босоножках на высоком каблуке.

Девушка улыбается мне, но улыбка у нее недобрая. Едва заметно изгибаются розовые блестящие губы, а взгляд словно издали, ничего в нем не прочтешь. И в выражении лица, в чуть приподнятом подбородке — явная насмешка, как будто при виде меня рядом с Дейменом можно только от души посмеяться.

Я оборачиваюсь к нему и вздрагиваю: оказывается, он стоит так близко, и его влажные, чуть приоткрытые губы совсем рядом с моими... Он проводит кончиками пальцев по моей шее и вдруг выхватывает у меня из-за уха ярко-красный тюльпан.

В следующую секунду я уже стою одна, а он уходит в отель вместе со своей знакомой.

Я смотрю на тюльпан, трогаю восковые алые лепестки. Откуда он взялся? Тем более, что сейчас осень, а не весна.

И только позже, уже у себя в комнате, я вдруг вспоминаю, что у рыжеволосой девицы тоже не было ауры.

* * *

Наверное, я очень крепко спала. В голове туман и муть, и я даже не открываю глаз, услышав, что кто-то ходит по комнате.

— Райли, это ты? — сонно бормочу я.

Она не отвечает, и я понимаю, что она опять затеяла какую-то каверзу. А я слишком устала, мне не до игр. Я хватаю вторую подушку и плюхаю ее себе на голову.

Но мне все равно слышно, как она бродит вокруг.

— Слушай, Райли, пойми — у меня сил нет! Прости, если я тебя обидела, просто я не могу все это обсуждать... — Я выглядываю из-под подушки и одним глазом бросаю взгляд на будильник. — В три сорок пять утра! Так что ты пока удались... ну, куда ты там обычно удаляешься, и приходи в нормальное время, ладно? Можешь даже показаться мне в том платье, в котором я ходила на вечер по случаю окончания восьмого класса, я и слова не скажу, честное скаутское!

Беда в том, что, высказав все это, я окончательно просыпаюсь. Со злостью отбрасываю подушку и мрачно смотрю на неясный силуэт, развалившийся на моем стуле возле письменного стола. Что же это за важное дело у нее такое, что до утра подождать нельзя?

— Ну, я же сказала — прости! Что еще ты от меня хочешь?

— Ты меня видишь? — спрашивает она, отталкиваясь от стола.

— Конечно, вижу...

Я умолкаю на полуслове: голос-то — не ее.

Глава 8

Я вижу мертвых. Постоянно. Посреди улицы, на пляже, в магазинах, в ресторане, в школе на перемене, в очереди на почте, около врачебных кабинетов — только не у зубного. В отличие от тех призраков, которых показывают в кино и по телевизору, они меня совсем не беспокоят, не пристают, не просят о помощи и не останавливаются поболтать. Максимум — улыбаются и машут рукой, если заметят, что я их увидела. Им нравится, когда их видят, как и большинству людей.

Но голос, который раздался у меня в комнате, определенно принадлежал не призраку. И не Райли. Это был голос Деймена.

Так что все это совершенно точно мне приснилось.

— Привет!

Он улыбается, усаживаясь на свое место рядом со мной. Звонок только что прозвенел, но в классе мистера Робинса это все равно, что прийти до начала урока.

Я киваю в ответ — надеюсь, что рассеянно и равнодушно. Лишь бы он не догадался, что я уже вижу его во сне.

— Славная у тебя тетя. — Деймен смотрит на меня, постукивая по парте шариковой ручкой.

Тук-тук. Тук-тук-тук. Жутко действует на нервы.

— Да, замечательная, — тихо отвечаю я, мысленно проклиная мистера Робинса за то, что он опять задержался в учительском туалете. Спрятал бы уже свою фляжку и шел работать!

— Я тоже не живу с родителями, — говорит Деймен.

От звука его голоса в комнате мгновенно наступает тишина. Тишина у меня в мыслях, а он все крутит ручку, балансирует ею на кончике пальца, и ведь не роняет.

Сжав губы, нащупываю плеер в потайном кармашке. Очень будет невежливо, если я включу музыку и отгорожусь от Деймена?

А он прибавляет:

— Я официально освобожден от родительской опеки, живу самостоятельно.

— Серьезно? — спрашиваю я, хоть и решила разговаривать с ним как можно меньше. Просто я никогда еще не встречала человека, которого освободили от родительской опеки, и всегда думала, что жить одному, без родителей, ужасно одиноко. Правда, если посмотреть на его машину, одежду и встречи с роскошными девушками по пятницам в модном ресторане, то живется ему не так уж плохо.

Он кивает:

— Seriously.

И стоит ему замолчать, как я начинаю слышать яростный шепот Стейши и Хонор — они обзывают меня чокнутой и разными другими словами, еще похуже.

А Деймен, улыбаясь, подбрасывает авторучку, и она, описав неторопливую восьмерку в воздухе, приземляется снова ему на палец.

— А твои родные где? — спрашивает он.

Странно все-таки, как все звуки то включаются, то выключаются, то включаются, то выключаются — словно какая-то безумная игра в «музыкальные стулья», в которой лишней всегда остаюсь я.

— Что? — прищуриваюсь я.

Меня отвлекает ручка — она повисла в воздухе между мной и Дейменом. Тем временем Хонор высмеивает мою манеру одеваться, ее бойфренд поддакивает, а про себя думает — почему Хонор не одевается так, как я? От этого мне ужасно хочется натянуть на голову капюшон, включить плеер и заглушить их всех напрочь. Всех, в том числе и Деймена.

Особенно Деймена.

— Где живут твои родители? — спрашивает он снова.

Пока он говорит, я закрываю глаза: блаженные, слишком короткие мгновения тишины. Потом опять открываю и смотрю прямо ему в лицо.

— Нигде. Они умерли, — отвечаю я, и тут в класс входит мистер Робинс.

* * *

— Прости, пожалуйста.

Деймен смотрит на меня через стол, а я озираюсь — не идут ли Хейвен и Майлз. Я только что открыла свой пакетик с завтраком и обнаружила между сэндвичем и чипсами красный тюльпан. Тюльпан! Совсем как тогда, в пятницу. Я уверена, что это дело рук Деймена, хоть и не понимаю, как он ухитрился. Меня беспокоят не столько эти странные фокусы, дело в другом — в том, как он смотрит на меня, как говорит, какие чувства пробуждает во мне...

— Насчет твоих родителей... Я не знал...

Я упорно смотрю на бутылку с соком, верчу крышечку туда-сюда. Ну что он никак не отвяжется?

— Не люблю об этом говорить.

— Я знаю, каково это — потерять человека, который тебе дорог, — шепчет он и, протянув руку через стол, кладет ее на мою ладонь.

От него исходит такое тепло, такое спокойствие и надежность... Закрываю глаза и позволяю себе насладиться этим ощущением покоя. Как хорошо слышать только то, что он говорит, а не то, что он думает! Как будто я самая обычная девчонка... рядом с далеко не самым обычным парнем.

— Э-э, прошу прощения...

Я открываю глаза и вижу Хейвен. Ее прищуренные желтые глаза неотрывно смотрят на наши руки.

— Извините, что помешала!

Я быстро отдергиваю руку и прячу ее в карман, словно что-то постыдное — что-то такое, чего никто не должен видеть. Хочется оправдываться, объяснять, что все это ничего не значит, но понимаю, что бесполезно. В конце концов, не придумав ничего другого, спрашиваю:

— А где Майлз?

Хейвен, скорчив гримаску, садится рядом с Дейменом. От злости ее аура из ярко-желтой превращается в темно-красную.

— Майлз общается по Интернету с очередным виртуальным возлюбленным с ником Озабоченный-307. — Хейвен возится с кексиком, старательно не глядя на меня. Зато она смотрит на Деймена и спрашивает: — Ну, рассказывайте, как провели выходные?

Я пожимаю плечами. Ясное дело, она обращается не ко мне.

Хейвен пробует глазурь кончиком языка. Она всегда так делает, хотя я еще ни разу не видела, чтобы она забраковала какой-нибудь кекс. Удивительное дело — Деймен тоже пожимает плечами. Когда я его в прошлый раз видела, уик-энд ему явно предстоял куда более увлекательный, чем мне.

— А у меня, сами понимаете, вечер пятницы прошел отвратительно. В основном пришлось без конца подтирать за Остином рвоту, потому что экономка уехала в Вегас, а родители не удосужились вернуться домой из — ну, черт его знает, где они там были. Зато в субботу я оторвалась по полной! Нет, серьезно, наверное, лучшая ночь в моей жизни! Я бы вас обязательно пригласила, только меня саму позвали в последнюю минуту.

Она кивает и наконец-то снова достаивает меня взглядом.

— Куда ты ходила? — спрашиваю я небрежно, хотя перед моим мысленным взором уже возникла картинка какого-то мрачного и страшноватого помещения.

— В совершенно потрясающий клуб! Меня пригласила одна девчонка из группы.

— Из которой? — спрашиваю я, поднося к губам бутылку с соком.

— Субботней, для эмоционально зависимых, — улыбается Хейвен. — В общем, эта девочка, Эванджелина,

очень тяжелый случай. Она, что называется, донор.

— Кого там называют донором? — встревает Майлз, положив смартфон «Сайдкик» на край стола и усаживаясь рядом со мной.

— Эмоционально зависимых, — объясняю я.

Хейвен закатывает глаза.

— Да нет, вампиров! Донор — это тот, кто позволяет другим вампирам кормиться собой. Ну, там, пить кровь и так далее. А такие, как я, у них называются «щенок» — потому что я вечно бегаю за ними по пятам. А пить мою кровь никому не позволяю — по крайней мере, пока.

Она смеется.

Майлз берет телефон, просматривает сообщения электронной почты и наконец спрашивает:

— За кем это ты бегаешь?

— За вампирами! Ты слушаешь или нет? В общем, эмоционально зависимая Эванджелина, которая донор, — кстати, имя вампирское, на самом деле ее зовут по-другому...

— А бывают вампирские имена? — Майлз кладет мобильник на стол, но одним глазом все-таки косится на экранчик.

— Конечно!

Хейвен, кивнув, подцепляет пальцем глазурь и облизывает палец.

— А по какому принципу их составляют? Как у стриптизеров — имя первой в вашей жизни собачки или кошки плюс девичья фамилия вашей матери? Тогда меня должны звать Принцесса Славина — спасибо, не надо!

Хейвен тяжело вздыхает, теряя терпение.

— Да нет, совсем не так. Ты пойми, вампирское имя — дело серьезное. А мне свое даже менять не пришлось: Хейвен — естественное имя для вампира, органичное, стопроцентно натуральное, без добавок и консервантов. Я же говорю — темная принцесса! В общем, пришли мы в этот шикарный клуб, где-то в Лос-Анджелесе, называется «Ноктурно» или как-то так...

— «Ноктюрн», — произносит Деймен, сжимая в руке бутылку со своим экзотическим питьем и не отрывая взгляда от Хейвен.

Она кладет на стол кекс и радостно хлопает в ладоши.

— Ура! Хоть кто-то меня понимает!

— Встретили кого-нибудь из бессмертных? — спрашивает Деймен, все так же не отводя взгляда.

— Целую толпу! Народу было — не протолкаться! Даже был VIP-зал для ковена, а я туда пролезла и посидела у стойки бара с кровью!

— Тебе дали VIP-карту? — спрашивает Майлз, с дикой скоростью нажимая большими пальцами кнопки смартфона. Он участвует в двух разговорах одновременно.

— Смейся, смейся! Место действительно шикарное. А когда Эванджелина нашла себе парня и бросила меня, я познакомилась с другой девчонкой, даже еще круче. Она, кстати, тоже совсем недавно сюда переехала. Мы с ней, наверное, будем дружить — сходим куда-нибудь и все такое.

— А нас побоку? — притворно ужасается Майлз.

Хейвен делает гримасу.

— Да ну тебя! Во всяком случае, субботу я провела лучше вас. Ну, может, не лучше тебя, Деймен — ты, кажется, тоже развлекаешься на уровне, но, уж точно, лучше этих двоих! — Она показывает на нас с Майлзом.

— А как прошел матч? — Я толкаю Майлза локтем, чтобы отвлекся наконец от своего электронного бойфренда.

— Я понял только, что боевой дух был высок, как никогда, одна команда выиграла, другая проиграла, а я большую часть времени просидел в туалете — отправлял послания этому типу, а он, похоже, просто наглый врун! Вот, смотрите! — Майлз тычет пальцем в экранчик. — Я все выходные просил его прислать фотографию, иначе ни за что не стану встречаться в реале — и вот что он мне прислал! Пижон дурацкий!

Я пытаюсь рассмотреть крошечную картинку. Не понимаю, отчего он так завелся. Спрашиваю:

— Откуда ты знаешь, что на фото не он?

Вместо Майлза мне отвечает Деймен:

— Потому что это моя фотография.

Оказывается, Деймен, еще когда жил в Нью-Йорке, какое-то время подрабатывал фотомоделью, и его снимки до сих пор бродят в киберпространстве — только и ждут, чтобы кто-нибудь скачал их и выдал за свои.

Мы, конечно, весело смеемся над этим странным совпадением, но я одного понять не могу: если Деймен только что переехал сюда из Нью-Мехико, а вовсе не из какого-то Нью-Йорка, разве не должен он на фотографии выглядеть... ну, скажем так — несколько моложе? Не может человек в семнадцать лет выглядеть точно так же, как в четырнадцать, ну, пусть даже пятнадцать — а на снимке в смартфоне Майлза Деймен точь-в-точь такой же, как сейчас.

Бессмыслица какая-то.

* * *

Придя на урок рисования, я немедленно отправляюсь в кладовку, хватаю свои вещи и сразу иду к своему мольберту, никак не реагируя на то, что Деймен в этот раз устроился поближе ко мне. Сделав глубокий вдох, я застегиваю халат поверх обычной одежды, незаметно бросаю взгляд на холст Деймена и столбенею: на мольберте возникает настоящий шедевр — великолепная копия картины Пикассо «Женщина с желтыми волосами».

Сегодняшнее задание — воспроизвести один из шедевров мировой живописи. Нужно выбрать какую-нибудь всем известную картину и, по мере сил, нарисовать копию. Я почему-то думала, что проще всего будет намалевать простенькие завитушки Ван Гога — высший балл обеспечен, и стараться не надо. Но, судя по беспорядочным цветовым пятнам на моем холсте, рассчитала я неправильно, а переделывать поздно. Не знаю, как быть.

С тех пор, как у меня появились особые способности, я практически перестала учиться. Мне даже учебник читать не надо — только положу руки на обложку, и содержание книги возникает у меня в голове. То же и с контрольными — сложностей для меня больше не существует. Достаточно провести пальцами по списку вопросов, и ответы появляются сами собой.

Другое дело — изобразительное искусство.

Талант не подделаешь.

Поэтому моя картина — полная противоположность произведению Деймена.

— «Звездная ночь»? — спрашивает он, кивком указывая на мою, еще не просохшую, убогую пятнистую мазню.

Я вся сжимаюсь от стыда. И как он только догадался, что я пыталась изобразить?

Потом, чтобы еще раз себя помучить, снова оглядываюсь на его работу — легкие, уверенные мазки, плавные линии... Еще один пункт в бесконечном списке всего того, что он потрясающе хорошо умеет.

Нет, серьезно! На английском Деймен с ходу отвечает на любые вопросы мистера Робинса, и это довольно странно — получается, он за одну ночь прочел «Грозовой перевал», все триста с чем-то страниц? А уж как он историю знает! В разговоре может запросто упомянуть какой-нибудь исторический факт, словно сам жил в те далекие времена. К тому же он одинаково хорошо владеет и правой, и левой рукой. Вроде, ничего особенно выдающегося в этом нет? А вы бы посмотрели, как он одной рукой пишет, а другой в то же время рисует, и ничего, одно другому не мешает. А уж о возникающих из ничего тюльпанах и волшебной авторучке нечего и говорить.

— Удивительно! Как будто рука самого Пабло! — восхищается мисс Мачадо, поглаживая длинную блестящую косу и любуясь произведением Деймена.

Аура у нее пульсирует чудесным кобальтово-синим оттенком, а мысли скачут и кувыркаются от восторга. В мозгу прокручивается длинный список талантливых подростков, которые раньше у нее учились, но ни у одного она не встречала такой невероятной природной одаренности — не встречала до сегодняшнего дня.

— А что у тебя, Эвер?

Улыбка все еще у нее на лице, но про себя миссис Мачадо недоумевает: что же такое здесь нарисовано?

— Я, э-э, хотела скопировать Ван Гога... «Звездную ночь», знаете?

От позора я съеживаюсь. Мысли учительницы подтверждают худшие мои опасения.

— Что ж... Неплохо для начала. — Мисс Мачадо кивает, старательно удерживая на лице нейтральное выражение. — Стиль Ван Гога только кажется простым. И не забывай про золотые и желтые тона. Все-таки ночь-то звездная!

Она отходит от моего мольберта, и ее аура сразу увеличивается и начинает светиться. Я понимаю, что мой

рисунок ей не понравился, и все-таки она постаралась не показать этого — уже спасибо. Сгоряча обмакиваю кисточку в желтую краску, не промыв после синей, и тут же на холсте остается здоровенная зеленая клякса.

— Ну как же это делается?!

И отчаянии мотаю головой, сравнивая поразительно хорошую работу Деймена с моей поразительно плохой. Самооценка у меня стремительно падает почти до нуля.

Деймен улыбается, поймав мой взгляд.

— Как ты думаешь, у кого учился Пикассо?

Я роняю кисточку на пол. Зеленые брызги шлепаются мне на туфли, на халат и лицо. Деймен наклоняется за кисточкой, и я не дышу все то время, что он поднимает ее и вкладывает мне в руку.

— Всем приходится с чего-то начинать, — говорит он.

В его глазах пылает темный огонь, а пальцы находят шрам у меня на лбу.

Тот, что спрятан под челкой. Тот, о котором ему знать просто неоткуда.

— И у Пикассо тоже был учитель.

Деймен улыбается, убирает руку — и вместе с ней исчезает тепло. Он возвращается к своему мольберту, а я вспоминаю о том, что нужно дышать.

Глава 10

На следующее утро, собираясь в школу, я совершаю большую ошибку — прошу у Райли совета, какой выбрать свитер.

— Как ты думаешь, этот или этот? — Я показываю сначала синий свитер, потом зеленый.

— Покажи-ка еще раз тот, розовый.

Райли сидит на туалетном столике, задумчиво склонив голову к плечу.

— Нет у меня розового! — хмурюсь я.

Хоть раз могла бы она побыть серьезной? Нет, из всего нужно устроить цирк.

— Ну, давай, помоги мне, часы тикают!..

Райли, шурясь, трет подбородок.

— Как по-твоему, этот цвет ближе к небесно-голубому или к васильковому?

— Ладно, не надо ничего!

Я швыряю в сторону синий свитер и рывком натягиваю на голову зеленый.

— Иди в синем.

Я замираю — нос, рот и подбородок укрыты пушистым вязаным воротом, видны только глаза.

— Seriously — синий подчеркивает цвет твоих глаз.

Смотрю на нее в упор, потом бросаю зеленый и беру тот, который она посоветовала. Шарю в поисках блеска для губ и уже собираюсь его накладывать, когда Райли вдруг спрашивает:

— Ну, так в чем дело-то? Муки выбора, потные ладошки, косметика... Что происходит?

— Я не пользуюсь косметикой, — возражаю я и внутренне сжимаюсь, потому что мой голос чуть не срывается на визг.

— Прости меня за формализм, Эвер, но блеск для губ — это косметика. Совершенно точно! А ты, дорогая мои сестричка, явно нацелилась им воспользоваться.

Блеск для губ летит в ящик. Я хватаю обычную гигиеническую помаду, намазываю ее на губы тусклым восковым слоем.

— Ау? Не слышу ответа!

Крепко сжав губы, выхожу из комнаты и спускаюсь по лестнице.

Сестра тащится за мной.

— Отлично, будь по-твоему. Но угадывать ты мне не помешаешь!

— Делай, что хочешь, — бурчу я, входя в гараж.

— Так, понятно, что это не Майлз — ты, безусловно, не в его вкусе. И не Хейвен, потому что она не в твоём вкусе. Остается... — Райли проскальзывает через запертую дверцу машины прямо на переднее сиденье, и я стараюсь не вздрогнуть. — Да, вообще-то, этим твой круг друзей и ограничивается, так что я сдаюсь. Ну, скажи мне!

Я открываю дверь гаража и забираюсь в машину более традиционным способом. Завожу мотор, заглушая голос младшей сестры.

Она перекрикивает рев двигателя:

— Тут дело нечисто, я точно знаю. Уж извини, но ты ведешь себя точно так же, как тогда, когда у вас что-то наклеивалось с Бренденом. Помнишь, какая ты была нервная и мучилась паранойей? Все сомневалась, любит — не любит, и так далее. Ну давай, скажи: кто этот несчастный? Кто твоя следующая жертва?

При ее словах передо мной вдруг вспыхивает образ Деймена: такой великолепный, такой неотразимый, полный сдержанной страсти, такой осязаемый — хочется вцепиться в него и не отпускать. Но я только прокашливаюсь и говорю, выезжая задним ходом из гаража:

— Никто. Мне никто не нравится. И даю тебе честное слово: больше никогда не попрошу тебя о помощи.

* * *

Когда я наконец вхожу в класс английского, голова у меня кружится, нервы ни к черту, ладони потеют — в общем, налицо все признаки, которые перечислила Райли. А увидев, как Деймен разговаривает со Стейшей, я добавляю к этому длинному списку еще и паранойю.

— Э-э... прошу прощения, — говорю я.

Сегодня вместо рюкзака Стейши дорогу загораживают потрясающие длинные ноги Деймена.

А сам он как будто не слышит — сидит на краю ее парты и вдруг, протянув руку, достает у нее из-за уха цветок.

Нераспустившуюся белую розу.

Свежий, чистый, сверкающий от росы бутон.

Стейша, получив цветок, визжит от восторга, словно ей подарили бриллиант.

— Бо-оже! Какая красота! Откуда?..

Она пищит и размахивает розой, чтобы все-все увидели.

Я смотрю в пол, сжав губы, и на ощупь все прибавляю громкость в плеере, пока не удастся заглушить ее вопли.

— Дайте пройти, — говорю я вполголоса.

На мгновение встречаюсь взглядом с Дейменом и успеваю уловить теплую искорку в его глазах. Тут же взгляд его становится ледяным. Деймен отодвигается, давая мне дорогу.

Я иду к своему месту, переставляя ноги механически, как зомби, как робот, — сначала одну, потом другую. Тупой автомат, incapable мыслить самостоятельно, который движется по заранее заданной программе. Сажусь за парту, проделываю обычные рутинные действия: вынимаю из рюкзака тетрадь, учебники, ручку, и делаю вид, будто не замечаю, как нехотя, нога за ногу, Деймен идет к своему месту после того как мистер Робинс сделал ему замечание.

* * *

— Что за нафиг? — спрашивает Хейвен, отбрасывая челку со лба и глядя прямо перед собой.

Из всех благих решений, принятых на Новый год, она сумела осуществить одно-единственное — запрет на матерную ругань, и то только по одной причине: «что за нафиг», по ее мнению, звучит смешнее.

— Я знал, что долго это счастье не продлится. — Майлз качает головой, не сводя глаз с Деймена. Ну, конечно, смотри на него, смотри! Подумаешь, чудо какое, с этим неотразимым обаянием, с волшебными авторучками и дурацкими розами. — Я знал, что это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Я так и сказал, еще в самый первый день, помните?

— Нет, — шепчет Хейвен, тоже неотрывно глядя на Деймена. — Ничего я такого не помню.

— А я помню. — Майлз отпивает витаминизированную воду из бутылки и встряхивает головой. — Я говорил. Просто вы не слышали.

Я пожимаю плечами, внимательно рассматривая свой сэндвич. Не хочу влезать в очередной спор на тему «кто, что и когда говорил» и уж точно не хочу смотреть на Деймена, Стейшу и вообще на всех, кто сидит за их столиком. Я еще не пришла в себя после того как Деймен на английском, прямо посреди переключки, протянул мне записку — только для того, чтобы я передала ее Стейше.

— Сам передавай, — огрызнулась я, даже не притронувшись к записке.

Удивительно, как простой клочок бумаги может причинить столько боли.

— Да ладно тебе, — сказал он и бросил мне записку — та шлепнулась на стол, почти касаясь моих пальцев. — Обещаю, тебя не поймают.

— Не в этом дело, — мрачно буркнула я.

— А в чем? — спросил он, глядя мне в лицо темными глазами.

В том, что я не хочу притрагиваться к этой бумажке! Не хочу знать, что она может рассказать мне. Потому что, как только мои пальцы коснутся листка, я мысленно увижу то, что на нем написано — восхитительное, чудесное, романтическое послание до последнего слова. Все равно я то же самое услышу в мыслях Стейши, но там хоть будет небольшое утешение — можно себе сказать, что она искадила смысл, приукрасила, домыслила своими дебильными мозгами. А если дотронусь до бумажки, буду точно знать, что все это — правда, и вот этого я уже не вынесу...

— Сам передавай, — повторила я, подталкивая карандашом записку, так что она отлетела к краю парты и свалилась вниз.

Я ненавидела себя за то, что сердце так колотится.

Деймен засмеялся и поднял записку.

Я ненавидела себя за невероятное облегчение, которое испытала, когда Деймен сунул клочок бумаги в карман вместо того, чтобы передать Стейше.

— Алло-о! Земля вызывает Эвер!

Встряхнув головой, оглядываюсь на Майлза.

— Я спросил, что все-таки случилось? Не будем тыкать пальцами, но именно ты сегодня видела его последней...

Ох, как будто я знаю! Я вспоминаю, как вчера, на уроке рисования, Деймен смотрел мне в глаза, как от его прикосновения по коже разливалось тепло, как между нами вдруг возникло что-то особенное... волшебное.

И сразу же вспоминаю девушку, которая была еще до Стейши — ту рыжую красотку в ресторане, которую я благополучно успела забыть. Чувствую себя наивной дурочкой — надо же, вообразила, будто я могла ему понравиться! Это же Деймен. Он играет людьми. Причем постоянно.

Тем временем в дальнем конце столовой Деймен собрал уже целый букет из розовых бутонов, доставая их у Стейши из-за уха, из рукава, из выреза платья и из сумочки. Сжимаю губы и отворачиваюсь — не хочу мучиться, глядя на ее благодарные объятия.

— Не знаю я, что случилось. Я ничего не делала, — говорю я наконец.

Странные поступки Деймена сбивают меня с толку точно так же, как Майлза и Хейвен. Только мне, в отличие от них, страшно не хочется в этом признаваться.

Я слышу, как Майлз мысленно взвешивает мои слова и все никак не решит — верить или нет. Вздыхнув, он спрашивает:

— Скажи, а ты тоже чувствуешь себя брошенной, несчастной и никому не нужной, как я?

До чего же мне хочется ответить искренне, рассказать ему все-все, всю ужасную путаницу мыслей и чувств. Сказать, что еще вчера я была уверена, что между нами произошло нечто важное, а сегодня с утра прихожу в школу — и натываюсь на такое. Но я только встряхиваю головой, подбираю рюкзак и ухожу в класс, задолго до звонка.

* * *

Весь пятый урок — французский — я придумываю, как бы отвертеться от рисования. Нет, серьезно! Даже когда я вместе со всеми повторяю упражнения, старательно шевеля губами, голова занята совсем другим. Может, притвориться, что живот заболел? Тошнит, подскочила температура, голова закружилась, грипп, да что угодно — лишь бы не идти на следующий урок.

И не только из-за Деймена. Если честно, я и сама не знаю, зачем вообще записалась на это несчастное рисование. Способностей у меня нет, рисую я ужасно и в любом случае не собираюсь быть художником. А если к этому прибавить еще и Деймена, тут уж не только успеваемость, тут, можно сказать, вся жизнь под откос... По крайней мере, пятьдесят семь минут жизни испорчены напрочь.

Все-таки на урок я пошла. В основном потому, что надо. Я так сосредоточенно собирала в кладовой кисти с красками и надевала халат — даже не сразу заметила, что Деймена-то и нет. Проходят минута за минутой — нет Деймена. Вздыхнув с облегчением, сгребая в охапку рисовальные принадлежности и иду к своему мольберту.

А на нем меня поджидает тот дурацкий бумажный треугольник.

Я смотрю на него так пристально, что все остальное расплывается. Классная комната съезжилась до одной-единственной точки. Для меня сейчас весь мир состоит листка бумаги, сложенного треугольничком, на верхней стороне которого нацарапано имя: Стейша. И хоть я не представляю, как этот листок сюда попал (Деймена, как показывает беглый взгляд, по-прежнему нет в классе), я не хочу прикасаться к записке. Не желаю участвовать в этой мерзкой игре!

Я хватаю кисть и со всей силы поддаю записку. Наблюдаю, как она переворачивается в воздухе, прежде чем спланировать на пол. А сама понимаю, что веду себя по-детски, смешно и глупо, особенно когда подскокившая ко мне мисс Мачадо подхватывает листок.

— У тебя что-то упало, — нараспев произносит она, улыбаясь светло и вопросительно.

Ей и в голову не пришло, что я нарочно это сделала.

— Это не мое, — отвечаю я, перекладывая краски.

Пусть учительница сама отдаст записку Стейше, а лучше вообще выбросит.

— Значит, у нас в классе есть еще одна Эвер? А я и не знала, — улыбается она.

Что-о?!

Я хватаю записку. Вот, четко написано: «Эвер», — и почерк явно Деймена, его ни с каким другим не спутаешь. Не нахожу никакого логического объяснения. Я-то совершенно точно знаю, что видела!

Разворачиваю записку дрожащими пальцами, отгибаю по очереди все три уголка и, разгладив складку, тихонько ахаю: передо мною маленький, но очень реалистичный набросок цветка — прекрасного алого тюльпана.

Глава 11

Всего несколько дней до Хэллоуина, и мне нужно доделать маскарадный костюм. Хейвен оденется вампиркой (кто бы сомневался), Майлз — пиратом. Я его отговорила наряжаться Мадонной эпохи лифчиков с конусообразными чашечками. А кем я собираюсь одеться — не скажу. Моя великая идея постепенно переросла в излишне грандиозный проект, и я быстро теряю веру в то, что он мне по силам.

Надо признаться, я очень удивилась, что Сабина вообще намерена отмечать этот праздник, да еще и гостей пригласить. Отчасти потому, что она такими вещами, по-моему, не особо интересуется, а главным образом потому, что мы с ней на двоих от силы пятерых гостей наберем. Как оказалось, Сабина общительнее, чем я думала — она мигом начеркала два с половиной столбца имен, а у меня список до жалости короткий: всего двое моих друзей, ну и, возможно, каждый из них еще кого-то приведет с собой.

Пока Сабина заказывала еду и напитки, я поручила Майлзу заняться аудио-музыкальной частью вечеринки (на деле это означает, что он притащит свой плеер да возьмет напрокат несколько ужасиков), а Хейвен обещалась принести кексы. В итоге я и Райли остались, по сути, единственными участниками комиссии по украшению помещений. Сабина вручила мне каталог и кредитную карточку с наставлением «не стесняться в средствах», так что вчера и сегодня всю вторую половину дня мы занимались превращением дома из обычного для калифорнийского побережья современного жилища в зловещий средневековый замок со склепом и подземельем. Как это было весело! Напомнило мне прошлое, как мы дома готовились к Пасхе, к Рождеству и ко Дню благодарения. Не говоря уже о том, что мы с сестрой были заняты делом и потому гораздо меньше ссорились.

— Оденься русалкой, — советует Райли. — Или кем-нибудь из этого шоу про подростков округа Ориндж.

— Боже, неужели ты все еще смотришь эту ерунду? — Я балансирую на предпоследней ступеньке складной лесенки, подвешивая еще одну искусственную паутину.

— Я не виновата, система «Тиво»[2] сама ее включает! — пожимает плечами Райли.

— У вас там еще и «Тиво» есть?

Я жадно ловлю каждый клочок информации, ведь сестра, как последняя жадина, не спешит делиться хоть бы самыми мелкими подробностями.

А она хохочет.

— Поверила! Надо же!

Райли корчит гримасу и вытаскивает из картонной коробки гирлянду с разноцветными лампочками.

— Давай поменяемся, — предлагает она, разматывая провод. — Глупо же тебе лазить вверх-вниз по лестнице, когда я легко могу взлететь и все, что надо, развесить.

Нахмурившись, отрицательно качаю головой. Пускай так было бы легче, а все-таки хочется сделать вид, что моя жизнь хоть в чем-то нормальна.

— Так кем ты оденешься?

— Не скажу! — Я прицепляю паутину в углу и слезаю с лестницы рассмотреть, как получилось. — У тебя

свои секреты, у меня — свои.

— Так нечестно!

Райли, надувшись, скрещивает руки на груди. На папу такие штучки действовали, на маму — никогда.

— Спокойно, ты все увидишь на празднике.

Я беру скелет, который должен светиться в темноте, и начинаю распутывать сцепившиеся друг с другом конечности.

— Ты меня приглашаешь? — радостно пищит Райли, широко раскрыв восторженные глаза.

— Как будто я могу тебя остановить! — смеюсь я, прислоняя мистера Скелета к стеночке у входа — пусть встречает гостей.

— А твой парень тоже придет?

Я вздыхаю.

— Ты же знаешь, что у меня нет никакого парня.

Как мне надоела эта бесконечная игра!

— Я все-таки не совсем дурочка, — обижается Райли. — Не воображай, что я забыла великую дискуссию по поводу свитера. Не терпится познакомиться с твоим красавцем — или, лучше сказать, не терпится его увидеть. Вряд ли ты меня ему представишь! Если подумать, это довольно-таки невоспитанно. Если он меня не видит, это еще не значит, что...

— Да не приглашала я его, не приглашала, успокойся! — ору я и слишком поздно соображаю, что попалась в ее коварную ловушку.

— Ага! — Райли высоко поднимает брови, торжествуя изогнув губы. — Я так и знала!

Смеясь, она бросает мне гирлянду и подпрыгивает на месте от восторга. Вихляя бедрами, тычет в меня пальцем.

— Я знала, знала, знала! — Размахивает руками и кружится по комнате. — Ха! Я знала!

Я закрываю глаза и вздыхаю, проклиная себя за то, что попалась на такую примитивную подначку.

— Ничего ты не знаешь! Не был он никогда моим парнем, понятно? Он... он просто новенький у нас в школе. Сначала показался симпатичным, а потом я поняла, что он девчонок меняет как перчатки, и... скажем так — пришла в себя. Он мне даже и симпатичным-то больше не кажется. Seriously, все это и десяти секунд не продлилось, и то оттого только, что сразу не сообразила, что к чему. Между прочим, не у меня одной такое помутнение мозгов случилось. Майлз и Хейвен чуть не передрались из-за него. Так что прекращай свои пляски и давай-ка за работу, ладно?

Едва закончив говорить, я понимаю, что моя пламенная речь звучала так, словно я оправдывалась, и вряд ли она могла кого-нибудь убедить. Но сказанного не воротишь, так что я просто стараюсь не обращать внимания на то, как Райли кружится вокруг меня и выпевает:

— А я знала! Вот знала, и все тут!

* * *

В день Хэллоуина дом выглядит потрясающе. Мы с сестрой приклеили скотчем паутину на все окна и по углам, а в середине каждой посадили большущего паука — «черную вдову». К потолку подвесили черных летучих мышей из резины, разбросали по комнатам кровавые отрубленные руки и ноги (муляжи, понятное дело), а в одной из комнат установили хрустальный шар и ворона, подключенного к электрической розетке — у него время от времени загорались глаза, и он говорил: «Ты еще хлебнешь горя! Карр! Хлебнешь горря!» Мы нарядили зомби в «окровавленные» лохмотья и расставили в самых неожиданных местах. У входа установили дымящиеся котлы с колдовским зельем (на самом деле — вода и сухой лед) и повсюду разбросали скелеты, мумии, черных кошек и крыс (ненастоящих, но все равно жутковатых), химер, гробы, черные свечи и черепа. Даже задний двор украсили тыквами, вырезанными в виде рожиц со светящимися глазами, в пруд пустили плавать шары со свечками и развесили гирлянды мигающих лампочек. Да, еще поставили на лужайке перед входом смерть с косой, в человеческий рост.

— Как я выгляжу? — спрашивает Райли, стараясь рассмотреть свой лифчик, состоящий из двух фиолетовых раковин, и рыжие волосы, а заодно размахивая сверкающим от блесков зеленым рыбьим хвостом.

— Как любимый персонаж диснеевского мультлика, — отвечаю я.

Сама я напудриваю лицо до полной белизны, а про себя думаю — как бы сплавить куда-нибудь сестрицу, чтобы переодеться спокойно и, может быть, в кои-то веки ее удивить.

— Будем считать, что это комплимент, — улыбается Райли.

— Правильно считаешь.

Я зачесываю волосы назад и закалываю их — пышный белокурый парик надену позже.

— Ну, кем ты оденешься? — не унимается Райли. — Может, скажешь уже, а то я сейчас умру от любопытства!

Она хохочет, схватившись за живот, и раскачивается взад-вперед, так что чуть не падает с кровати. Сестра обожает каламбуры на загробную тему. Ей кажется, это безумно смешно, а у меня каждый раз внутри все сжимается.

Не реагируя на шутку, я говорю:

— Сделай одолжение, сбегай посмотри, какой костюм приготовила Сабина. А то вдруг она все-таки решила нацепить тот здоровенный резиновый нос с волосатой бородавкой. Я ей говорила — костюм ведьмы отличный, но без носа лучше было бы обойтись. Парней такие штуки не привлекают.

— У нее есть парень? — удивляется Райли.

— Если наденет тот нос — нет.

Райли слезает с кровати и направляется к двери, волоча за собой русалочий хвост.

— Смотри, не шуми и вообще не пугай ее, ладно? — кричу я вслед. Сестра выскальзывает из комнаты, не потрудившись открыть дверь. Я уже миллиард раз это видела и все равно не могу привыкнуть.

Захожу в кладовку, расстегиваю молнию на сумке, спрятанной в дальнем углу, и вынимаю чудесное черное платье с прозрачными черными рукавами три четверти и тугим корсажем, переходящим в пышные складки. Точно такое платье надела на бал-маскарад Мария-Антуанетта (в фильме, в исполнении Кирстен Данст). Кое-как справляюсь с молнией на спине, затем натягиваю высокий белокурый парик (хоть я и сама натуральная блондинка, в такую прическу мои волосы не уложить). Накрашиваю губы алой помадой, нацепляю тонкую черную полумаску и вдеваю в уши длинные висячие серьги с искусственными приллиантами. Костюм готов! Я подхожу к зеркалу и кружусь на месте, любуюсь тем, как взматывается волнами сверкающая черная юбка. До чего хорошо получилось, с ума можно сойти...

Райли, вернувшись, качает головой.

— Уф, все в порядке — наконец-то! Сначала она нос надела, потом сняла, потом опять надела и стала изучать и зеркале свой профиль. В результате все-таки снова сняла. Клянусь, я терпела из последних сил, так хотелось сорвать с нее этот жуткий нос и выбросить в окошко!

Я замираю, затаив дыхание. Надеюсь, на самом деле Райли этого не сделала? С нее станется.

Она плюхается на вертящийся стул около письменного стола и, оттолкнувшись зеленым хвостовым плавником, начинает крутиться.

— Спокойно, не напрягайся так! Потом позвонил последний гость, спрашивал, как до нас добраться, и она целый час распиналась, как ты замечательно украсила дом, прямо не верится, что совсем одна трудилась, и так далее, и тому подобное. — Райли хмурится, качая головой. — Хорошо устроилась: мы обе работали, а хвалят тебя одну. — Сестра перестает вращаться и долго оценивающе смотрит на меня. Наконец говорит: — Мария-Антуанетта, значит. В жизни бы не догадалась. Вроде ты никогда особенно не любила пирожных.

Я морщусь от досады,

— К твоему сведению, она не говорила этих дурацких слов про пирожные. Бульварные газетенки пустили слух, только и всего.

Я говорю с сестрой, а сама не могу оторваться от зеркала: в очередной раз подкрашиваю губы, поправляю парик... Надеюсь, он не свалится в самый неожиданный момент. Вдруг я замечаю в зеркале отражение Райли. Что-то в выражении ее лица заставляет меня обернуться к ней.

— Ау, ты как? Все в порядке?

Она зажмуривается, прикусив губу. Потом встряхивает головой и произносит:

— Посмотреть только на нас с тобой! Ты нарядилась трагической королевой-подростком, а я бы все на свете отдала, только чтобы стать подростком!

Я хочу броситься к ней, обнять, а вместо этого бессильно роняю руки. Я так привыкла постоянно болтать с сестрой — иногда просто забываю, что на самом деле ее здесь нет. Нет ее больше в этом мире, никогда она не вырастет, ей никогда не исполнится тринадцать. И тут я вспоминаю, что все это случилось по моей вине, и мне становится в миллион раз хуже.

— Райли, я...

А она только мотает головой и взмахивает русалочьим хвостом.

— Ладно, проехали! — сестра с улыбкой воспаряет над стулом. — Пора встречать гостей!

* * *

Хейвен привела с собой Эванджелину, ту самую эмоционально-зависимую подругу-донора, тоже в наряде вампира — какой сюрприз! С Майлзом пришел Эрик, его знакомый по театральной студии. Может, и симпатичный — не разберешь под черной атласной маской и плащом Зорро.

— Поверить не могу, что ты не пригласила Деймена! — выпаливает Хейвен, даже не поздоровавшись.

Она уже целую неделю на меня из-за этого злится.

Тяжко вздыхаю. Я устала оправдываться, объяснять то, что и так ясно, в очередной раз напоминать, что Деймен сам от нас отказался. Он не отходит от Стейши — и в столовой, и на уроках. Без конца достает для нее розовые бутоны из самых неожиданных мест, и копия образа с картины «Женщина с желтыми волосами» в его исполнении мало-помалу становится подозрительно похожей на Стейшу.

И вообще — извините, но мне совсем не хочется обсуждать тот факт, что, несмотря на красные тюльпаны, таинственную записку и один-единственный интимный взгляд, скоро будет две недели, как он со мной не разговаривает.

— Он все равно не пришел бы, — говорю я, надеясь, что Хейвен не заметила предательской дрожи в голосе. — Наверняка он сейчас где-нибудь празднует со Стейшей, или с той рыжей, или...

Обрываю фразу, качая головой.

— Погоди... с какой рыжей? У него еще и рыжая есть? — прищуривается Хейвен.

Я пожимаю плечами. Говоря по правде, он может быть практически с кем угодно. Я знаю одно: он не здесь, не со мной.

Хейвен оборачивается к Эванджелине.

— Такой парень, надо видеть! Красив, как кинозвезда, сексуальный — как рок-звезда, и даже фокусы умеет показывать! — мечтательно вздыхает моя подруга.

Эванджелина выгибает бровь.

— Кажется, он — галлюцинация. Такого совершенства не бывает!

— А вот он — такой. Жаль, ты его сегодня не увидишь. — Хейвен сурово смотрит на меня и тербит черную бархатку на шее. — Но если когда-нибудь случайно его встретишь, не забывай, пожалуйста, — он мой! Я его застолбила, когда мы с тобой еще даже знакомы не были.

Я оглядываю Эванджелину: темная мутная аура, чулки в сеточку, коротенькие черные мальчишеские шортики и сетчатый топ. Эта ради подруги стесняться не станет...

— Хочешь, я тебе одолжу клыки и немножко искусственной крови на шею — будешь тоже вампиркой, — предлагает Хейвен.

В голове у нее полная чехарда — она хочет остаться моей подругой, но в то же время уверена, что я — ее враг.

Я качаю головой и веду девчонок в дом. Хоть бы они нашли другую тему для разговора и позабыли про Деймена!

* * *

Сабина болтает с друзьями, Хейвен с Эванджелиной потягивают напитки, Майлз танцует с Эриком. Райли балуется с кнутом Эрика — дергает кончик туда-сюда, то вверх, то вниз, и смотрит: заметил ли кто? Я только собираюсь дать ей знак, чтобы прекратила, если не хочет, чтобы ее отсюда выгнали, как вдруг раздается звонок в дверь. Все наперегонки бросаются открывать.

Я успеваю первой, но тут же забываю порадоваться победе, потому что на пороге стоит Деймен. В одной руке — букет цветов, в другой — шляпа с золотым галуном, волосы собраны в хвост, вместо обычной стильной черной одежды — белая рубашка в кружевах, камзол с золотыми пуговицами, короткие... панталоны, иначе не скажешь, а к ним — обтягивающие чулки и остроносые черные башмаки. Я успеваю подумать: «Вот Майлз обзавидуется», — и тут до меня доходит, кем одет Деймен. Сердце делает перебой.

— Граф Ферзен, — шепчу я, с трудом шевеля губами.

— Мари... — Он улыбается и отвечает изящный циклон.

— Как же так... Это же был секрет... И я тебя даже не приглашала...

Я заглядываю ему через плечо, ожидая увидеть там Стейшу, рыжую красотку или кого угодно другого. Я же знаю, не мог он прийти специально ради меня!

А он с улыбкой протягивает мне цветы.

— Значит, это счастливое совпадение!

Кое-как проглотив комок в горле, я поворачиваюсь на каблуках и веду Деймена в дом, в небольшую комнату позади столовой и гостиной. Щеки у меня горят, а сердце колотится так сильно, что я боюсь, как бы оно не выскочило из груди. Я не понимаю и все пытаюсь найти логическое объяснение: как случилось, что Деймен

явился ко мне на праздник в костюме, парном моему?

— О боже, Деймен пришел! — пищит Хейвен, размачивая руками и вся сияя — насколько может сиять лицо вампирши, густо напудренное, клыкастое и основательно измазанное кровью.

Но стоит ей рассмотреть его костюм и понять, что он одет как граф Аксель фон Ферзен, не слишком тайный возлюбленный Марии-Антуанетты, лицо подруги мрачнеет, и она обращает на меня обвиняющий взор.

— И когда вы только успели договориться? — подступает к нам Хейвен.

Она делает вид, что шутит, но старается больше для Деймена, чем для меня.

— Мы не договаривались, — отвечаю я, надеясь, что она поверит, и в то же время понимая, что на это рассчитывать не приходится.

Я и сама уже ни в чем не уверена — может, как-нибудь случайно проговорилась, какой костюм у меня задуман? Нет, я точно знаю — не проговорилась.

— Чистая случайность, — говорит Деймен, обвив рукой мою талию.

И хотя он тут же убирает руку, у меня по всему телу дрожь от этого прикосновения.

— Ты, наверное, Деймен, — говорит Эванджелина, скользнув к нему вплотную и перебирая пальцами рюши на рубашке. — Я думала, Хейвен преувеличивает, а оказывается, ни капельки! Так что у тебя за костюм?

— Граф Ферзен, — отвечает Хейвен жестким и ломким голосом, сощурился глаза.

— Ну, неважно...

Эванджелина сдергивает с него шляпу и нахлобучивает себе на голову. Соблазнительно улыбается из-под широких полей и, схватив Деймена за руку, уводит его в сторону.

Не успевают они отойти, как Хейвен набрасывается на меня.

— Ну, ты даешь! — Лицо злое, руки сжаты в кулаки, но все это ничто по сравнению с тем, какие ужасные мысли вертятся у нее в голове. — Ты же знала, что он мне нравится! Я тебе верила!

— Хейвен, клянусь, мы не договаривались! Какое-то странное совпадение. Я вообще не понимаю, зачем он сюда явился. Ты же знаешь, я его не приглашала.

Я очень стараюсь ее убедить, хоть и понимаю, что это безнадежно: она уже все для себя решила.

— Кстати, не знаю, может, ты не заметила, но твоя подруга Эванджелина просто верхом на него залезла.

Хейвен, оглянувшись, пожимает плечами.

— Она со всеми так. Мне она не опасна — в отличие от тебя.

Я делаю глубокий вдох, собирая остатки терпения И в то же время стараясь удержаться от смеха, потому что Райли пристроилась позади Хейвен и передразнивает ее, повторяя все ее жесты — ужасно смешно, хотя и зло.

— Послушай, — говорю я. — Он мне не нравится! Ну чем тебя убедить? Скажи, я что угодно сделаю!

Хейвен, отвернувшись, качает головой. Плечи у нее поникли, в мыслях черным-черно: вся злость обратилась на нее саму.

— Не надо ничего делать. — Хейвен вздыхает и быстро-быстро смаргивает слезы. — Ни слова не говори. Если ты ему нравишься, значит — нравишься, тут уж ничего не поделаешь. Ты же не виновата, что такая умная, и красивая, и все парни влюбляются в тебя, а не в меня. Особенно если увидят тебя без капюшона.

Она пробует засмеяться, но не очень успешно. В надежде все-таки убедить Хейвен — или саму себя — я говорю:

— Ты что-то выдумала себе на пустом месте. Видимо, нам с Дейменом нравятся одинаковые фильмы и маскарадные костюмы, только и всего.

Я улыбаюсь, а про себя надеюсь, что улыбка выглядит искренней.

В дальнем конце комнаты Эванджелина отняла у Зорро кнут и показывает, как им надо пользоваться. Хейвен смотрит на них, потом снова оборачивается ко мне.

— Знаешь, у меня к тебе есть одна просьба.

Я киваю. Что угодно, лишь бы покончить с этим бредом!

— Прекрати врать. У тебя это плохо получается.

И Хейвен отходит от меня. Проводив ее взглядом, оборачиваюсь к Райли. Та подпрыгивает на месте.

— Ой, караул, какой праздник замечательный! Драма! Загадки! Ревность! Две шикарные девушки чуть не подрались из-за парня! Какое счастье, что я все это не пропустила!

Я хочу шикнуть на нее, но вовремя вспоминаю, что, кроме меня, ее никто не слышит. Вот бы все удивились...

Раздается очередной звонок в дверь. Сестрица успевает на порог первой, несмотря на волочащийся сзади рыбий хвост.

— Боже мой, — говорит стоящая на пороге женщина, глядя куда-то между мной и Райли.

— Чем я могу вам помочь? — спрашиваю я, отметив, что она не в костюме — разве только обычный для Калифорнии повседневный наряд можно назвать маскарадным костюмом.

Карие глаза незнакомки встречаются с моими, и она произносит:

— Извините, я опоздала. Движение на дорогах немного... ну, вы понимаете.

Она кивает Райли с таким видом, словно может ее видеть.

Я спрашиваю:

— Вы подруга Сабины?

Может быть, у нее просто нервный тик, и от этого глаза косят в ту сторону, где стоит Райли. У незнакомки красивая фиолетовая аура, но почему-то я не могу ее прочесть.

— Я Ава. Меня наняла Сабина.

— Вы из ресторана? — спрашиваю я.

Правда, тогда странно, почему на ней черный топ, открывающий одно плечо, облегающие джинсы и балетки вместо форменных черных брюк с белой рубашкой, как у других официантов, обслуживающих сегодняшний праздник.

Женщина только смеется и машет рукой моей сестре, которая прячется за мою юбку, точно так же, как пряталась за маму, стесняясь чужих.

— Я — экстрасенс, — говорит женщина, отбрасывая с лица каштановые пряди, и опускается на колени перед Райли. — Я вижу, у тебя тут имеется подружка.

Глава 12

По-видимому, экстрасенс Ава должна была стать забавным сюрпризом для гостей, но можете мне поверить, никто не удивился так сильно, как я. Тут вот что удивительно: почему я об этом не узнала заранее? Неужели так погрузилась в свои переживания, что забыла пошарить в мозгах у Сабины?

И ведь не выгонишь ее, хотя искушение было велико. Но не успела я отойти от шока, как рядом возникла Сабина.

— О, вы все-таки смогли прийти! Отлично! Я вижу, вы уже познакомились с моей племянницей.

Сабина ведет новую гостью в кабинет, где все подготовлено для «сеанса».

Я плетусь за ними — хочу узнать, скажет ли экстрасенс Ава что-нибудь про мою покойную сестричку. Но тут Сабина посылает меня принести Аве что-нибудь выпить, а когда я возвращаюсь, та уже гадает гостям.

— Занимай очередь, пока еще больше народу не набежало, — советует Сабина, прижавшись плечом к Франкенштейну. А он, хоть в своей кошмарной маске, хоть без — не тот симпатичный парень, что работает с ней в одном здании. И не тот уверенный в себе, преуспевающий банкир, каким хочет казаться. На самом деле он до сих пор живет у мамы.

Но Сабине я об этом не скажу — не хочу сегодня портить ей настроение. Качаю головой:

— Может быть, попозже.

* * *

Приятно видеть, что Сабине в кои-то веки по-настоящему весело. Приятно сознавать, что у нее целая куча друзей и, если я не ошибаюсь, вновь проснулся интерес к молодым людям. Приятно смотреть, как Райли танцует с ничего не подозревающими гостями и подслушивает их разговоры — которые, скорее всего, ей слушать совсем не следует. И все-таки мне нужен перерыв. Необходимо отдохнуть от гудящих вокруг мыслей, от пульсирующих аур, а больше всего — от Деймена.

В школе я держалась от него подальше, притворяясь, что мне до него и дела нет, а сегодня, когда он вдруг пришел к нам на вечеринку, да еще в костюме, парном моему — я просто не знаю, что и думать. В последнее время он интересовался Стейшей, рыжей красоткой — кем угодно, только не мной. Ухаживал за ними, очаровывал, фокусы показывал...

Окунаю лицо в цветы, которые он мне принес — двадцать четыре тюльпана, и все, как один, красные. И хотя тюльпаны, вроде, не пахнут — эти издают густой пьянящий аромат, от которого кружится голова. Я глубоко вдыхаю, потерявшись в их благоухании, и тайне притаюсь себе: да, он мне нравится. Ну, то есть, по-настоящему нравится. Что я могу поделать? Нравится, и все. Сколько ни притворяйся, правдой это быть не перестанет.

А ведь я совсем было примирилась с одиночеством. Конечно, меня не радовала перспектива навсегда остаться без поклонников, совершенно не сближаться с людьми. А как я пойду, например, на свидание, если от одного прикосновения сразу пойму, о чем думает мой партнер? У меня даже не будет возможности замирать от волнения, угадывая тайное значение всего, что он говорит и делает.

Может, кому-то покажется, что это круто — читать чужие мысли и ауры... Поверьте, это полный отстой. Все бы отдала, лишь бы вернуться в свою прежнюю жизнь, стать нормальной девчонкой и ничего не знать об окружающих. Потому что иногда даже лучшие друзья думают о тебе гадости, и если хоть изредка не выключать трансляцию, потребуется огромный запас всепрощения.

Вот тем-то Деймен и хорош — он для меня словно выключатель. Только его мысли я не в состоянии прочесть, и только он умеет заставить все вокруг замолчать. И хотя мне с ним бывает чудесно, тепло, и я чувствую себя почти нормальной, — насколько это вообще для меня возможно, — все же я невольно думаю, что ничего нормального во всем этом нет.

Сижу в шезлонге возле бассейна, расправив пышную юбку, и наблюдаю за тем, как покачиваются на воде светящиеся шары, то и дело меняя цвет. Я так задумалась и залюбовалась чудесной картиной, что даже не заметила, как ко мне подошел Деймен.

— Привет! — улыбается он.

Я поднимаю на него глаза, и все тело обдает жаром.

— Хороший у вас праздник. Я рад, что напросился в гости. — Он садится рядом, а я смотрю прямо перед собой. Понимаю, что он меня поддразнивает, но от волнения не могу ответить. — Из тебя получилась хорошая Мария, — говорит он, трогая пальцем длинное черное перо, которое я в последний момент воткнула в прическу.

Я сжимаю губы. Мне тревожно и хочется сбежать. Делаю глубокий вдох и стараюсь расслабиться. Могу позволить себе жить — хотя бы эту одну ночь?

— А из тебя — хороший граф Ферзен, — говорю я наконец.

Он смеется:

— Пожалуйста, зови меня Аксель!

— За дырку от моли взяли отдельную плату? — спрашиваю я, кивнув на протертую ткань на плече. О затхлом запахе предпочитаю не упоминать.

Деймен смотрит мне прямо в глаза и отвечает:

— Это не от моли. След после артиллерийского залпа. Как говорится, шальная пуля зацепила.

— Если я правильно помню, в той сцене ты гонялся за какой-то брюнеткой, — замечаю я, вспоминая времена, когда флирт давался мне легко и естественно.

— Сценарий переписали в последнюю минуту, — усмехается он. — Разве ты не получила свежий экземпляр?

Я вытягиваюсь на шезлонге и с улыбкой думаю о том, как приятно дать себе наконец волю и вести себя как нормальная влюбленная девчонка. Как все.

— В новом варианте сценария нет никого, кроме нас с тобой. И твоя хорошенькая головка, Мари, останется при тебе.

Он проводит по моей шее пальцем, самым кончиком, оставляя чудесное жгучее ощущение. Задерживает палец у меня под самым ухом.

— Почему ты не встала в очередь к гадалке? — шепчет Деймен, а его палец путешествует по моей щеке, обводит ухо, и губы придвигаются так близко, что наше дыхание смешивается.

Я пожимаю плечами и стискиваю губы. Заткнулся бы он уже и поцеловал меня наконец!

— Ты не веришь в гадания?

— Нет... просто... ничего я не знаю!

От разочарования хочется кричать. Он что, не понимает, что для меня это, может быть, последний шанс прожить нормальные романтические отношения? Может быть, другого такого случая не будет?

— А ты почему не в очереди? — спрашиваю я, уже не скрывая досады.

— Пустая трата времени, — смеется он. — Читать мысли и предсказывать будущее невозможно. Правда?

Я отвожу взгляд. Смотрю, как светящиеся на воде шары мало того что становятся розовыми, так еще и выстраиваются в форме сердечка.

— Я прогневал тебя? — спрашивает он, за подбородок поворачивая мое лицо к себе.

Вот еще странность: он то всю болтает на калифорнийском жаргоне, а то вдруг начинает изъясняться, будто только что сошел со страниц «Грозового перевала».

— Нет, ты меня не прогневал, — отвечаю я, не удержавшись от смеха.

— Я сказал что-то смешное?

Его пальцы, скользнув под челку, находят шрам. Я отдергиваю голову.

— Откуда он у тебя? — спрашивает Деймен, убрав руку и глядя на меня с такой искренней теплотой, что я почти готова признаться.

Но я не признаюсь. Потому что сегодня — единственная ночь в году, когда я могу побыть не собой. Притвориться, будто не из-за меня погибли все, кто были мне дороги. Сегодня я могу флиртовать, резвиться и принимать легкомысленные решения, о которых потом, скорее всего, горько пожалею. Потому что сегодня я не Эвер, я — Мари. И какой же он граф Ферзен, если сейчас не заткнется и не поцелует меня наконец?

— Я не хочу об этом говорить.

Я смаргиваю, глядя на светящиеся на воде шары — они теперь стали красными и выстроились в форме тюльпана.

— А о чем ты хочешь говорить? — спрашивает он чуть слышно, обратив ко мне свои удивительные глаза — манящие бездонные озера.

— Не хочу я разговаривать, — шепчу я и задерживаю дыхание.

Губы Деймена встречаются с моими.

Глава 13

Если мне казался потрясающим его голос, от которого окугивала блаженная тишина, если я считала невероятным его прикосновение, огнем опаляющее то его поцелуй — нечто запредельное. Я, конечно, не специалист, — не так уж много я раньше целовалась, — но готова поспорить, что такой сверхъестественный, всепоглощающий поцелуй случается только раз в жизни.

Он отстраняется, чтобы заглянуть мне в глаза, но я зажмуриваюсь, хватаю Деймена за воротник, тяну к себе...

Вдруг раздается голос Хейвен:

— Я тебя везде ищу. Могла бы догадаться, что ты здесь прячешься.

Я в ужасе отшатываюсь. Застигли! А я только что клялась и божилась, что он мне совсем не нравится...

— Мы просто...

Хейвен останавливает меня, подняв руку.

— Не надо подробностей. Я всего лишь хотела сказать, что мы с Эванджелиной уходим.

— Уже? — спрашиваю я.

Сколько же времени мы здесь пробыли?

— Да, тут моя подруга зашла, Трина, она нас пригласила в другое место праздновать. Вы тоже можете с нами пойти — хотя вы, кажется, и так нашли, чем заняться, — хмыкает Хейвен.

— Трина? — переспрашивает Деймен.

Он вскакивает так стремительно, что его силуэт размывается.

— Ты ее знаешь? — удивляется Хейвен, но Деймен уже исчез.

Мы бежим за ним.

Я изо всех сил стараюсь догнать Хейвен, что-то объяснить, наконец хватаю ее за плечо — и на меня обрушивается такая темная, ошеломляющая злость и такое беспросветное отчаяние, что слова застревают в горле.

Хейвен вырывается и, оглянувшись, говорит:

— Я же сказала, не умеешь ты врать.

И бежит дальше.

Вздохнув, бегу за ней через кухню, через кабинет, к входной двери, не отрывая взгляда от затылка Деймена. А он двигается так легко и уверенно, словно точно знает, куда надо идти. Выбегаю в прихожую и застываю столбом, увидев их обоих вместе. Он — во всем великолепии восемнадцатого века, она — в костюме Марии-Антуанетты, таком пышном, таком изысканном, что я рядом с ней выгляжу замарашкой.

— Ты, должно быть... — Она задирает подбородок, а ее глаза смотрят на меня в упор — два сверкающих темных изумруда.

— Эвер, — еле выговариваю я, а сама разглядываю белокурый парик, безупречную кожу кремового оттенка, нитку жемчуга на шее. Идеально розовые губы приоткрываются, показывая зубки, такие ослепительно белые,

что кажутся ненастоящими.

Я оборачиваюсь к Деймену — может быть, он сумеет объяснить, как рыжая красавица из отеля «Сент-Реджис» оказалась в моей прихожей. Но он слишком занят — смотрит на нее так пристально, что, наверное, совсем забыл о моем существовании.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он почти шепотом.

Она улыбается.

— Меня пригласила Хейвен.

Я перевожу взгляд с нее на Деймена, и все во мне леденеет от ужаса.

— Как вы познакомились? — спрашиваю я.

Деймен словно преобразился, стал холодным и далеким — темная туча там, где было солнце.

— Я встретила ее в «Ноктюрне», — отвечает Трина, глядя мне в лицо. — Сейчас как раз туда направляемся.

Надеюсь, ты не в обиде за то, что я похищаю твою подругу?

Я прищуриваю глаза и пытаюсь ее прочитать, не обращая внимания на то, как колет в сердце и сводит живот. Но добраться до ее мыслей невозможно. Они полностью заблокированы, и ауры у нее нет.

— Ах, какая я глупенькая! Ты, конечно, имела в виду меня и Деймена?

Она смеется, неторопливо осматривает мой костюм и снова встречается со мной взглядом. Я молчу, и тогда она кивает.

— Мы с ним познакомились в Нью-Мехико.

Вот только в тот самый миг, когда она произносит «Нью-Мехико», Деймен говорит: «В Новом Орлеане».

Трина смеется, но смех не отражается в глазах.

— Скажем просто — мы с ним давно знакомы.

Она кивает и, протянув руку, трогает мой рукав. Ее пальцы проходятся по краю, обшитому бисером, и соскальзывают на мое запястье.

— Прелестное платье, — говорит она, крепко стиснув мою руку. — Ты сама его сшила?

Я выдергиваю руку — не потому, что она явно надо мной насмехается, а из-за ледяного холода, который идет от ее пальцев. Холодные острые ногти царапают кожу, и у меня мороз растекается по телу.

— Правда, она потрясающая? — спрашивает Хейвен, глядя на Трину с восторгом, который обычно она приберегает для вампиров, готических рок-музыкантов и Деймена.

Эванджелина, стоя рядом, корчит гримаску и смотрит на часы.

— Нам пора, иначе в «Ноктюрн» до полуночи не успеем, — говорит она.

— Присоединяйтесь к нам, — улыбается Трина. — Как раз поместитесь в машине.

Я оглядываюсь на Хейвен и ясно слышу ее мысли: «Скажи „нет“, скажи „нет“, ну, пожалуйста!»

Трина смотрит на Деймена, на меня и произносит нараспев:

— Шофер ждет.

Я оборачиваюсь к Деймену, и у меня сжимается сердце — он явно не знает, на что решиться. Кашлянув, заставляю себя ответить:

— Поезжайте, если хотите. А я должна остаться. Не могу же я бросить гостей.

И я смеюсь, легко и беззаботно, а на самом деле задыхаюсь от боли.

Трина глядит на нас, приподняв брови, с надменным лицом, и почти не выдает своего изумления, когда Деймен, покачав головой, берет меня за руку. Меня, а не ее.

— Приятно было познакомиться, Эвер, — говорит мне Трина, усаживаясь в лимузин. — Впрочем, не сомневаюсь, мы еще встретимся.

Я провожаю машину взглядом, потом оборачиваюсь к Деймену.

— Кого еще мне ждать? Стейшу, Хонор и Крейга?

Тут же мне становится стыдно. Что же я за убогое, ревнивое создание? Можно подумать, я раньше не знала, что Деймен меняет партнеров как перчатки. Чему я удивляюсь?

Просто сегодня настала моя очередь. Только и всего.

— Эвер... — Он проводит большим пальцем по моей щеке.

Я делаю движение — высвободиться, потому что не желаю слушать его оправданий, и тут он шепчет, глядя мне в глаза:

— Кажется, мне тоже нужно уйти.

Я смотрю на него и умом понимаю правду, которую не хочет принимать сердце. Ясно же, что он не договорил: «...мне нужно уйти и догнать ее».

— Отлично. Спасибо, что зашел, — произношу я тоном, каким могла бы говорить не потенциальная подружка, а какая-нибудь официантка после долгого трудового дня.

А Деймен только улыбается и, выдернув у меня из прически перо, щекочет мне этим пером шею, потом легонько стучает по носу и говорит:

— Возьму на память?

Я даже не успеваю ответить — он уже в машине, и машина мчится прочь.

Я оседаю на ступеньку лестницы и хватаюсь за голову, сбив на сторону парик. Больше всего на свете мне хочется исчезнуть, вернуться в прошлое и все начать сначала. Зря я позволила ему меня поцеловать. Вообще не надо было пускать его в дом...

— А, вот ты где! — Сабина тянет меня за руку, заставляя встать. — Я тебя повсюду ищу. Ава согласилась задержаться специально для того, чтобы тебе погадать.

— Не надо мне гадать, — отвечаю я.

Не хочется обижать Сабину, но и общаться с дамой-экстрасенсом тоже не хочется. Я хочу только одного: забиться в комнату, сорвать с головы дурацкий парик и заснуть долгим-долгим сном без сновидений.

А Сабина основательно приложилась к пуншу и сейчас не вполне трезва, так что никакие возражения до нее не доходят. Она тянет меня в кабинет, где нас ждет Ава.

— Привет, Эвер! — улыбается Ава.

Я падаю на сиденье и стискиваю край стола. Дождаться бы, пока пьяная энергия Сабрины пойдет на убыль...

Ава все улыбается.

— Можешь не торопиться, спешить некуда.

Я смотрю на разложенные на столе карты Таро.

— Гм, ничего личного, но я не хочу, чтобы мне гадали, — произношу я, глядя ей в глаза, и сразу отвожу взгляд.

— Что ж, тогда я не буду гадать. — Ава пожимает плечами, собирает карты и начинает их тасовать. — Может быть, мы просто раскинем карты для проформы, чтобы не огорчать твою тетю? Что скажешь? Она беспокоится о тебе. Сомневается, правильно ли ведет себя по отношению к тебе, не зря ли предоставляет слишком большую свободу. Что ты об этом думаешь?

Я пожимаю плечами. Тоже мне, открытие века.

— Она, знаешь ли, собирается замуж.

Я вздрагиваю и снова поднимаю на нее взгляд.

— Не сегодня, — смеется Ава. — И не завтра. Так что не волнуйся.

— С чего мне волноваться? — Я ерзаю на стуле, а она снимает колоду, после чего раскладывает карты полумесяцем. — Я хочу, чтобы Сабина была счастлива, и если для этого нужно...

— Все так, но ты за прошедший год пережила уже столько перемен, верно? Привыкнуть к новому нелегко, правда?

Я не отвечаю. Почему я должна с ней откровенничать? Она пока еще не сказала ничего существенного. Жизнь полна перемен, и что с того? Надо расти, меняться и двигаться вперед? А Сабина — не такая уж загадка. На самом деле в ней нет ничего сложного.

Ава переворачивает несколько карт, другие оставляет лежать рубашкой вверх.

— И как же ты справляешься со своим даром? — спрашивает она.

— С чем, с чем?

Я подозрительно смотрю на Аву — к чему это она клонит?

— С твоим даром экстрасенсорного восприятия. — Ава улыбается и кивает, словно речь идет о неоспоримом факте.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Сжав губы, оглядываю комнату. Майлз и Эрик танцуют с Сабиной и ее поклонником. Райли танцует вместе с ними, только они об этом не знают.

— Поначалу бывает трудно, — продолжает Ава. — Поверь мне, уж я знаю. Я первой узнала о том, что моя бабушка скончалась. Она вошла ко мне в комнату, встала в ногах кровати и помахала рукой на прощание. Мне тогда было всего четыре года. Можешь себе представить, как реагировали мои родители, когда я прибежала в кухню и рассказала им об этом?! — Ава посмеивается, качая головой. — Ты-то меня понимаешь, правда? Ведь ты тоже их видишь.

Я смотрю в карты, изо всех сил стиснув руки, и молчу.

— Иногда это подавляет. Чувствуешь себя изолированной от всех. Но все может быть совсем по-другому. Не обязательно прятаться под капюшоном, терзая барабанные перепонки музыкой, которая тебе совсем не нравится. Особыми способностями можно управлять — есть способы, и я их тебе с удовольствием покажу. Эвер, совсем незачем жить так, как ты живешь.

Схватившись за край стола, поднимаюсь на ноги. Меня подташнивает, и колени дрожат. Эта дама — сумасшедшая, если она и вправду считает, что моя новая способность — дар. Я-то знаю, что тут совсем другое. Это — наказание за все, что я сделала. Это мой личный тяжелый груз, и никуда мне от него не деться.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — отвечаю я наконец.

Но она только кивает и кладет передо мной на стол визитную карточку.

— Когда будешь готова, обращайся.

Я беру карточку только потому, что Сабина смотрит на нас через всю комнату, и я не хочу показаться невежливой. С ожесточением сминаю карточку в руке и спрашиваю:

— Мы закончили?

Мне не терпится уйти.

— Еще только одно. — Ава убирает колоду Таро в коричневый кожаный портфель. — Твоя младшая сестра меня беспокоит. По-моему, ей давно пора двигаться дальше, ты как считаешь?

Дама-экстрасенс сидит передо мной — такая довольная, всезнающая, — и судит мою жизнь. А что она знает обо мне?

— Куда там двигаться? К вашему сведению, Райли уже мертвая! — шепчу я, роняя на стол смятую визитную карточку — пусть видит, кто хочет, мне все равно.

Ава только улыбается и говорит:

— Я думаю, ты поняла, о чем я.

Глава 14

Праздник закончился, гости разошлись, а я долго лежала в постели без сна, все думала о словах Авы — что Райли из-за меня застряла здесь и не может двигаться дальше. Мне почему-то казалось, что Райли давно пошла дальше, а меня просто навещает, когда ей захочется. Я-то ведь ее не просила ко мне заходить — значит, она сама так решила. А когда она не со мной — ну, наверное, где-то там обретается, на небесах. Ава, конечно, хочет помочь, вроде как занять место старшей сестры, да еще с парапсихическими способностями. Она одного не понимает: мне не нужна помощь. Хотя я и мечтаю снова сделаться нормальной, и чтобы все стало как раньше, на самом деле я все равно уверена, что это — мое наказание. Этот ужасный «дар» я сама заслужила за все, что я наделала, за оборвавшиеся из-за меня жизни. Остается только терпеть — и постараться больше никому не причинять вреда.

Наконец я засыпаю, и мне снится Деймен. В этом сне все было так ярко, так насыщено, как будто все происходило наяву, а утром в памяти остались одни обрывки, мешанина образов без начала и конца. Я смогла отчетливо вспомнить только одно — мы вдвоем бежим по холодному, продуваемому ветром ущелью, и я никак не могу рассмотреть то, к чему мы бежим.

* * *

— В чем дело? Что такая мрачная? — спрашивает Райли, пристроившись на краешке кровати в костюме Зорро — точно таком, как вчера у Эрика.

— Хэллоуин закончился, — говорю я, многозначительно глядя на кнут, которым она время от времени стегает по полу.

— Подумаешь! — Скорчив гримаску, Райли продолжает экзекуцию ковра. — Мне просто понравился костюм. Хочу каждый день кем-нибудь наряжаться!

Я наклоняюсь к зеркалу, вдеваю в уши сережки с крохотными бриллиантками и стягиваю волосы в хвост.

— Не могу поверить, что ты до сих пор так одеваешься, — говорит Райли, с отвращением сморщив нос. — У тебя же вроде как парень завелся.

Она бросает кнут на пол, хватая мой плеер и начинает прокручивать плейлист.

Я резко оборачиваюсь. Что она успела увидеть?

— Ау? Вчера, на празднике? У бассейна? Или это вы так просто, пообжимались?

Я чувствую, как мое лицо заливают краской.

— Что ты понимаешь в таких вещах? Тебе всего двенадцать! И нечего было подсматривать!

Она закатывает глаза.

— Очень надо за тобой подсматривать! Делать мне, что ли, нечего? К твоему сведению, я просто случайно вышла из дома как раз в тот момент, когда ты целовалась с Дейменом. И уж поверь, я бы рада была этого не видеть!

Я качаю головой и яростно роюсь в ящике, вымещая злость на ни в чем не повинных свитерах.

— Не хочется тебя разочаровывать, но он совсем не мой парень. Мы с ним с тех пор даже и не разговаривали. — От этих слов все сжимается внутри, и я ненавижу себя еще больше.

Хватаю чистый серый свитер и рывком натягиваю через голову, погубив только что старательно завязанный хвост,

— Если хочешь, я могу за ним проследить. Или буду его преследовать и пугать, — улыбается Райли.

Я вздыхаю. Отчасти мне хочется воспользоваться ее предложением, но, с другой стороны, я понимаю, что нужно смириться, забыть о том, что было, и как-то жить дальше.

— Хоть ты не лезь, будь так добра, — говорю я наконец. — Может у меня быть небольшое мимолетное приключение, как у всякой нормальной школьницы?

— Как скажешь. — Райли пожимает плечами и бросает мне плейер. — Между прочим, имей в виду: Брендон снова свободен.

Я заталкиваю в рюкзак учебники, удивляясь тому, что от этого известия мне ни капельки не становится лучше.

— Ага, Рейчел его бросила, потому что увидела на вечеринке в честь Хэллоуина как он обнимался с плейбоевским кроликом. То есть, это была Хизер Уотсон в костюме кролика.

— Серьезно? — изумляюсь я. — Хизер Уотсон? Ты прикалываешься!

Я пытаюсь представить себе эту картину, но ничего не выходит.

— Честное скаутское! Видела бы ты ее: похудела, сняла брекеты, распрямила волосы и стала буквально другим человеком. К сожалению, она и ведет себя, как совсем другой человек. Как будто у нее, понимаешь ли, зуд в одном месте, — заканчивает Райли, понизив голос, и снова принимается нахлестывать пол, а я пытаюсь осмыслить поразительную новость.

— Все-таки подсматривать нехорошо. — На самом деле, меня не так уж волнует, когда она подглядывает за моими бывшими друзьями. Хуже, когда она шпионит за мной. — Пойми, это некрасиво!

Я взваливаю на плечо рюкзак и направляюсь к двери. Райли хохочет.

— Не смейся! Хочется же знать, как живут наши старые знакомые.

— Ты идешь? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Угу, и чур я сажу на переднем сиденье!

Райли проскальзывает мимо меня и лихо съезжает по перилам. Черный плащ Зорро развевается у нее за спиной.

* * *

Майлз ждет на крыльце, с жуткой скоростью набивая очередное сообщение на клавиатуре мобильного.

— Одну... секундочку... сейчас... уже все! — Он усаживается на пассажирское сиденье и заглядывает мне в лицо. — Ну, давай, рассказывай! От и до. И смотри, ничего не пропускай — я желаю знать все непристойные подробности!

— О чем ты?

Я задним ходом вывожу машину на улицу, грозно взглянув на Райли — та сидит у Майлза на коленях, дует ему в лицо и заливается смехом, когда он начинает настраивать вентиляционный клапан.

Майлз смотрит на меня и качает головой.

— Я о Деймене! Говорят, вы там с ним миловались при луне, у бассейна, много чего себе позволяли в серебристом лунном свете...

— Что ты плетешь? — спрашиваю я в напрасной надежде как-нибудь его остановить.

— Слух уже пошел, так что не пытайся отрицать! Я бы еще вчера тебе позвонил, да папуля конфисковал телефон и уволок меня на тренировку по бейсболу, а потом орал, что я, мол, замахваюсь, как девчонка. Это надо было видеть! Я все делал не так, папуля был просто в ужасе. Так ему и надо... В общем, поговорим лучше о тебе. Давай, колись! — требует Майлз, развернувшись ко мне всем телом. — Это было так прекрасно, как в наших общих мечтах?

Я пожимаю плечами и, покосившись на Райли, взглядом приказываю ей прекратить безобразничать или

немедленно удалиться. Потом говорю:

— Извини, если я тебя разочарую, но рассказывать-то нечего.

— А я слышал совсем другое. Хейвен сказала...

Я сжимаю губы. Я прекрасно знаю, что сказала Хейвен, но мне совсем не хочется услышать, как это повторяют вслух. Поэтому я перебиваю Майлза.

— Ну ладно, мы поцеловались. Всего один раз. — Я чувствую, как Майлз смотрит на меня, подняв брови и скептически усмехаясь. — Может, два раза. Не знаю, я не считала.

Я отчаянно вру и надеюсь, что он не заметит, а у самой горят щеки и ладони вспотели, как у последней дилетантки. Потому что на самом деле я столько раз вспоминала этот поцелуй, что он уже выжжен у меня в мозгу.

— И? — спрашивает Майлз.

— И ничего!

Я оборачиваюсь к нему и с облегчением замечаю, что Райли куда-то исчезла.

— Он не звонил? Не присылал эсэмэску? Или имейл? Или, может, заходил? — спрашивает Майлз, думая о том, что это значит не только для меня, но и для будущего всей нашей компании.

Отрицательно мотаю головой и смотрю на дорогу, злясь на себя за то, что так раскисла, и что горло у меня перехватывает, и щиплет в глазах.

— А что он сказал? В смысле, когда уходил? Его самые последние слова?

Майлз твердо намерен все-таки отыскать лучик надежды в беспросветном и тусклом пейзаже.

Я поворачиваю у светофора, вспоминая наше странное, такое внезапное прощание у двери. Сглотнув комок в горле, оборачиваюсь к Майлзу.

— Он сказал: «Возьму на память».

Не успели эти слова прозвучать, как я понимаю: это очень плохой знак.

Никто не говорит «на память», если собирается вернуться.

Взгляд Майлза отражает мысль, которую не решился произнести.

— Вот и я о том же, — говорю я, сворачивая на парковку.

* * *

Я твердо решила не думать о Деймене, и все-таки испытываю разочарование, когда прихожу на английский, а его там не вижу. От этого, конечно, я начинаю думать о нем еще больше. Я превращаюсь в одержимую!

Я что хочу сказать — если поцелуй казался чем-то большим, чем просто телячьи нежности у бассейна, это еще не значит, что Деймен относился к происходящему так же, как я. И если для меня все было настоящим и удивительным, это еще не значит, что Деймен чувствовал то же самое. Как ни старайся, не получается выбросить из головы картинку, как они с Триной стоят рядом: идеальный граф Ферзен и трепетная Мари. И я при них, сбоку припеку, вся в блестках и воланчиках, расфуфыренная, как последняя выскочка.

Я собираюсь включить плеер, но тут в класс врываются Стейша с Дейменом, смеясь и почти касаясь друг друга плечами. У нее в руке — две нераспустившиеся белые розы.

Она садится на свое место, а Деймен идет дальше, ко мне. Я роюсь в тетрадках и делаю вид, что ничего не заметила.

Деймен усаживается рядом со мной.

— Привет!

Как будто так и надо. Можно подумать, не он ко мне приставал, а потом смылся, еще и двух суток не прошло. Подперев рукой щеку, я старательно зеваю. Пусть думает, что мне скучно, я устала, потому что у меня бурная жизнь, какую он даже представить себе не может. Лениво рисую какие-то каракули на листке бумаги, а рука так дрожит, что шариковая ручка падает на пол.

Я наклоняюсь за ручкой... Неожиданно передо мной на парте возникает красный тюльпан,

— Что случилось? Белые розы закончились? — спрашиваю я, перекладывая учебники и тетрадки, будто это невесть какое важное дело.

— Я никогда не стал бы дарить тебе розы, — отвечает Деймен.

Он старается заглянуть мне в глаза, а я упрямо отвожу взгляд. Не хочу участвовать в его садистских играх! Делаю вид, что мне нужно что-то достать из рюкзака, и тут же начинаю ругаться шепотом: рюкзак набит алыми тюльпанами.

— Твой цветок — тюльпан, и никакой другой, — улыбается Деймен. — Красный тюльпан.

— Как интересно, — бормочу я себе под нос и, бросив рюкзак на пол, на всякий случай отодвигаюсь

подальше.

Понятия не имею, что все это должно значить.

* * *

В столовую я прибегаю взмыленная и окончательно сбита с толку. Боюсь увидеть там Деймена, боюсь встретить Хейвен — похоже, она все еще меня ненавидит, хоть мы с ней и не разговаривали с того субботнего вечера. Большую часть урока химии я мысленно прокручиваю оправдательную речь, но при виде Хейвен все заготовленные слова вылетают у меня из головы.

— Надо же, какие люди, — произносит Хейвен, уставившись на меня.

Я сажусь рядом с Майлзом. Он увлеченно набирает эсэмэску, а на меня не обращает никакого внимания. Может, пора искать новых друзей? Только вот кто со мной дружить-то станет?

Хейвен хмурится.

— Я тут рассказываю Майлзу, что он много потерял, когда не пошел с нами в «Ноктюрн», а он меня игнорирует, — жалуется она.

— Да потому что мне всю историю пришлось выслушивать твои восторги, а ты и потом никак не могла остановиться, и я из-за тебя опоздал на испанский, — отзывается Майлз, не переставая набирать текст большими пальцами.

Хейвен пожимает плечами.

— Тебе просто завидно! — Тут Хейвен оглядывается на меня и спохватывается. — Нет, конечно, у тебя, Эвер, тоже было весело и так далее, правда. Просто... Тот клуб мне очень в тему, понимаешь? Ты ведь понимаешь, да?

Я обтираю яблоко о рукав и дергаю плечом. Не хочу ничего больше слышать про «Ноктюрн», готику и Трину. А когда наконец поднимаю глаза, получаю очередную встряску. Хейвен сменила свои привычные желтые контактные линзы на зеленые.

Такой знакомый оттенок, что меня бросает в дрожь.

Точно того же цвета, что и глаза Трины.

— Это надо было видеть! Перед входом стояла огромная очередь, но как только охранники увидели Трину, и нас тут же пропустили. Даже платить не пришлось! Вообще ничего, за весь вечер! Я и переночевала в ее номере. У нее потрясающий номер в «Сент-Реджисе», она там остановилась, пока не найдет постоянного жилья. Представь себе только: вид на океан, джакузи, роскошный минибар, все по первому разряду!

Хейвен смотрит на меня широко раскрытыми изумрудными глазами и ждет восторженной реакции, на которую я сейчас просто не способна,

Сжав губы, рассматриваю Хейвен внимательнее. Замечаю, что брови у нее подведены по-другому, чуть мягче, более расплывчато — как у Трины. И кроваво-красная помада уступила место розовой — в стиле Трины. И даже волосы... Хейвен, сколько я ее помню, всегда распрямляла себе волосы, а теперь они у нее мягкие и волнистые, и причесаны как у Трины. И облегающее платьице, шелковое, винтажное — такое могла бы надеть и Трина.

— Так, а где Деймен?

Хейвен смотрит на меня, как будто я обязана знать.

Я надкусываю яблоко и пожимаю плечами.

Но Хейвен не отстает.

— Что такое? У вас, вроде, намечался роман?

Я не успеваю ответить — Майлз отрывается от своего мобильника и одаряет Хейвен взглядом, который можно дословно перевести так: «Остерегись, всяк сюда входящий».

Хейвен смотрит на Майлза, на меня, и вздыхает.

— Ладно, замнем. Я просто хотела сказать, что меня все это больше не волнует, так что ты не переживай, хорошо? Прости, что я себя вела так по-дурацки. — Она пожимает плечами. — Уже все прошло. Seriously. Честное-пречестное! Мир?

Я нехотя цепляюсь мизинцем за ее мизинец. Подключаюсь к ее энергетике и с изумлением убеждаюсь, что она говорит чистую правду. То есть не далее как позавчера я была для Хейвен врагом номер один, а сегодня ей это действительно безразлично. В чем же дело?

— Хейвен... — начинаю я неуверенно, а потом думаю: «Да какого черта, терять все равно нечего».

Она смотрит на меня, улыбается и ждет.

— Этот клуб, куда вы тогда ходили — «Ноктюрн», что ли? Вы там, случайно, не встретили Деймена?

Крепко сжимаю губы и жду ответа, чувствуя на себе пристальный взгляд Майлза. Хейвен — та просто в

изумлении вытаращила на меня глаза.

— Просто, он тогда ушел сразу после вас... Вот я и подумала — мало ли...

Хейвен качает головой.

— Нет, мы его не видели.

И кончиком языка слизывает с губ шоколадную глазурь.

Я понимаю, что веду себя глупо, и все равно обвожу взглядом столовую — от нашего столика, в самом конце алфавита, и до буквы «А». А про себя думаю, что мне совсем даже не хочется увидеть Деймена и Стейшу, резвящихся среди роз или занятых другим каким-нибудь сомнительным делом.

Но нет — хотя в столовой полно народу, цветов сегодня не видно.

Наверное, потому что Деймена здесь нет.

Глава 15

Я только-только заснула, как позвонил Деймен. И хотя я два дня уговаривала себя, что он мне совсем не нравится, стоило только услышать его голос, как я в ту же секунду отказываюсь от борьбы.

— Я не очень поздно?

Прищурившись, вглядываюсь в зеленые светящиеся цифры на будильнике. Поздно, конечно, и все равно я отвечаю:

— Нет-нет, нормально.

— Ты спала?

— Почти.

Прислоняю подушку к затянутому тканью изголовью и усаживаюсь поудобнее.

— Я тут подумал — можно к тебе зайти?

Еще раз гляжу на часы — просто чтобы убедиться, что вопрос совершенно сумасшедший.

— Вообще-то, время не совсем подходящее, — говорю я.

В ответ наступает молчание и длится так долго, что я уже уверена — он повесил трубку.

Наконец он говорит:

— Жаль, что не видел тебя в столовой. И на рисовании. Я ушел сразу после английского.

— Да ладно, — бормочу я.

Не знаю, как реагировать. Мы с ним, вроде, не пара — с чего бы ему передо мной отчитываться?

— Ты уверена, что уже слишком поздно? — спрашивает он низким волнующим голосом. — Очень хочу тебя увидеть. Я потом сразу уйду.

Я улыбаюсь. Хотя ненадолго власть перешла в мои руки! Мысленно аплодирую себе, отвечая:

— Завтра на английском увидимся.

— Можно, я подвезу тебя в школу? — спрашивает Деймен, и звук его голоса едва не заставляет меня забыть про Стейшу, Трину, его субботнее бегство, вообще про все. Начнем с чистого листа, кто старое помянет, и так далее, в том же духе.

Ну уж нет, я так легко не сдамся! Буквально силком выталкиваю слова:

— Мы с Майлзом ездим в школу вместе, у нас одна машина на двоих. Так что — до английского.

Чтобы он не успел меня переубедить, защелкиваю крышку мобильного и швыряю его через всю комнату.

* * *

На следующее утро передо мной возникает Райли и спрашивает:

— Все еще злишься?

Вместо ответа корчу ей рожу.

— Будем считать «да».

Райли, смеясь, устраивается на туалетном столике, колотя пятками по выдвижным ящичкам.

— И кем же ты сегодня нарядилась?

Я бросаю книги в сумку, краем глаза разглядывая наряд сестры: тесный корсаж, пышная юбка и водопад каштановых волос.

Райли улыбается:

— Элизабет Суонн.

Прищуриваюсь, вспоминая.

— «Пираты»?

— Ну! — Райли скашивает глаза и показывает мне язык. — А что у тебя с графом Ферзенем?

Не отвечая, вешаю на плечо рюкзак и направляюсь к двери.

— Ты идешь?

Райли отрицательно качает головой.

— Сегодня не могу. У меня назначена встреча.

Я прислоняюсь к притолоке.

— Что еще за встреча?

Райли, тряхнув головой, спрыгивает с туалетного столика.

— Тебя не касается!

Она с хохотом проходит сквозь стену и исчезает.

* * *

Майлз опоздал, и потому я в результате опоздала тоже. Когда мы наконец подъезжаем к школе, на парковке все места уже заняты — кроме одного, лучшего, самого популярного.

С краю, поближе к воротам.

И как раз рядом с машиной Деймена.

— Как ты это сделал? — спрашивает Майлз, подхватив свои книжки и выбираясь из моего крошечного красного автомобильчика. Он смотрит на Деймена, как будто тот — всемирно знаменитый и безумно сексуальный иллюзионист.

— Что сделал? — спрашивает Деймен, глядя на меня.

— Место сберег! Чтобы его захватить, надо занимать очередь еще до начала учебного года.

Деймен смеется, стараясь поймать мой взгляд, а я небрежно киваю, словно он — почтальон или аптекарь, а не парень, по которому я схожу с ума с той минуты, как его увидела.

— Сейчас будет звонок, — говорю я и быстро иду к нашему классу.

Деймен двигается так быстро, что без всяких видимых усилий оказывается у двери раньше меня.

Я решительно шагаю мимо Хонор и Стейши, хорошенько пнув по дороге рюкзак.

А она радостно смотрит на Деймена.

— Эй, где моя роза?

О чем ей тут же приходится пожалеть, потому что он отвечает:

— Извини, не сегодня.

Он садится рядом со мной и смотрит на меня с усмешкой.

— У кого-то прескверное настроение!

Я пожимаю плечами. Рюкзак летит под парту. Деймен наклоняется ко мне.

— И зачем такая спешка? Мистера Робинса сегодня не будет.

Я оборачиваюсь.

— Откуда ты... — и умолкаю, не закончив фразу.

А откуда Деймен знает, что я знаю, что мистер Робинс остался дома, мучаясь похмельем после того как вчера напился, потому что от него ушла жена и забрала с собой дочь?

— Пока тебя ждал, увидел учительницу, которая его заменяет, — улыбается Деймен. — Она заблудилась, и я ей показал, как пройти в учительскую, но она такая растяпа, что вполне может в итоге прийти в лабораторию.

Едва он произносит эти слова, я понимаю, что это правда. Я вдруг увидела, как новенькая учительница по ошибке входит в совсем другой класс.

— Так скажи, чем я тебя прогневал?

Я оглядываюсь: Стейша что-то шепчет на ухо Хонор, после чего обе качают головами и злобно смотрят на меня.

— Не обращай на них внимания, они идиотки, — шепчет Деймен, наклоняясь ко мне и беря меня за руку. — Прости, что пропадал так долго. У меня была гостья, я никак не мог вырваться.

— Гостья — это Трина?

Я вся сжимаюсь — так ужасно и ревниво это прозвучало. Ну почему я не могу быть спокойной, уверенной в себе и делать вид, что не замечаю, как все изменилось при ее появлении. Если честно, такое мне просто не по силам, потому что я не наивная дурочка, а наоборот — параноик.

— Эвер... — начинает он.

Но, раз уж я начала, можно и продолжить.

— Ты видел Хейвен? Она теперь — уменьшенная копия Трины. Одевается так же, ведет себя так же, даже глаза у нее теперь того же цвета. Серьезно, зайди как-нибудь в столовую, полюбуйся.

Я обвиняюще смотрю на Деймена, как будто он во всем виноват. Но как только наши глаза встречаются, я снова поддаюсь его чарам, словно беспомощный кусочек железа, который неумолимо притягивает к магниту.

Деймен делает глубокий вдох.

— Эвер, это совсем не то, что ты подумала.

Я отдергиваю руку и сжимаю губы. Откуда он знает, что я подумала?

— Позволь мне заглядить свою вину. Давай сходим с тобой куда-нибудь? Я найду для тебя совершенно особенное место. Пожалуйста!

Я кожей чувствую тепло его взгляда, но не рискую посмотреть ему в глаза. Пусть помучается, потерзается неизвестностью. Я хочу продлить его страдания.

Поэтому я отодвигаюсь и коротко взглядываю на него.

— Посмотрим.

* * *

После четвертого урока — истории — выхожу из класса, а Деймен уже ждет меня у двери. Думая, что он хочет проводить меня до столовой, я говорю:

— Подожди минутку, брошу сумку в шкафчик.

— Не нужно, — улыбается он и обнимает меня за талию. — Сейчас начнется мой сюрприз!

— Сюрприз? — Я смотрю в его глаза, и весь мир отходит на второй план.

Остаемся только я и Деймен, и в воздухе вокруг нас потрескивает электричество. Он улыбается.

— Знаешь, я отвезу тебя в совершенно особенное место. Настолько особенное, что ты простишь все мои прегрешения.

— А уроки? Мы что, их прогуляем?

Я грозно скрещиваю руки на груди — больше для виду.

Деймен, смеясь, наклоняется ко мне. Его губы касаются моей шеи, складывая слово:

— Да.

Я отстраняюсь и с изумлением слышу свой голос, который произносит «как?» вместо «нет».

— Не бойся! — улыбается он, сжимая мою руку, и ведет меня к воротам. — Со мной ты всегда будешь в безопасности.

Глава 16

— Диснейленд?

Я выбираюсь из машины, и потрясенно оглядываюсь вокруг. Пока ехали, я всякое себе представляла, но такое мне даже в голову не пришло!

Деймен смеется.

— Говорят, это самое счастливое место на земле. Ты здесь была?

Я отрицательно качаю головой.

— Отлично — значит, буду твоим проводником.

Он берет меня под руку и ведет к воротам.

Мы идем по Главной улице, и я пытаюсь представить себе, как Деймен приезжал сюда раньше. Он такой стильный, светский, сексуальный, трудно представить его в царстве Микки-Мауса.

— Здесь всегда лучше в рабочие дни — не такие толпы, — говорит он. — Пойдем, покажу тебе Новый Орлеан. Это мое любимое место.

Я останавливаюсь посередине улицы.

— У тебя и любимое место есть? Ты так часто сюда приезжаешь? Я думала, ты только недавно к нам переехал.

Он смеется.

— Действительно, недавно переехал, но это не значит, что я раньше здесь не бывал.

Деймен тянет меня к Дому с привидениями.

После Дома с привидениями мы катаемся на аттракционе по мотивам «Пиратов Карибского моря», а потом Деймен спрашивает меня:

— Который тебе больше понравился?

— М-м... «Пираты». Наверное.

Деймен молча смотрит на меня.

Я пожимаю плечами.

— Вообще-то, оба хорошие, но в «Пиратах» все-таки Джонни Депп...

Деймен выгибает бровь.

— Джонни Депп? Так вот кто мой соперник?

Я пожимаю плечами. Окидываю взглядом темные джинсы Деймена, черную футболку с длинным рукавом и эти его шикарные сапоги. Прибавить сюда его непринужденное обаяние, и рядом с ним любой голливудский актер покажется жалким ничтожеством, хоть я в этом никогда в жизни не признаюсь.

— Покатаемся еще раз? — предлагает он, сверкнув глазами.

И мы катаемся еще раз, а потом возвращаемся к Дому с привидениями. Под самый конец, когда в тележку, в которой мы едем, запрыгивает привидение, я почти ожидаю увидеть Райли, которая втиснется между мной и Дейменом, будет хохотать, махать руками и валять дурака. Но нет, это обычный диснеевский призрак. Видно, Райли занята — я вспоминаю, что у нее была назначена какая-то встреча.

Прокатившись еще разок, мы в конце концов оказываемся за столиком у пруда в ресторанчике «Голубая лагуна», все в той же «пиратской» части парка.

Я делаю глоток чая со льдом.

— Между прочим, говорят, это довольно большой парк, и нем есть и другие аттракционы, не одни только пираты и призраки.

— Я тоже что-то такое слышал, — улыбается Деймен, нацепив на вилку кусочек кальмара и предлагая его мне — Здесь был еще такой аттракцион, назывался «Полет на Марс». Говорят, на нем специально катались, чтобы целоваться, потому что там внутри очень темно.

— А он еще существует? — с интересом спрашиваю и сразу же заливаюсь краской. — Нет, я не собиралась им нем кататься, мне просто любопытно!

Деймен явно потешается надо мной про себя, а вслух говорит:

— Нет, его давно закрыли.

— В каком же возрасте ты там целовался? В два года? — спрашиваю я, накладывая себе на тарелку фаршированные грибы — надеюсь, что мне они понравятся.

— Нет, сам я его не застал. Это было в давние времена.

* * *

Обычно я стараюсь держаться подальше от таких мест, где много народу, слишком насыщенная энергетика, мечутся разноцветные ауры и беспорядочно сталкиваются мысли разных людей, но с Дейменом все иначе — легко и спокойно. Потому что, стоит ему заговорить или прикоснуться ко мне, и все кругом стихает, как будто мы одни на целом свете.

После ланча мы отправляемся бродить по парку, катаемся на аттракционах, пропуская только водные — по крайней мере, такие, где можно промокнуть. Когда наступает вечер, Деймен ведет меня к замку Спящей красавицы. Мы стоим около крепостного рва и ждем, когда начнется фейерверк.

— Итак, я прощен?

Рука Деймена обвивается вокруг моей талии, зубы покусывают шею, подбородок, ухо. Вспышки фейерверков, их грохот и треск кажутся далекими и почти неслышными. Мы тесно прижимаемся друг к другу, и губы Деймена касаются моих.

— Смотри, — шепчет он, отстраняясь и показывая на небо.

Там крутятся пурпурные огненные колеса, искрятся золотые водопады, бьют серебряные фонтаны, расцветают розовые хризантемы, и все венчает грандиозный финал: дюжина красных тюльпанов. Фейерверки следуют один за другим так быстро, что асфальт дрожит под ногами.

Погодите... красные тюльпаны?!

Я оборачиваюсь к Деймену, в моих глазах — вопрос, а Деймен только улыбается и движением головы показывает на небо. Разноцветные огни уже тают, гаснут, но они прочно отпечатались у меня в памяти.

Деймен притягивает меня к себе и говорит, приблизив губы вплотную к моему уху:

— Толстая леди спела, спектакль окончен.[3]

— Это ты фею Динь-Динь назвал толстой? — смеюсь я.

А он берет меня за руку и ведет к воротам и дальше, на автостоянку, где осталась машина.

Я сажусь в свою миату и улыбаюсь Деймену, а он наклоняется к окошку и говорит:

— Не беспокойся, будет еще много таких дней. В следующий раз я отвезу тебя в Калифорнийский парк приключений.

— А я думала, у нас сегодня было калифорнийское приключение, — смеюсь я, в который раз изумляясь: он всегда знает, о чем я думаю, даже если я еще ни слова не сказала. Вставляю ключ в замок зажигания. — Я поеду за тобой?

Деймен качает головой и улыбается.

— Нет, я за тобой. Присмотрю, чтобы по дороге ничего не случилось.

Я выезжаю со стоянки и вливаюсь в поток машин, которые едут на юг. Взглянув в зеркальце заднего вида, не могу удержаться от улыбки: Деймен пристроился сзади. Он действительно меня провожает.

У меня появился бойфренд!

Да какой — потрясающий, сексуальный, неотразимый бойфренд!

С ним я снова чувствую себя нормальной девчонкой.

С ним я забываю, что на самом деле все совсем не так.

Протянув руку, вытаскиваю из сумки, лежащей на пассажирском сиденье, новый свитер и глажу аппликацию в виде Микки-Мауса на груди: свитер выбрал для меня Деймен.

— Обрати внимание, он без капюшона! — сказал тогда Деймен, прикладывая свитер ко мне — подходит ли по размеру.

— Это ты к чему? — прищурилась я, глядя в зеркало. Неужели Райли права и ему действительно не нравится, как я одеваюсь?

Но он только пожимает плечами.

— Да так. Ты мне больше нравишься без капюшона.

Я улыбаюсь, вспоминая, как он целовал меня, пока мы стояли в очереди в кассу, какими теплыми и нежными были его губы...

Звонит мобильник. Я оглядываюсь и вижу, что Деймен прижимает свой мобильный к уху.

— Алло, — говорю я с придыханием, томно понизив голос.

— Зря стараешься, — раздается в трубке голос Хейвен. — Извини, это всего лишь я.

— О... А в чем дело? — спрашиваю я, включая указатель поворота, чтобы Деймен мог последовать за мной.

Вот только он куда-то исчез.

Смотрю в боковое зеркальце, в зеркальце заднего вида, обшариваю взглядом все четыре полосы шоссе — нет Деймена.

— Ау, ты меня слушаешь? — раздраженно спрашивает Хейвен.

— Извини, что ты говорила?

Я сбавляю газ и смотрю через плечо — не видно ли черного БМВ Деймена. Меня обгоняет громадный грузовик. Водитель показывает мне средний палец.

— Я говорю — Эванджелина пропала.

— Что значит — «пропала»?

Прежде чем задать этот вопрос, вывожу машину на шоссе номер 133. Деймена по-прежнему не видно, хотя он меня точно не обгонял.

— Я ей звоню, звоню на мобильник, а она не отвечает.

— И?

Мне сейчас не до ее телефонных историй — у меня тут тоже человек пропал.

— И! Мало того, что не отвечает и дома ее нету, так ее вообще никто не видел с самого Хэллоуина!

— Как это? — Я заглядываю по очереди в оба боковых зеркальца, в зеркальце заднего вида, потом просто смотрю через плечо — ничего. — Она же с вами вернулась?

— Не совсем, — замямшись, отвечает Хейвен.

Еще два водителя гудят, объезжая меня, и показывают неприличные жесты. Все, сдаюсь! Как только закончу с Хейвен, позвоню Деймену и выясню, наконец, в чем дело.

— Алло-о? — Хейвен почти кричит. — Слушай, если ты там занята чем-то важным, так прямо и скажи. Я, знаешь ли, всегда могу позвонить Майлзу.

Я делаю глубокий вдох. Откуда взять терпение?

— Ладно, Хейвен, извини. Я тут веду машину, из-за этого и отвлекаюсь. Причем мы с тобой обе хорошо знаем, что у Майлза сейчас театральная студия, потому ты и позвонила мне, а не ему.

Я перестраиваюсь в крайний левый ряд и прибавляю скорость. Поскорее бы попасть домой!

— Ну, допустим, — бурчит Хейвен. — В общем, я тебе раньше не рассказывала... Так получилось, что мы с Триной вроде как ушли без нее.

— Что-о?

— Тогда, в «Ноктюрне», Эванджелина как бы... пропала куда-то. Мы, конечно, искали, но нигде не могли ее найти. Мы решили, что она с кем-нибудь познакомилась, — это, между прочим, вполне в ее стиле, — и вот... уехали.

— Уехали и бросили ее в Лос-Анджелесе? В Хэллоуин? Когда все психи активизируются?

Едва эти слова успевают вылететь из моего рта, как я вижу их всех троих — в темноватом, мрачноватом клубе. Трина ведет Хейвен в ВИП-зал, предлагает ей какой-то напиток, причем явно старается не столкнуться с Эванджелиной. Потом все исчезает, но я совершенно точно не видела никакого нового знакомого,

— А как надо было поступить? Может, ты не знаешь, но ей уже исполнилось восемнадцать, имеет право делать, что хочет. Кроме того, Трина сказала, что присмотрит за ней, а потом тоже ее потеряла. Я только что разговаривала с Триной по телефону, она ужасно мучается.

— Трина мучается?

Не верится почему-то. Не того типа человек. Она, по-моему, вообще не привыкла испытывать какие-либо чувства, а уж тем более раскаяние.

— Что за намеки? Ты ее совсем не знаешь!

Я сжимаю губы и с силой жму на газ: сейчас на этом участке дороги нет полицейских, а мне безумно хочется убежать от всего — от Хейвен, Трины, Эванджелины и невесть куда сгинувшего Деймена, хоть это и невозможно.

— Извини, — вздыхаю я наконец, сняв ногу с педали и возвращая машине более-менее нормальную скорость.

— Ладно, неважно. Просто... мне так плохо, и я не знаю, что делать.

— Ее родителям звонила? — спрашиваю я, хотя уже почувствовала ответ.

— Мама у нее пьяница, живет где-то в Аризоне, а папа сбежал еще до ее рождения. А домохозяйин уже готов вышнырнуть на улицу ее вещички и сдать квартиру новым жильцам. Мы даже в полицию подали заявление, но они особо не заморачиваются.

— Я знаю, — отзываюсь я, включая фары, потому что дорога ныряет в темный каньон.

— Что значит — знаешь?

— Ну, в смысле — я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, — торопливо поправляюсь я.

Хейвен вздыхает.

— А ты-то сейчас где? Почему тебя не было в столовой?

— Я в Лагуна-каньоне, еду домой. Деймен возил меня в Диснейленд. — Я улыбаюсь воспоминанию, но улыбка тут же блекнет.

— Ничего себе! — изумляется Хейвен.

— Не то слово, — соглашаюсь я.

Мне самой до сих пор трудно свыкнуться с образом Деймена в детском парке развлечений, хоть я и видела это своими глазами.

— Да я не к тому. Просто Трина тоже туда поехала. Сказала, она там сто лет не была, хочет посмотреть, насколько все изменилось. С ума сойти, правда? Вы ее, случайно, не встретили?

— Н-нет... — Я стараюсь, чтобы голос звучал нормально, хотя живот у меня сводит, ладони вспотели и в душу вползает темный ужас.

— Хм, странно. Правда, парк огромный, и там всегда полно народу.

— Угу, точно. Слушай, я больше не могу разговаривать. До завтра, ладно?

Не дав ей времени ответить, я останавливаю машину у обочины, ищу в списке звонков номер Деймена и с силой бью кулаком по рулю, обнаружив, что номер помечен как «скрытый» и не отображается.

Тот еще бойфренд... У меня даже нет его номера телефона, и я понятия не имею, где он живет.

Вчера вечером Деймен наконец позвонил (то есть я предполагаю, что это был он, потому что на экране высветилась надпись «Скрытый номер»), но я перенаправила звонок на автоответчик. А утром, перед школой, стираю запись, не прослушав.

— Неужели тебе не любопытно? — спрашивает Райли, вертясь на стуле на колесиках, так что ее зачесанные назад волосы и костюм из «Матрицы» сливаются в сплошное черное пятно.

— Нет! — Я бросаю мрачный взгляд на свитер с Микки-Маусом, так и не вынутый из пакета, и протягиваю руку за другим свитером — который не он мне купил.

— Дала бы хоть мне послушать, а я бы тебе пересказала своими словами.

— Тем более нет.

Я скручиваю волосы в узел и втыкаю в них карандаш, чтобы не рассыпались.

— Слушай, не надо вымещать свои эмоции на волосах! Что они тебе сделали? — смеется Райли. Я молчу, и она становится серьезной. — Не понимаю я тебя. Почему ты все время злишься? Ну потеряла ты его на шоссе, ну забыл он дать тебе свой номер телефона. Подумаешь, большое дело! С каких пор ты страдаешь паранойей?

Я отворачиваюсь, понимая, что она права. Я злюсь. И впадаю в паранойю. И еще много чего похуже. А что с меня взять? Я — урод обыкновенный, садово-огородный. Злобный урод, слышащий чужие мысли, читающий ауры и воспринимающий духовную энергию. Вот только Райли не знает, что я не все ей рассказала. Кое о чем и промолчала.

Например, о том, что Трина притащилась за нами в Диснейленд.

И о том, что Деймен всегда исчезает, как только Трина оказывается поблизости.

Я снова оборачиваюсь к сестре и качаю головой, разглядывая ее блестящий облегающий костюм.

— Долго еще ты будешь играть в Хэллоуин?

Райли, надувшись, скрещивает руки на груди.

— Сколько захочу, столько и буду играть!

У нее дрожит нижняя губа, и мне становится совестно.

— Ладно, извини. Не хотела тебя обидеть.

Подхватываю рюкзак и вешаю его на плечо. Когда же наконец моя жизнь хоть как-то наладится?

— Нет, хотела, — сверкает глазами Райли. — Я же вижу, что хотела!

— Не хотела, Райли, честное слово. Я, правда, не хочу с тобой ссориться.

Райли качает головой и смотрит в потолок, постукивая ногой по ковру.

— Ты идешь?

Я направляюсь к двери, но Райли упорно молчит. Я делаю глубокий вдох.

— Послушай, Райли, ты же знаешь — мне нельзя опаздывать. Пожалуйста, реши, наконец, едешь ты со мной или нет!

Райли зажмуривается, встряхивает головой, и смотрит на меня обиженными, покрасневшими глазами.

— Между прочим, я вообще не обязана здесь быть!

Я сжимаю дверную ручку. Надо бежать, но после этих слов я не могу.

— О чем ты?

— Обо всем! О тебе и обо мне. О наших милых встречах. Я не обязана это делать!

В животе у меня скручивается тугий комок. Пусть она замолчит, не хочу ничего больше слышать! Я так прикинула к ее присутствию, мне даже в голову не приходило, что она предпочла бы находиться где-нибудь в другом месте.

— Я думала, тебе нравится здесь...

— Да, мне нравится! Но, может быть, это, ну, не совсем правильно... Может быть, мне надо быть где-нибудь еще! Ты об этом не подумала?

В ее глазах — боль и растерянность. В школу я уже точно опоздала, но уйти не могу.

— Райли... я... объясни, что ты хочешь сказать?

Как бы мне хотелось отмотать сегодняшнее утро назад и все начать по-другому.

— Понимаешь, Ава говорит...

— Ава?! — У меня глаза лезут на лоб.

— Ага. Ну, помнишь, тетенька-экстрасенс, которая приходила на Хэллоуин? Она еще меня увидела?

Я качаю головой и, шагнув за дверь, бросаю через плечо:

— Извини, конечно, только Ава — шарлатанка. Обманщица. Мошенница! Не слушай, что она болтает. Она

ненормальная!

Райли пожимает плечами, глядя мне в глаза.

— Она говорит довольно интересные вещи.

В голосе Райли столько тоски и страха — я готова сказать все, что угодно, лишь бы их прогнать.

— Послушай... — Я оглядываюсь, хоть и знаю, что Сабина уже ушла на работу. — Я не хочу ничего слышать про Аву. Если ты намерена с ней общаться после всего, что я сказала, — хорошо, общайся. Я не могу тебе помешать. Только помни, пожалуйста, что Ава совсем нас не знает. У нее нет никакого права судить нас. Если нам нравится быть вместе, это не ее дело. Это наше дело!

Я смотрю на сестру — ее глаза все еще широко раскрыты, губы по-прежнему дрожат, и сердце у меня сжимается.

— Мне правда пора... Так ты идешь или нет? — спрашиваю я шепотом.

— Нет, — свирепо отвечает она.

Я глубоко вздыхаю, качаю головой и ухожу, хлопнув дверью на прощание.

У Майлза хватило ума не дожидаться меня, так что в школу я приезжаю одна. Звонок уже прозвенел, но Деймен ждет меня — стоит рядом со своей машиной. Он занял второе лучшее место на стоянке после моего.

— Привет! — Он подходит ко мне и наклоняется — поцеловать.

А я хватаю сумку и бегу к воротам. Деймен бежит рядом со мной.

— Прости, что не поехал за тобой вчера. Я звонил тебе на мобильный, ты не отвечала.

Я стискиваю холодные чугунные прутья и трясусь, но ворота не поддаются. Закрыв глаза, прижимаюсь лбом к решетке. Все бесполезно, я опоздала.

— Ты получила мое сообщение?

Я выпускаю из рук решетку и направляюсь к учительской, заранее представляя себе ту ужасную минуту, когда получу сполна за вчерашний прогул и сегодняшнее опоздание.

Деймен хватается за руку, и у меня сразу все тает внутри.

— Что случилось? Нам было так весело! Я думал, тебе понравилось...

Я прислоняюсь к низенькой кирпичной ограде и вздыхаю. Ноги как резиновые, колени подгибаются, и я чувствую себя совершенно беззащитной.

— Или ты просто притворялась?

Он сжимает мою руку и взглядом умоляет не сердиться.

Я уже проглотила наживку, я уже начинаю сдаваться, и тут меня захлестывают воспоминания — о Хейвен, о нашем телефонном разговоре, о странном исчезновении Деймена на шоссе... Выдергиваю руку и отступаю на шаг.

— Ты знал, что Трина тоже поехала в Диснейленд? — В ту же секунду я понимаю, как зло и мелочно себя веду. Но раз уж эти слова прозвучали, можно и продолжить. — Ты ничего не хочешь мне сказать? Может быть, есть что-то, о чем мне нужно знать?

Я сжимаю губы и внутренне готовлюсь к худшему, но Деймен отвечает, глядя мне в глаза:

— Трина меня не интересует. Мне нужна только ты.

Я смотрю в землю. Очень хочется ему верить. Если бы все было так просто!

Тут он берет меня за руку, и я понимаю, что все действительно просто. Сомнения мгновенно куда-то исчезают.

— А теперь скажи, что ты чувствуешь то же самое, — подсказывает он.

Я не знаю, что сказать. Сердце так колотится — наверное, Деймену слышно. Я молчу слишком долго. Момент проходит, и Деймен, обняв за талию, ведет меня к воротам.

Он улыбается мне.

— Все хорошо. Я тебя не тороплю. А пока я отведу тебя в класс.

— Так ведь надо идти через учительскую. — Я останавливаюсь и прищуриваюсь. — Ворота уже заперты, забыл?

Он качает головой.

— Ворота не заперты, Эвер..

— Извини, я только что пробовала их открыть. Они заперты.

— Поверишь мне? — с улыбкой говорит Деймен. Я молча смотрю на него.

— Что тебе стоит? Всего несколько шагов? Две потерянные минуты? Все равно ты уже опоздала.

Я смотрю в сторону учительской, потом опять на Деймена и, тряхнув головой, иду за ним к воротам — которые необъяснимым образом оказываются открытыми.

— Я же видела! И ты видел! — Не понимаю, как это получилось. — Я их еще подергала, они ни на дюйм не сдвинулись!

Деймен, смеясь, целует меня в щеку и подталкивает к воротам.

— Иди! И не волнуйся, мистер Робинс опять не в форме, а у учительницы, которая его заменяет, в мозгах туман. Все будет хорошо.

— А ты? — спрашиваю я. Меня снова одолевает паника,

Деймен пожимает плечами.

— А я — самостоятельный человек. Могу делать, что хочу.

— Да, но...

Я замолкаю, сообразив, что он не только номер телефона мне не сказал. Я почти ничего не знаю об этом парне. Как же я могу чувствовать себя с ним так спокойно, так нормально, когда все в нем совершенно ненормально? И только отойдя на несколько шагов, я вдруг спохватываюсь — он же так и не объяснил, что произошло вчера на шоссе.

Спросить я не успеваю — Деймен уже рядом со мной, он берет меня за руку и говорит:

— Мне позвонили соседи. У меня сломалась поливальная установка, и весь двор затопило. Я хотел тебя предупредить, но ты разговаривала по телефону, и я не стал тебя отвлекать.

Я смотрю на наши руки: одна загорелая, другая бледная, одна крепкая, другая слабая. Совсем не подходят друг другу...

— Иди! Я встречу тебя после школы, обещаю. — Он улыбается и достает у меня из-за уха красный тюльпан.

Обычно я стараюсь поменьше вспоминать о своей прежней жизни. Не думать о прежнем доме, о прежних ручьях, о прежней семье... обо мне — прежней. Я научилась заранее предвидеть приступы, распознавать знаки: жжение в глазах, внезапную нехватку кислорода, ошеломляющее чувство пустоты и отчаяния. Но иногда это обрушивается без предупреждения, и я не успеваю приготовиться. И если такое случается, то надо просто свернуться в комочек и ждать, пока все пройдет.

Что довольно сложно сделать посреди урока истории.

Мистер Муньос разливается насчет Наполеона, а у меня горло перехватило, живот свело и в глазах щиплет с такой силой, что я бросаюсь к двери, не обращая внимания на вопли преподавателя и хохот одноклассников.

Ослепнув от слез, сворачиваю за угол, судорожно втягиваю ртом воздух. Внутри у меня — пустота, готовая схлопнуться в ничто. Я слишком поздно замечаю Стейшу и врезаюсь в нее с разбегу, так что она хлопается на пол, порвав платье.

— Какого... — Она тупо смотрит на разорванный подол, а потом поднимает взгляд на меня. — Ты, сволочь, платье мне порвала, дрянь, уродина психованная!

Стейша просовывает в дыру кулак, демонстрируя масштаб повреждений.

Жаль, конечно, что так вышло, но мне сейчас не до Стейши. Горе вот-вот сломает меня, и я не могу допустить, чтобы она это увидела.

Стейша хватается меня за руку, пытается встать. Через прикосновение мне передается от нее такая черная и мрачная энергия, что я не могу вдохнуть.

— К твоему сведению, платье было от дорогого модельера! — Она стискивает мою руку, и я чуть не теряю сознание. — Имей в виду, я это дело так не оставлю! Ты горько пожалеешь, что врзалась в меня! Сто раз пожалеешь, что вообще пришла в нашу школу!

— Как Кендра? — Я внезапно выпрямляюсь.

И живот уже не так крутит.

Хватка Стейши слабеет, но она не выпускает мою руку.

— Ты ведь тогда подбросила наркотики в ее шкафчик. Добилась, что ее исключили, ославилась так, что поверили тебе, а не ей, — пересказываю словами образы, возникшие в голове.

Стейша отталкивает мою руку и пятится назад. Кровь отхлынула у нее от лица.

— Кто тебе рассказал? Ты тогда еще у нас не училась!

Я пожимаю плечами. Действительно, не училась, да разве в этом дело?

— Кстати, это еще не все. — Я наступаю на Стейшу. Душевная буря улеглась, испуг в глазах Стейши исцелил мое горе, как по волшебству. — Я знаю, что ты списываешь на контрольных, воруеть деньги у родителей,

одежду в магазинах, крадешь у подруг — считаешь, что тебе все позволено. Я знаю, что ты записываешь телефонные разговоры с Хонор и завела целый архив ее имейлов и эсэмэсок на случай, если она вздумает пойти против тебя. Я знаю, что ты кокетничаешь с ее отчимом — это, между прочим, отвратительно, но и это еще не самое плохое. Я все знаю про мистера Барнса... или Барнума, как его там? Неважно, ты поняла, о ком я. Твой учитель истории в девятом классе? Которого ты попробовала соблазнить? А когда он не клюнул, стала его шантажировать, грозилась все рассказать школьному начальству и его несчастной беременной жене... — Я с омерзением качаю головой.

Как же все это убого, примитивно, в голове не укладывается. Кажется, такого просто не бывает.

Да нет, бывает. Вот она стоит передо мной, широко раскрыв глаза, губы прыгают, никак в себя не придет после того как ее грязные секреты вышли наружу. Мне совсем не стыдно, что я таким образом использовала свой «дар». Я рада видеть, как эта гадина, которая с первого дня меня травила, дрожит и обливается потом от страха. Госка отступила — так почему бы, черт побери, и не продолжить?

— Рассказывать дальше? А то я могу, поверь. Еще как могу, но ты ведь все это уже знаешь, правда?

Я напирала, делаю шаг вперед, а она пятится.

— Ты что? Ведьма, что ли? — шепчет Стейша, озираясь в поисках помощи или хоть какой-нибудь возможности сбежать от меня.

Мне смешно. Я не признаюсь и не отрицаю. Пусть она теперь два раза подумает, прежде чем снова лезть ко мне.

Но тут Стейша останавливается, расправляет плечи и смотрит мне прямо в глаза.

— Ну и что? Опять выходит — твое слово против моего. — Ее губы кривятся в улыбке, — Как ты думаешь, кому больше поверят? Мне, самой популярной девчонке в классе? Или тебе, ненормальной психопатке?

И ведь права...

Она теребит дыру в подоле и качает головой.

— Держись от меня подальше, уродина! А не то ты очень сильно пожалеешь!

Проходя мимо, Стейша с такой силой задевает меня плечом, что не остается никаких сомнений: она говорит вполне серьезно.

* * *

В столовой я очень стараюсь не тарачить глаза, но дело в том, что волосы у Хейвен совершенно фиолетовые. Я даже не знаю, можно это комментировать или лучше не надо.

— Не делай вид, что ничего не заметила. Кошмар, сама знаю, — смеется Хейвен. — Вчера, как поговорила с тобой по телефону, вдруг решила покрасить волосы — сделать, знаешь, такой роскошный медно-красный оттенок, как у Трины. А получилось вот что. — Она хмурится, зажав в руке прядку. — Я похожа на баклажан! Ладно, еще несколько часов потерпеть, а после уроков Трина отвезет меня в Лос-Анджелес, в какой-то знаменитый салон красоты. Туда за год надо записываться, а она как-то ухитрилась добиться, что меня примут. Честное слово, она замечательная, у нее такие связи!

— А где Майлз? — перебиваю я.

Ни слова больше не хочу слышать про замечательную Трину и ее умение всюду пролезть без очереди.

— Майлз учит роль. В любительском театре ставят «Лак для волос», он рассчитывает на ведущую роль.

— Там, вроде, главная героиня — девушка?

Я открываю пакет с завтраком. В пакете обнаруживаются половинка сэндвича, виноградная гроздь, пакетик чипсов и несколько тюльпанов.

Хейвен поводит плечами.

— Он и меня уговаривал попробовать, но это же совсем не мой стиль. Ну, а где высокий неотразимый брюнет, то бишь — твой бойфренд? — спрашивает она, выкладывая на салфетку очередной кексик с клубничной глазурью.

Я пожимаю плечами. Опять я забыла записать его номер! И не спросила, где он живет.

— Наслаждается самостоятельностью, надо думать... — Я надкусываю сэндвич. — Узнали что-нибудь насчет Эванджелины?

Хейвен качает головой.

— Ничего нового. А посмотри вот на это!

Она задирает рукав. На внутренней стороне запястья намечена маленькая круглая татуировка: змея, кусающая себя за хвост. Рисунок еще далеко не закончен, но на какой-то миг мне кажется, что змея извивается, как живая. Я смаргиваю, и рисунок снова становится неподвижным.

— Я хотела сделать сюрприз. Рассмотрись, когда будет закончено. Вообще-то, я не должна была тебе рассказывать. Я обещала. — Она улыбается, поправляя рукав. — Просто не утерпела! И вообще, не умею я хранить тайны. Особенно свои.

Я смотрю на нее и пытаюсь подключиться к ее энергетике, найти хоть какое-то логическое объяснение, почему мне так не по себе, но ничего не нахожу.

— Обещала? Кому? Что, вообще, происходит?

Я вдруг замечаю, что аура у Хейвен тусклого пепельно-серого цвета и какая-то обтрепанная по краям.

А Хейвен только смеется и показывает, как будто застегнула губы на молнию.

— Потерпи! Чуть-чуть осталось.

Глава 18

Прихожу после школы домой, а у крыльца меня ждет Деймен. Он улыбается, и в тот же миг все тучи исчезают с небосвода и рассеиваются все сомнения.

— Как охрана тебя пропустила? — удивляюсь я.

Я ведь знаю точно, что не предупреждала их о нем.

— Шарм и дорогая машина действуют безотказно!

Он со смехом отряхивает шикарные темные джинсы и входит со мной в дом.

— Ну, как прошел день?

Я пожимаю плечами, сознавая, что нарушаю основополагающее правило: ни в коем случае не впускать в дом посторонних, даже если это твой собственный бойфренд.

— Да так, все как обычно... Учительница, которая заменяет мистера Робинса, поклялась, что больше не вернется к нам в школу. Мисс Мачадо сказала, чтобы я больше не приходила в школу...

Большое искушение продолжать молоть чепуху в том же духе — ясно ведь, что он не слушает. Хоть и кивает, а взгляд отрешенный — Деймен явно думает о другом.

Я иду на кухню, заглядываю в холодильник.

— А ты чем занимался?

Протягиваю ему бутылку минеральной воды, но Деймен качает головой и отхлебывает свой красный напиток.

— Проехался по окрестностям, немного позанимался серфингом, потом ждал, пока закончатся уроки — чтобы увидеться с тобой.

— Мог просто прийти в школу, и ждать бы не пришлось.

Деймен смеется.

— Постараюсь вспомнить об этом завтра!

Я прислоняюсь к кухонному столику и верчу крышечку на бутылке. Мне немного не по себе от того, что мы с Дейменом одни в большом пустом доме. Столько невыясненных вопросов — не знаешь, с чего начать.

— Хочешь, посидим у бассейна? — предлагаю я наконец.

Может, на свежем воздухе я смогу успокоиться.

Деймен качает головой и берет меня за руку.

— Пойдем лучше наверх. Покажешь мне свою комнату...

— Откуда ты знаешь, что она наверху? — прищуриваюсь я.

Деймен усмехается.

— Так обычно бывает, разве нет?

Я не знаю, что ответить. Позволить ему или вежливо отказать?

Но тут Деймен сжимает мою руку и говорит:

— Ну, пойдём. Обещаю, что не буду кусаться!

У него такая неотразимая улыбка, такое ласковое прикосновение... Одна надежда, что Райли наверху не окажется.

Куда там! Как только мы добираемся до верхней площадки, Райли выскакивает навстречу.

— Слушай, прости меня, пожалуйста! Я совсем не хотела с тобой ссориться... Ой!

Она замирает на месте, вытаращив глаза, и переводит взгляд с меня на Деймена и обратно.

Я иду дальше, как ни в чем не бывало. Может, у нее все-таки хватит ума исчезнуть, причем надолго? Очень

надолго.

— Кажется, ты забыла выключить телевизор, — говорит Деймен, входя в кабинет.

Я грозно смотрю на Райли — та вприпрыжку бежит за нами, осматривает Деймена с ног до головы и с энтузиазмом показывает мне большой палец.

Как я ни умоляю ее взглядом уйти отсюда, она с размаху плюхается на диван и кладет ноги на колени Деймену.

Я в ярости врываюсь в ванную. Ну почему моя сестра не понимает намеков? Наверняка ведь выкинет какой-нибудь фортель, и как я потом буду это объяснять?

Я сдираю с себя свитер, наспех проделываю привычные манипуляции: одной рукой чищу зубы, другой намазываю дезодорант, сплевываю в раковину и практически одновременно с этим натягиваю чистую белую футболку. Рывком распускаю волосы, подкрашиваю губы, прыскаюсь духами и выскакиваю за дверь — а Райли по-прежнему тут. Заглядывает Деймену в уши.

— Давай я покажу тебе балкон — вид потрясающий, — предлагаю я, лишь бы хоть как-нибудь увести его от Райли.

Деймен качает головой.

— Потом.

Он похлопывает ладонью по дивану, приглашая меня сесть рядом. Райли радостно подпрыгивает.

Я смотрю на Деймена. Вот он сидит и ничегошеньки не подозревает, а на самом деле внезапное покалывание в ушах, зачесавшееся колено, холодок на шее — все это проделки моей покойной сестрички.

— Э-э... Я забыла в ванной бутылку с водой.

Я многозначительно смотрю на Райли и делаю шаг в сторону ванной. Надеюсь, у сестрицы хватит ума пойти за мной, иначе ей же будет хуже.

Деймен вскакивает.

— Я принесу!

И ловко проскальзывает между диваном и столом, совершенно явно двигаясь так, чтобы не задеть болтающиеся ноги Райли.

Райли изумленно таращится на меня, а я, разинув рот, смотрю на нее. В следующий миг Райли исчезает.

— Готово!

Деймен бросает мне бутылку и спокойно идет к дивану — через то пространство, которое только что старательно огибал. Поймав мой оторопелый взгляд, он улыбается.

— Что такое?

Я мотаю головой и сосредоточенно смотрю в экран телевизора. Наверное, просто совпадение. Не мог же он ее видеть?

* * *

— Может, все-таки объяснишь, как ты это делаешь?

Мы сидим в саду в шезлонгах. Мы только что слопали чуть ли не целую пиццу, причем большая часть досталась мне. Деймен ест как топ-модель, а не как нормальный здоровый парень. Чуть-чуть поклевал, повозил еду по тарелке, а больше прихлебывал свое странное питье из бутылки.

— Что я делаю? — спрашивает он, легко обнимая меня и пристраивая подбородок у меня на плече.

— Да все. Нет, серьезно! Ты не делаешь уроков, но всегда можешь ответить на любой вопрос. Ты берешь кисть, макаешь ее в краску и — оп-ля! — готов Пикассо, который лучше, чем у самого Пикассо. Может, тебе спорт не дается? Координация движений хромает? Признавайся!

Деймен вздыхает.

— Ну, в бейсболе я не очень, — сообщает он, прижав губы к моему уху. — Зато в футбол играю на мировом уровне, и в серфинге мастер, хоть и нескромно так говорить о себе.

— Значит, с музыкой что-нибудь не то. Тебе медведь на ухо наступил?

— Дай мне гитару — сыграю. Могу на пианино, на скрипке, на саксофоне.

— Тогда в чем твое слабое место? Невозможно уметь все! Говори, что тебе не дается?

— Зачем тебе нужно это знать? — спрашивает он, притягивая меня к себе. — Зачем разрушать иллюзию совершенства?

— Потому что я по сравнению с тобой выгляжу убогой неумехой, и мне это не нравится! Нет, серьезно, я вообще-то человек средненький. Просто хочется знать, что и ты хоть чего-то не умеешь. Ну скажи, мне легче станет!

— Ты — не средненькая, — говорит Деймен, уткнувшись носом в мои волосы.

Как-то очень серьезно говорит.

Но я не сдаюсь. Мне нужно узнать о нем хоть что-нибудь, что сделало бы его похожим на человека.

— Хоть мелочь какую-нибудь, а? Ну, пожалуйста!

Можешь даже соврать, это будет ложь во благо — ради спасения моей самооценки.

Я хочу повернуться, взглянуть на него, но Деймен удерживает меня, целует краешек уха и шепчет:

— Ты правда хочешь знать?

Я киваю. Сердце дико колотится, кровь стучит в висках.

— Я не умею любить.

Я смотрю на костер и пытаюсь понять, о чем он. Я, конечно, хотела, чтобы Деймен ответил, но все-таки не настолько серьезно.

— М-м... А поточнее? — спрашиваю с нервным смешком и сама не знаю, хочу ли услышать ответ.

А вдруг это как-то связано с Триной? Я предпочла бы о ней не говорить.

Деймен прижимается ко мне и протяжно вздыхает. Он молчит так долго, что я уже думаю — не ответит.

В конце концов он говорит:

— У меня каждый раз все заканчивается... разочарованием. — Он пожимает плечами и больше ничего не объясняет.

Я высвобождаюсь из объятий и поворачиваюсь к Деймену лицом.

— Тебе же всего семнадцать!

Он опять пожимает плечами.

— Много ли разочарований могло быть в твоей жизни?

Вместо ответа он снова поворачивает меня к себе спиной и шепчет в самое ухо:

— Пойдем, поплаваем.

Еще одно свидетельство безупречного совершенства: у Деймена в багажнике хранятся плавки.

— Эй, мы, как-никак, в Калифорнии. Тут никогда не знаешь, когда они могут понадобиться, — улыбается он, стоя у бортика бассейна. — У меня в машине еще и гидрокостюм есть — принести?

— Не знаю, — отвечаю я, входя в бассейн с глубокой стороны, среди клубов пара. — Сам посмотри, понадобится или нет.

Он подходит к самому краю и делает вид, что пробует воду ногой.

— Нечего пробовать, сразу прыгай! — командую я.

— Можно, я нырну?

— Да пожалуйста, хоть «солдатиком», хоть «ласточкой»! — смеюсь я, глядя, как он описывает в воздухе идеально ровную дугу, после чего выныривает совсем рядом со мной.

— Водичка отличная! — объявляет Деймен.

Мокрые волосы облепили голову, влажная кожа блестит, на ресницах застыли капельки воды. Я уверена, что он вот-вот меня поцелует, но Деймен снова уходит под воду и плывет прочь.

Проглотив свою гордость, плыву за ним.

— Так-то лучше, — говорит он, прижимая меня к себе.

— Боишься на глубине? — усмехаюсь я, едва доставая ногами дно.

— Я имел в виду твой наряд. Почаще так одевайся!

Я оглядываю свое бледное тело в белом бикини и стараюсь не очень комплексовать рядом с его идеально вылепленной загорелой фигурой.

— Это значительно лучше, чем джинсы и свитера с капюшонами! — смеется Деймен.

Я сжимаю губы. Не знаю, что сказать.

— Но я понимаю — наверное, тебе иначе нельзя, правильно?

Я заглядываю ему в лицо. Эти слова прозвучали так, словно он вложил в них какой-то иной смысл. Как будто он знает, почему я так одеваюсь.

Деймен улыбается.

— Очевидно, такая одежда защищает тебя от гнева Стейши и Хонор. Они не очень благосклонны к соперницам.

Он поправляет прядку у меня за ухом, проводит ру кой по щеке...

— А разве мы соперницы? — спрашиваю я, вспомнив, как он флиртовал со Стейшей, как доставал для нее розы из воздуха, как мы с ней чуть не подрались сегодня в школе.

Вспоминаю угрозу, которую Стейша, несомненно, выполнит.

Деймен смотрит на меня долгим взглядом — таким долгим, что настроение уходит, и я отстраняюсь.

Он придвигается ближе.

— Эвер, не было никогда никакого соперничества.

Но я ныряю и быстро плыву к краю бассейна. Ухватившись за бортик, выбираюсь наружу. Если я хочу высказаться, надо спешить, а то, как только Деймен приближается ко мне, все слова вылетают из головы.

— Откуда я знаю, что было и чего не было, если тебя постоянно бросает из крайности в крайность? — Руки у меня трясутся, голос дрожит. Мне бы остановиться, вернуть чудесный романтический вечер, который так хорошо складывался. Но я должна это сказать, и будь что будет. — То ты смотришь на меня так...

по-особенному, а потом, не успею я оглянуться, — ты уже выписываешь круги вокруг Стейши.

Сжав губы, жду его ответа. Деймен вылезает из бассейна и подходит ко мне — весь блестящий от воды и потрясающе красивый. Мне становится трудно дышать.

— Эвер, я... — Он опускает взгляд и, вздохнув, делает шаг ко мне. — Я не хотел причинить тебе боль.

Никогда. Правда..

Он обнимает меня и старается заглянуть в лицо. Я сдаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Ни единого раза я не хотел сделать тебе больно. Прости, если тебе показалось, что я играю твоими чувствами. Я ведь сказал: я не силен в этой области.

Он улыбается, запускает пальцы в мои мокрые волосы и вытаскивает из них красный тюльпан.

Я смотрю на Деймена: сильные плечи, мускулистая грудь, рельефные мышцы и голые руки. Ни рукавов, ни карманов — просто негде что-нибудь спрятать. Только великолепное полуобнаженное тело, мокрые насквозь плавки, с которых капает вода, и дурацкий красный тюльпан в руке.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я, затаив дыхание.

Я-то ведь знаю, черт возьми, что в ухе у меня никакого тюльпана не было!

— Что?

Он улыбается, обнимает меня за талию и притягивает к себе.

— Эти тюльпаны, розы и все такое... — шепчу я, стараясь отгородиться от ощущения его рук на моей коже, хотя от прикосновения Деймена становится тепло, сонно и чуть-чуть кружится голова.

— Магия, — усмехается он.

Я вырываюсь и, схватив полотенце, заматываюсь в него.

— Ну почему ты не можешь хоть раз побыть серьезным?!

Ох, и во что я только ввязалась... Может, еще не поздно отступить?

— Я серьезно, — вполголоса произносит он, натягивает футболку и достает ключи от машины.

Я дрожу в холодном влажном полотенце и, онемев, смотрю, как он идет к воротам. Не оборачиваясь, Деймен машет мне рукой.

— Сабина уже дома, — кричит он и растворяется в ночи.

Глава 19

На следующий день на стоянке у школы Деймена нет. Я вылезая из машины, взваливаю рюкзак на плечо и направляюсь в класс. По дороге делаю себе внушение: приготовиться к худшему.

Подхожу к классу — и застываю как вкопанная. Тупо смотрю на зеленую крашеную дверь, не могу заставить себя ее открыть.

Во всем, что касается Деймена, парапсихические способности мне отказывают, так что сейчас я вижу только тот кошмар, который сама же и создала у себя в голове: Деймен прислонился к парте Стейши, смеется и флиртует направо, а я, сгорбившись, пробираюсь мимо них к своему месту. Теплый взгляд Деймена равнодушно скользит по мне и сразу возвращается к ней.

Я не смогу этого вынести. Серьезно, просто не выдержу, и все тут. Потому что, пускай Стейша — жестокая, подлая, мерзкая садистка, но она жестокая, подлая и мерзкая открыто и незатейливо. У нее нет секретов, нет мрачных тайн. Вот она, ее гнусная сущность, вся как на ладони.

В то время как у меня все наоборот. Я параноик, скрытная, прячусь за темными очками и капюшонами и волоку на себе неподъемный груз, У меня все непросто...

Я снова протягиваю руку к дверной ручке и мысленно ругаю себя: «Глупость какая! Что ж теперь, школу бросить? Тебе еще полтора года терпеть, так что подбери слюни и входи уже, наконец!»

Но рука дрожит и не слушается. Я почти готова сбежать, как сзади подходит кто-то из одноклассников и говорит:

— Ну, ты входишь или нет?

И мысленно прибавляет: «Уродина ненормальная!»

Вдыхаю поглубже, открываю дверь и вхожу. И тут мне становится еще хуже, чем в самых кошмарных фантазиях — Деймена в классе нет.

* * *

В столовой я обшариваю взглядом все столики и, так и не увидев Деймена, иду на наше обычное место. Хейвен подходит одновременно со мной.

— Шесть дней прошло, а об Эванджелине — ни слуху, ни духу, — говорит Хейвен, усаживаясь напротив меня и доставая свой обычный кекс.

— Ты не спрашивала в вашей анонимной группе? — Майлз пристраивается рядом и откупоривает бутылку с витаминизированной водой.

Хейвен морщится.

— Майлз, она же анонимная!

Майлз тоже морщится.

— Я имел в виду воспитательницу.

— Они называются руководителями! Спрашивала, да. Она тоже ничего не знает. Правда, Трина считает, что я зря волнуюсь. Говорит, незачем поднимать шум из-за ерунды.

— Она еще не уехала? — прищуривается Майлз.

Я напряженно слушаю их разговор. Что-то в голосе Майлза настораживает, и я с нетерпением жду, что будет дальше. Мои особые способности отказывают, как только заходит речь о Деймене и Трине, поэтому мне, как и Майлзу, очень интересно услышать ответ Хейвен.

— Угу, она здесь живет. А что? Нельзя?

Майлз пожимает плечами и отпивает воду.

— Можно, конечно. — А вот мысли его говорят иное, и желтая аура темнеет, мутнеет. Майлз никак не может решить — высказать, что у него на уме, или промолчать. — Просто... — начинает он.

— Что? — Хейвен смотрит на него, сузив глаза и крепко стиснув губы.

— Ну...

Я тоже смотрю на него и думаю: давай, Майлз, говори! Трина ужасная, от нее ничего хорошего не дождешься, одни неприятности. Ты не один, я тоже все это вижу, так что говори — она мерзкая!

Майлз колеблется. Слова уже готовы сорваться с его языка, я задерживаю дыхание...

Майлз шумно выдыхает, качает головой и говорит:

— Да так, ничего.

Хейвен в ярости. По ее ауре пробегают сполохи, сыплются искры. Сейчас начнется гроза... Три... два... один...

— Извини меня, Майлз, но так не пойдет! Ты уж договаривай, если начал!

Кексик забыт. Хейвен барабанит пальцами по столу. Майлз молчит, и тогда Хейвен выпаливает:

— Ну, смотри, Майлз! И ты тоже, Эвер! Думаешь, если молчишь, так уже и не виновата?

Майлз оглядывается на меня, высоко подняв брови, и я понимаю, что должна что-то сказать, что-то сделать, хотя бы спросить — в чем я виновата? Да только я и сама знаю — в чем. В том, что терпеть не могу Трину. Не доверяю ей. Я чувствую в ней что-то подозрительное, прямо-таки зловещее. И не слишком стараюсь эти подозрения скрыть.

Хейвен, морщась, качает головой. Она так расстроена, что буквально выплевывает слова.

— Вы ее совсем не знаете! У вас нет никакого права ее судить! Она хорошая! С тех пор как мы познакомились, она была мне лучшим другом, чем вы!

— Неправда! — кричит Майлз, сверкая глазами. — Это полная фигня и...

— Прости, Майлз, это правда. Вы меня кое-как терпите, но на самом деле вы ко мне относитесь не так, как она. Трине нравится то же, что и мне — у нас общие интересы. Вы втайне мечтаете меня изменить, а ей я нравлюсь такая, какая есть.

— Ага, поэтому ты кардинально изменила внешность? Потому что она принимает тебя такой, какая ты есть?

Хейвен закрывает глаза и делает глубокий вдох. Потом смотрит на Майлза, встает и собирает свои вещи.

— Думай что хочешь, Майлз. Думайте что хотите, вы оба.

— Дамы и господа, полюбуитесь на драматический финал! Героиня гордо уходит со сцены! — кривится Майлз. — Да ты что, Хейвен?! Я просто спросил, уехала она уже или нет. И все! А ты подняла вопрос на принципиальную высоту. Да сядь ты уже и успокойся!

Хейвен, тряхнув головой, хватается за край стола.

Татуировка у нее на запястье уже окончена, только все еще красная и воспаленная.

— Что это у тебя? — спрашиваю я, глядя на чернильное изображение змеи, кусающей себя за хвост. У этой штуки есть название — какое-то мифологическое существо, только я забыла, какое.

— Уроборос.

Хейвен трет картинку пальцем, и мне кажется, что ея шевельнулась, в пасти мелькнул язык...

— Что это означает?

— В Средние века у алхимиков это был символ вечной жизни. Сотворение из разрушения, жизнь из небытия, бессмертие — что-то в таком духе, — говорит Майлз.

Мы с Хейвен ошеломленно уставились на него, а он пожимает плечами.

— Ну, что такого? Читать надо больше!

Я приглядываюсь к татуировке.

— По-моему, тут воспаление. Тебе бы показаться врачу.

И в ту же секунду понимаю, что сказала это зря. Хейвен одергивает рукав, от ее ауры снова летят искры.

— Нормальная татушка! И все у меня в норме. Кстати, почему вы не волнуетесь насчет Деймена? Он вообще больше в школе не появляется! В чем дело?

Майлз косится на свой смартфон, а я только передергиваю плечами. В чем-то она права. Мы с Майлзом не говорим ни слова, а Хейвен подхватывает коробку с кексом и стремительно уходит.

— Объясни, что сейчас было? — спрашивает Майлз, глядя, как Хейвен лавирует между столиками.

Я пожимаю плечами. Никак не могу выбросить из головы татуировку на руке Хейвен — змея повернула голову и посмотрела на меня крошечными блестящими глазками.

* * *

Подъезжаю к дому и вижу Деймена. Он стоит и улыбается, прислонившись к своей машине.

— Как дела в школе? — спрашивает Деймен, открывая мне дверцу.

Я вытаскиваю из машины рюкзак с учебниками.

— А-а, ты все еще сердишься...

Деймен идет за мной к двери, и, хотя он ко мне не прикасается, я чувствую исходящее от него тепло.

— Я не сержусь, — бурчу себе под нос, открывая дверь и швыряя школьную сумку на пол.

— Приятно слышать. Потому что я заказал столик на двоих. Раз ты не сердишься — значит, пообедаешь со мной?

Я окидываю его беглым взглядом: темные джинсы, тяжелые сапоги и мягкий черный свитер — явно из кашемира. Что он на этот раз задумал?

Деймен снимает с меня темные очки, вынимает из ушей наушники и кладет их на столик у двери.

— Поверь, тебе совсем не нужны все эти защитные средства.

Он стаскивает с моей головы капюшон и ведет меня за дверь, к своей машине.

— Куда мы едем? — спрашиваю, устроившись на пассажирском сиденье.

Какая я все-таки бесхребетная, готова соглашаться со всем, что он скажет.

— А как же уроки? У меня уже куча долгов накопилась.

Деймен, качнув головой, садится рядом со мной.

— Успокойся. Потом сделаешь, обещаю.

— Когда потом?

Привыкну ли я когда-нибудь к его удивительной мрачноватой красоте, к огню во взгляде, к этой невероятной способности уговаривать меня на что угодно?

Деймен улыбается и заводит машину, даже не повернув ключ в замке зажигания.

— До полуночи, даю слово! А сейчас пристегнись, поедem кататься.

* * *

Деймен ведет быстро. Очень быстро. Кажется, не прошло и нескольких минут, а мы уже въезжаем на стоянку.

— Где мы? — спрашиваю я, глядя на зеленые здания и вывеску: «Восточный вход». — Восточный вход куда?

— А разве непонятно?

Деймен со смехом притягивает меня к себе, освобождая дорогу четверем блестящим от пота рысакам, которых ведут мимо конюхи. Следом за ними шагает жокей в розовой с зеленым куртке, белых лосинах и заляпанных грязью черных сапогах.

— Ипподром? — ахаю я.

Вот уж чего я не ожидала — как и Диснейленда.

— И не просто ипподром! «Санта-Анита» — один из лучших. Пошли, у нас заказан столик на три пятнадцать у «Фаворита».

Я не двигаюсь с места.

— У кого?

— Успокойся, это всего лишь ресторан, — смеется Деймен. — Идем, не хочу пропустить заезд.

— Гм, ведь это, кажется, противозаконно?

Я говорю сейчас как последняя зануда и примерная девочка, но все-таки Деймен слишком уж... бесшабашный, все ему нипочем.

— Есть противозаконно? — улыбается он, хотя я чувствую — его терпение на пределе.

Отрицательно качаю головой.

— Делать ставки, играть на бегах, как там это называется. Ну, ты меня понял.

Деймен только смеется.

— Эвер, здесь скачки, а не подпольные петушинные бои. Пойдем!

Он тянет меня за руку к лифтам.

— Сюда, наверное, пускают только с двадцати одного года?

— С восемнадцати.

Деймен входит в лифт и нажимает кнопку с цифрой «пять».

— Вот-вот! Мне шестнадцать с половиной.

Деймен, мотнув головой, наклоняется меня поцеловать.

— Правила для того и существуют, чтобы их... если не нарушать, так обходить. Иначе жить скучно.

Он ведет меня через фойе в просторный зал, отделанный в разных оттенках зеленого, причем здороваюсь с метрдотелем, как со старым приятелем.

— Ах, мистер Августо, как чудесно снова вас видеть! Ваш столик готов, прошу за мной!

Деймен, кивнув, за руку ведет меня мимо обедающих парочек, одиночек, пожилых людей, дамских компаний, мимо отца с маленьким сынишкой — в ресторане нет свободных мест. Мы останавливаемся возле столика, прямо напротив финишной линии, с прекрасным видом на беговую дорожку и на зеленые холмы вдаль.

— Тони сию минуту примет заказ. Шампанского?

Деймен косится на меня и качает головой. Чуть заметно покраснев, говорит:

— Не сегодня.

— Прекрасно. Заезд начнется через пять минут.

— Шампанское? — шепчу я, изогнув бровь.

Деймен только пожимает плечами и разворачивает программку.

— Что скажешь насчет Шпанской мушки? — Смотрит на меня и усмехается. — Я имею в виду лошадь, а не афродизиак.

Я не в состоянии ответить. Слишком много впечатлений, голова кругом. Огромный зал ресторана полон до отказа — и это в середине дня, посреди рабочей недели. Столько людей не работают, а играют на скачках! Целый новый мир, о существовании которого я и не подозревала. Невольно приходит мысль: уж не здесь ли Деймен проводит все свободное время?

— Ну что, будешь ставить?

Коротко взглянув на меня, Деймен принимается делить пометки в программке.

Отрицательно качаю головой.

— Я даже не знаю, как это делается.

— Что ж, могу прочесть курс лекций о шансах, процентах, статистике и о лошадиных родословных. Но, поскольку времени до заезда почти не осталось, ты просто посмотри и скажи, какое имя тебе приглянулось. Я часто так делаю и всегда угадываю.

Улыбнувшись, Деймен бросает мне программку. Я просматриваю ее и с удивлением обнаруживаю, что три лошадиных клички буквально бросаются мне в глаза, причем в строго определенном порядке.

— Давай так: Шпанская мушка — на выигрыш, Акапулько Люси — вторая и Сын Будды — третий? Понятия не имею, откуда все это влетело мне в голову, по говорю вполне уверенно.

— Люси — второе, Будда третьим, — бормочет Деймен, записывая имена лошадей. — Сколько поставишь? Минимальная ставка — два, но можно ставить и больше.

— Пусть будет два, — говорю я, вдруг растеряв всю свою уверенность.

Не хотелось бы понапрасну опустошить кошелек.

— Точно не больше? — разочарованно спрашивает Деймен.

Я киваю.

— По-моему, ты сделала разумный выбор, так что поставлю пять. Нет, лучше десять.

— Не надо десять! Я ведь просто так, наугад сказала, сама не знаю, почему.

— А вот сейчас и узнаем.

Он встает. Я лезу за кошельком, но Деймен отмахивается.

— Вернешь, когда будешь забирать свой выигрыш. Если подойдет официант, закажи, что тебе захочется.

— А тебе что взять? — кричу я ему вслед, но Деймен идет так быстро, что даже не слышит меня.

Возвращается он, когда лошади уже стоят за стартовыми воротцами. Раздается выстрел, и лошади срываются с места. Сперва они кажутся просто размытыми черными пятнами, появляясь из-за поворота и выходя на финишную прямую. Я вскакиваю с места. Три выбранные мной лошади борются за первенство и пересекают линию финиша точно в том порядке, как я и называла. Я прыгаю и визжу от восторга.

— Ой, мамочки, мы выиграли, мы выиграли! — кричу я, сияя.

Деймен наклоняется и целует меня.

— Здесь всегда бывает так захватывающе? — спрашиваю я, глядя, как украшают цветами Шпанскую мушку, которая вышагивает по дорожке победителей.

— Примерно, — кивает Деймен. — Хотя первый большой выигрыш — лучше всего. С этим ничто не сравнится.

— Ну, не знаю уж, насколько большой.

Я начинаю жалеть, что мало верила в себя. Могла бы увеличить ставку...

Деймен хмурится.

— Ну, поскольку ты поставила всего два, то и выиграла около восьми.

— Восемь долларов? — разочарованно прищуриваюсь я.

— Восемь сотен, — смеется он. — Точнее, восемьсот восемьдесят долларов и шестьдесят центов. Ты ведь угадала тройку победителей и точный порядок мест.

— И все это — всего на два доллара?

Мне вдруг становится понятно, почему для него здесь держат персональный столик.

Деймен кивает.

— А ты? Сколько ты выиграл? Ты ставил столько же, сколько и я?

Деймен улыбается.

— Сказать по правде, я проиграл. Проиграл по-крупному. Я пожадничал и поставил на четверку, то есть прибавил еще одну лошадь, а она немного отстала. Но ты не огорчайся, в следующем заезде наверстаю.

И ведь наверстал, ничего не скажешь! После восьмого, последнего заезда мы подходим к окошечку, где я получаю тысячу шестьсот сорок пять долларов восемьдесят центов, а Деймен — значительно больше. Он угадал большую пятерку, то есть правильно назвал пятерых победителей точно в том порядке, как они пришли к финишу. И поскольку это уже несколько дней никому кроме него не удавалось, выигрыш составил пятьсот тридцать шесть тысяч долларов и сорок один цент, а исходная ставка была — десять долларов.

— Ну, что, нравятся тебе скачки? — спрашивает Деймен, взяв меня под руку и направляясь к выходу.

— Да-а, теперь я понимаю, почему тебя не тянет в школу. Никакого сравнения, правда? — смеюсь я.

Я все еще как пьяная от выигрыша. Наконец-то я нашла выгодное применение своему «дару»!

— Пойдем, я хочу купить тебе что-нибудь в честь выигрыша, — говорит Деймен, направляя меня к магазинчику сувениров.

— Да нет, не нужно... — начинаю я.

Но он сжимает мою руку и шепчет прямо в ухо:

— Я настаиваю! Мне это, вроде бы, по средствам. Но есть одно условие.

Я вопросительно смотрю на Деймена.

Он смеется.

— Никаких свитеров с капюшонами! Что угодно другое — пожалуйста, только скажи.

В магазинчике я дурачусь, требую то жокейскую шапочку, то статуэтку лошади, то громадную бронзовую подкову — повесить на стенку. В конце концов мы купили серебряный браслет-подкову — но только после того как я убедилась, что блестящие камушки в нем действительно хрустальные, а не настоящие бриллианты. Это было бы уже слишком, сколько бы там денег Деймен ни выиграл.

— Теперь ты точно не забудешь сегодняшний день, — говорит Деймен, застегивая браслет на моей руке, пока мы ждем, когда подгонят машину.

— Как я могу забыть? — спрашиваю я, любуясь украшением

Деймен только пожимает плечами, усаживаясь на водительское место, и взгляд у него вдруг становится такой тоскливый, такой потерянный... Это — единственная подробность сегодняшнего дня, которую мне действительно не хочется потом вспоминать.

К сожалению, обратный путь промелькнул еще быстрее, чем дорога на ипподром. Деймен останавливает машину около моего дома, и я вдруг понимаю, что мне ужасно не хочется, чтобы день закончился.

Деймен показывает мне циферблат на приборной доске.

— Видишь — полуночи еще нет, как и было обещано.

Он наклоняется и целует меня, а я отвечаю на поцелуй с таким жаром, что чуть ли не втаскиваю Деймена на свое сиденье..

— Можно мне зайти? — шепотом спрашивает он. Его губы искушающе касаются моего уха, переходят на шею и дальше, вдоль ключицы,

А я, сама себя удивив, отталкиваю его и качаю головой. Не только потому, что Сабина уже дома и мне еще нужно делать уроки, а потому что пора, наконец, проявить гордость. Сколько можно во всем ему поддаваться?

— Встретимся в школе! — Я выскакиваю из машины, пока он не уговорил меня передумать. — Если ты еще помнишь — Бей-Вью, школа такая, ты когда-то там учился.

Деймен отводит глаза и вздыхает.

— Неужели ты собрался и завтра прогуливать? Опять?!

— В школе такая скука! Не понимаю, как ты выдерживаешь.

— Не понимаешь? — Оглянувшись на дом, я вижу, как Сабина выглядывает в щелочку между занавесками и тут же снова прячется. — Да, наверное, так же, как ты и раньше это делал. Встаешь, понимаешь ли, утром, одеваешься и идешь в школу, только и всего. Иногда удается даже что-нибудь новое узнать — если, конечно, слушать на уроках.

Едва эти слова вылетели из моего рта, я понимаю, что все — сплошное вранье. Если честно, я за весь год ничего нового в школе не выучила. Трудно чему-нибудь научиться, если все и так уже знаешь. Хотя об этом я Деймену не скажу.

— Должен же быть какой-нибудь другой способ, получше, — стонет он, с мольбой глядя на меня.

— Знаешь, на минуточку, прогуливать уроки — не лучший способ. По крайней мере, если ты хочешь поступить в колледж и обеспечить себе нормальное будущее.

И снова ложь. Всего несколько таких вот дней на ипподроме — и будущее обеспечено, да еще как! Более чем нормально.

Деймен опять смеется.

— Ладно, будь по-твоему! На какое-то время. До завтра, Эвер!

Не успела я еще войти в дом, а он уже уехал.

Глава 20

На следующее утро я собираюсь в школу, а Райли сидит на туалетном столике в костюме Чудо-женщины и выбалтывает секреты разных знаменитостей. Ей надоело наблюдать за причудами бывших друзей и соседей, и вот она обратила взор на Голливуд. А уж грязные подробности личной жизни звезд она раскапывает куда ловчее, чем любая бульварная газетенка. Я только и делаю, что ахаю.

— Да ты что! Не может быть! Майлз в обморок упадет, когда услышит!

— Ты себе не представляешь! — Райли встряхивает головой, так что черные кудряшки разлетаются в разные стороны. Моя сестренка принимает вид искушенной светской дамы, много повидавшей в жизни — слишком

даже много. — Там все напоказ, все для виду. Нет, серьезно! Одна большая иллюзия. Такая же неправда, как и в кино, которое они снимают. И как же они стараются, чтобы сохранить в тайне свои маленькие... тайны.

— А за кем еще ты подглядывала? — жадно спрашиваю я.

Как же мне самой-то в голову не пришло? Надо попробовать подключиться к их энергетике, когда смотрю телевизор или перелистываю журнал.

— Скажи, а вот...

Я только собралась расспросить, соответствуют ли действительности последние сплетни о моей любимой актрисе, как в комнату заглядывает Сабина.

— О чем ты хотела спросить?

Я оглядываюсь на сестру — та согнулась пополам от хохота.

Кашлянув, я произношу:

— Да так, ничего. Я ничего не говорила.

Сабина странно смотрит на меня.

— Молодец, Эвер! Оч-чень убедительно! — Райли мотает головой.

— Тебе что-то нужно? — Я решительно отворачиваюсь от Райли, сосредоточившись на том, для чего Сабина ко мне пришла.

Ее зовут погостить на уик-энд, и она не знает, как мне об этом сказать.

Сабина входит в комнату. Держит спину слишком прямо, походка деревянная. Сделав глубокий вдох, Сабина присаживается на краешек кровати, нервно выдергивает ниточку из синего хлопчатобумажного покрывала.

Мучительно подбирает слова.

— Джефф пригласил меня на выходные. — Она сдвигает брови. — Но я хотела сначала узнать — ты не возражаешь?

— Кто это — Джефф? — спрашиваю я, вдевая в уши сережки.

Я-то уже знаю, но все-таки лучше спросить.

— Вы виделись тогда, на празднике. Он был в костюме Франкенштейна.

В мозгу Сабины клубится вина. Ей кажется, что она — невнимательный опекун и подает мне плохой пример. Правда, на ауре все это не отражается — она такая радостно-розовая.

Я заталкиваю книжки в сумку, тяну время и решаю, как быть. С одной стороны, Джефф — не такой человек, каким она его считает. Совсем даже не такой. Правда, насколько я вижу, она ему действительно нравится, и ничего плохого он ей не сделает. А я так давно не видела Сабину счастливой... Духу не хватает сказать ей правду. Да и как такое скажешь?

«Э-э, прошу прощения, но Джефф... Шикарный преуспевающий банкир? Да ничего подобного! На самом деле он до сих пор живет под крылышком у мамочки! Только не спрашивай, откуда я знаю. Знаю, и все!»

Нет уж, увольте. К тому же отношения между людьми — такая вещь... Рано или поздно они сами собой как-то налаживаются. И потом, кто бы говорил! Я со своей запутанной личной жизнью не могу разобраться. Вот смотрите — только-только у нас с Дейменом что-то наладилось. Я тут подумала: может, хватит его отталкивать? Может, пора сделать следующий шаг? Если Сабины два дня не будет, у меня как раз появится возможность, которой долго еще может не представиться.

— Поезжай, развлечешься! — говорю я наконец.

Надеюсь, она в конце концов узнает правду о Джеффе, и жизнь пойдет дальше своим чередом.

Сабина улыбается — радостно, с облегчением. Она бросается к двери, с порога замечает:

— Мы уезжаем сегодня, после работы. У него дом в Палм-Спрингс, меньше двух часов отсюда. Если что, мы будем не так уж далеко.

Поправка: это у его мамочки дом в Палм-Спрингс.

— Вернемся в воскресенье. Эвер, если захочешь пригласить друзей — на здоровье. Только... Наверное, нам нужно кое о чем поговорить...

Я замираю, прекрасно зная, к чему она клонит. Неужели Сабина тоже умеет читать мысли? Потом до меня доходит — она просто старается быть ответственной, выполняя непривычную для себя роль «родителя».

Я качаю головой.

— Спасибо, я уже в курсе!

Схватив рюкзак, делаю страшные глаза, глядя на Райли. Та приплясывает на туалетном столике и распевает:

— Вот повеселимся! Вот повеселимся!

Сабина кивает с облегчением: серьезный разговор о сексе явно страшил ее чуть ли не больше, чем меня.

— Пока, до воскресенья! — говорит она.

— Ага, пока! — отвечаю я, сбегая вниз по лестнице.

* * *

— Чем хочешь поклянуться — он тоже из ваших, — говорю я, заводя машину на стоянку и заранее почувствовав на себе взгляд Деймена, от которого по всему телу расходится приятное покалывание.

— Я так и знал! — кивает Майлз. — Я знал, что он — гей! Это сразу видно. А откуда ты узнала?

Я запинаясь — не могу же открыть свой источник информации, признавшись, что моя покойная сестричка теперь — завсегдатай Голливуда.

— Н-не помню уже, — мямлю я, вылезая из машины. — Но я точно знаю, что это правда.

— Что правда? — спрашивает с улыбкой Деймен, целуя меня в щеку.

— Джо... — начинает Майлз, но я перебиваю его. Не хочу, чтобы Деймен знал о моем нездоровом интересе к жизни знаменитостей.

— Да ничего, это мы так. А ты слышал — Майлз будет играть Трейси Тернблад в «Лаке для волос»!

Я без передышки несу всякую чушь, и в конце концов Майлз, махнув рукой, уходит к себе в класс.

Как только он скрывается из виду, Деймен перебивает меня:

— Знаешь, у меня идея. Пойдем, позавтракаем?

Я смотрю на него, как на сумасшедшего, и хочу идти дальше, но мне не удается: Деймен тянет меня за руку.

— Ну, пойдем! — зовет он, глядя мне в глаза, и заразительно хохочет.

— Нельзя, — шепчу я, тревожно оглядываясь. Еще чуть-чуть, и мы опоздаем. — И потом, я уже завтракала!

— Эвер, ну пожалуйста! — Он падает на колени, умоляюще сложив руки. — Пожалуйста, не заставляй меня идти туда! Если в твоём сердце есть хоть капля доброты, не принуждай меня это делать!

Я сжимаю губы, из последних сил сдерживая смех. Видеть своего элегантного, потрясающего бойфренда на коленях... И все-таки я качаю головой.

— Вставай, звонок...

Договорить я не успеваю, потому что действительно раздаётся звонок.

Деймен, улыбаясь, поднимается с колен, отряхивает джинсы и обнимает меня за талию.

— Знаешь, говорят: чем опаздывать, лучше совсем не приходиться!

— Кто это говорит? — сурово спрашиваю я. — Ты, что ли?

Он пожимает плечами.

— Может быть и я. Во всяком случае, Эвер, нам совсем не обязательно здесь сидеть. — Он сжимает мою руку. — И тебе совсем не обязательно надевать вот это. — Он снимает с меня темные очки, стягивает с головы капюшон. — Уже начался уик-энд!

Можно назвать миллион прекрасных и очень веских причин, по которым нам ни в коем случае не следует прогуливать, а с уик-эндом надо подождать до трех часов дня, как и в любую другую пятницу, но Деймен так смотрит на меня что я, недолго думая, бросаюсь в омут головой.

Откуда-то издали слышу:

— Идем скорей, пока не закрыли ворота... — Я с трудом узнаю собственный голос.

* * *

Мы едем каждый в своей машине. Потому что, хоть этого никто и не произносит вслух, возвращаться в школу мы явно не собираемся. Следую за Дейменом по извилистому шоссе, любуюсь живописными видами, ослепительными пляжами, ярко-синим океаном, и сердце мое переполняется благодарностью. До чего же мне все-таки повезло: живу в таком благословенном месте! Тут я вспоминаю, как получилось, что я здесь живу, и ликование мгновенно гаснет.

Деймен резко сворачивает к обочине. Я ставлю машину рядом и улыбаюсь, когда он подходит открыть мне дверцу.

— Ты здесь еще не бывала? — спрашивает он.

Смотрю на беленький дощатый домик и качаю головой.

— Я помню, ты сказала, что не голодна, но у них самые лучшие молочные коктейли. Обязательно попробуй с финиками... или шоколадный коктейль с арахисовым маслом — или оба. Я угощаю.

— Финиковый? — Я морщу нос. — Бр-р, звучит ужасно!

Деймен только смеется и тащит меня к прилавку. Указывает оба коктейля и, держа их в руках, усаживается вместе со мной на крашеную в синий цвет скамью с видом на пляж.

— Так какой тебе больше по вкусу?

По очереди пробую оба — такие густые, что приходимся снять крышечки со стаканов и черпать ложкой. — Оба вкусные, но, как ни странно, финиковый мне даже больше нравится.

Я подталкиваю стакан к Деймену — попробовать, но Деймен, покачивая головой, отодвигает коктейль.

Почему-то от этого простого жеста у меня сжимается сердце.

Есть все-таки в Деймене что-то странное и помимо загадочных фокусов с цветами и необъяснимых исчезновений. Он же никогда ничего не ест...

Стоило мне подумать об этом, как Деймен берет соломинку, делает долгий глоток и наклоняется меня поцеловать. Губы у него холодные, как лед.

— Спустимся на пляж?

Он берет меня за руку, и мы идем, задевая друг друга плечами, передавая друг другу коктейли, хотя мне все-таки достается большая часть. Спустившись, мы сбрасываем обувь, подворачиваем штанины и идем по песку вдоль линии прибоя. Ледяная вода окатывает наши ноги.

— Ты серфингом никогда не занималась? — спрашивает Деймен, вставляя пустые стаканы один в другой.

Я качаю головой и перешагиваю через кучку камней.

— Хочешь, научу? — улыбается он.

— Вот в этой воде? — Я переступаю на сухой песок. За эти несколько мгновений ноги у меня посинели от холода. — Нет, спасибо!

— Можно надеть гидрокостюмы.

— Только если они на меховой подкладке! — смеюсь я, разравнивая песок ногой, чтобы нам было где сесть.

Деймен берет меня, за руку и уводит прочь, мимо лужиц, оставшихся от прилива, в скрытую от глаз природную пещерку.

— Я и не знала, что здесь такое есть!

Вокруг гладкие скалы, недавно выровненный граблями песок, в уголке — стопка полотенец и доски для серфинга.

— Никто не знает, — улыбается Деймен. — Поэтому мои вещи все еще здесь. Пещерка неприметная, все ходят мимо и не замечают. Впрочем, люди никогда не замечают того, что у них прямо перед носом...

— А как ты ее нашел? — спрашиваю я, усаживаясь на зеленое одеяло, которое он расстелил посреди пещеры.

Деймен пожимает плечами.

— Наверное, я не такой, как все.

Он ложится рядом и притягивает меня к себе. Подперев подбородок ладонью, смотрит на меня так долго, что я невольно начинаю ерзать.

— Зачем ты прячешься под мешковатыми джинсами и капюшонами? — шепотом спрашивает он, проводя пальцами по моей щеке, заправляя прядь волос за ухо. — Не знаешь разве, какая ты красивая?

Я сжимаю губы и отвожу глаза. Приятно слышать, конечно, и все-таки лучше бы он этого не говорил. Я такая, какая есть. Не хочу ничего объяснять, не хочу оправдываться. Ясное дело, прежняя я ему понравилась бы больше, но того, что было, не вернешь. Та девочка умерла, а вместо нее осталась я.

По щеке сползает слезинка, и я отворачиваюсь — не хочу, чтобы он видел. Но Деймен держит меня крепко, не отпускает и легчайшим прикосновением губ стирает мою печаль, а потом наши губы встречаются.

— Эвер, — выдыхает он.

Голос у него хриплый, глаза сверкают, он навалился на меня всем телом, его тяжесть утешает и согревает меня, и это тепло очень скоро превращается в жар.

Я касаюсь губами его подбородка, исследую линию челюсти, мое дыхание вырывается короткими рваными толчками, а его бедра вжимаются в мои, и я уже не могу больше прятаться от тех чувств, которые так долго и так тщательно скрывала от себя самой. Я устала бороться, устала отказывать себе во всем, я всего лишь хочу снова стать нормальной девчонкой. А что может быть нормальнее, чем вот это?

Я закрываю глаза. Деймен стягивает с меня свитер, и я покоряюсь, позволяю ему расстегнуть мои джинсы и тоже стащить их с меня. Подчиняюсь движению его руки, нажиму его пальцев, и говорю себе, что этот восторг, это неясное ликование, поднимающееся откуда-то из глубины, могут значить только одно. Конечно, это любовь!

И все же, когда он подцепляет большими пальцами резинку моих трусиков и начинает медленно сдвигать ее вниз, я резко сажусь и отталкиваю его прочь. Отчасти мне и хочется продолжить, хочется снова притянуть его к себе — но не так, не здесь и не сейчас.

— Эвер, — шепчет он, глядя мне в глаза.

Я качаю головой и отворачиваюсь, чувствуя, как его чудесное теплое тело принимает к моему, а губы шепчут

у самого моего уха:

— Все хорошо. Правда. А теперь спи.

* * *

— Деймен?

Я поворачиваюсь на бок, вглядываясь в полумрак. Рукой ощупываю пустое пространство рядом со мной. Хлопаю по одеялу, убеждаюсь, что Деймена и в самом деле здесь нет.

— Деймен? — зову опять.

В ответ только волны шумят, разбиваясь о берег.

Натягиваю свитер и, спотыкаясь, выхожу из пещеры. Оглядываю пляж в предзакатном свете. Так и не увидев Деймена, возвращаюсь в пещерку и обнаруживаю на своем рюкзаке записку. Разворачиваю ее и читаю:

«Ушел ловить волну. Скоро вернусь. — Д.»

Выбегаю наружу с запиской в руке, мечусь по берегу, рассматриваю серфингистов. Их на берегу всего двое, оба бледные и светловолосые. Ясно, что Деймена среди них нет.

Глава 21

Подъезжая к дому, я с удивлением вижу, что на крыльце кто-то сидит. Подъехав вплотную, удивляюсь еще больше: это Райли.

— Эй! — окликаю я, подхватывая рюкзак и сильнее, чем собиралась, хлопнув дверцей.

— Ха! — отзывается Райли, хмуро глядя на меня. — Я уж думала, ты меня задавишь.

— Прости, я думала, это Деймен, — отвечаю я, направляясь к входной двери.

— Ох, что он еще натворил? — смеется сестра.

Я пожимаю плечами и поворачиваю ключ в замке. Не собираюсь посвящать ее во все подробности.

— Что случилось, войти не можешь? — спрашиваю я, перешагивая через порог.

— Очень смешно!

Райли закатывает глаза и несется в кухню. Там она садится за стол, а я, бросив сумку на барную стойку, заглядываю в холодильник.

— Так в чем дело?

Почему она такая тихая? Неужели мое плохое настроение заразно?

— Ни в чем.

Райли смотрит на меня, подперев подбородок рукой

— Что-то непохоже.

Достаю из холодильника бутылку с водой, хотя на самом деле хочется мороженого. Прислонившись к столу, обращаю внимание на то, что волосы у Райли спутаны, а костюм Чудо-женщины заметно обвис.

Сестра пожимает плечами.

— Ну, что думаешь делать в выходные? — спрашивает она, качнувшись назад на стуле так, что у меня екает под ложечкой, хоть я и знаю, что разбиться Райли не может. — Это же мечта любого подростка! Целый дом в твоём распоряжении, и никто не стоит над душой!

Райли игриво поводит бровями, но есть во всем этом какая-то фальшь — как будто она старательно изображает бодрость и веселье.

Я, глотнув воды, пожимаю плечами. Мне хочется довериться Райли, поделиться с ней своими тайнами — и хорошими, и плохими, и совершенно отвратительными. Как хорошо было бы переложить хоть часть непосильного груза на ее плечи... Но тут я смотрю на Райли и вспоминаю: она ведь полжизни ждала, когда ей исполнится тринадцать, буквально считала дни, приближавшие ее к важной дате. Не потому ли она до сих пор здесь? Я отняла у нее мечту, и теперь ей ничего не остается, кроме как прожить эти годы через меня.

— Прости, если я тебя разочарую, — произношу я наконец, — но ты, наверное, уже заметила, что подростковые мечты — не самая сильная моя сторона. — Я смущенно смотрю на нее и вспыхиваю, когда Райли согласно кивает. — Какие надежды я подавала когда-то в Орегоне! Подруги, бойфренд, команда болельщиц... И все это сгинуло. Капут. Кончен бал. А здесь еле-еле нашла двоих друзей, так и те сейчас друг с другом не разговаривают. К сожалению, они и со мной почти не разговаривают. По какой-то странной, необъяснимой, невероятной прихоти судьбы я отхватила себе потрясающего парня... а наш роман, честно говоря, не так

прекрасен, как об этом обычно говорят. Мой бойфренд ведет себя довольно странно, то и дело исчезает неведомо куда, а когда появляется, уговаривает меня прогуливать уроки, играть на бегах и вообще сбивает меня с пути истинного. Он плохо на меня влияет.

Я внутренне сжимаюсь, запоздало сообразив, что откровенничать об этом не стоило бы.

Но взглянув на Райли, я понимаю, что она не слушает. Она стоит около барной стойки, водит пальцами по узорам на черном граните, а мысли ее явно где-то далеко.

— Пожалуйста, не злись, — говорит она вдруг и смотрит на меня такими серьезными, широко раскрытыми глазами, что я словно получаю удар под дых. — Я сегодня встречалась с Авой.

Я сжимаю губы и думаю: «Не хочу ничего слышать! Не надо, не хочу этого слышать!»

Вцепившись в край стола, собираю все силы — лишь бы выдержать то, что будет дальше.

— Я знаю, ты ее не любишь, но она иногда говорит умные вещи. Она заставляет задуматься. Ну, ты понимаешь — о выборе, который мы делаем, и так далее, в общем, чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что она, пожалуй, права.

— В чем это она права? — сдавленно спрашиваю я. Плохой был день, а теперь стал совсем плохим, и ведь он еще далеко не окончен.

Райли не смотрит мне в глаза и все водит пальцами по узорам каменной столешницы.

— Ава говорит, что мне нехорошо здесь быть. Неправильно.

— А ты?

Я судорожно вздыхаю, мечтая о том, чтобы Райли взяла свои слова обратно. Я не могу ее потерять! Только не теперь! И вообще никогда. Кроме нее, у меня никого и ничего не осталось.

Пальцы Райли замирают. Она поднимает голову и смотрит на меня.

— Я ей сказала, что мне здесь нравится. Хотя я никогда не смогу по-настоящему вырасти, зато я могу прожить все через тебя. Опосредованно, понимаешь?

От ее слов, подтверждающих мои мысли, на меня наваливается чувство вины, однако я стараюсь разрядить обстановку.

— Да ну тебя, Райли, нашла, через кого жить!

Райли корчит гримасу.

— Ох, и не говори!

Она смеется, но искры в ее глазах быстро гаснут.

— А что, если она все-таки права? Что, если это на самом деле неправильно — мне быть здесь все время?

— Райли... — начинаю я, и тут звонят в дверь.

Оглядываюсь — а сестра уже исчезла.

— Райли! — кричу я.

Нельзя же на этом заканчивать разговор! Я не могу, не хочу так! Но чем больше я кричу, ору, зову, тем яснее понимаю, что надрываюсь я впустую.

А в дверь все звонят. Я знаю, что там Хейвен. Придется ее впустить.

— Охранник меня узнал...

Она врывается в дом, вся в слезах — тушь для ресниц размазана, недавно ставшие рыжими волосы сбились в колтун.

— Эванджелину нашли. Она умерла.

— Что? Точно?

Я начинаю закрывать дверь, и тут подъезжает Деймен. Он выпрыгивает из машины и бежит к нам.

— Эванджелина... — начинаю я, от потрясения забыв, что решила его ненавидеть.

Он кивает и бросается к Хейвен. Внимательно смотрит на нее.

— Ты как?

Она кивает, утирая лицо.

— Да все нормально. Понимаете, я не то чтобы близко была с ней знакома, мы просто пару раз куда-то ходили вместе, и все-таки... Да еще как подумаешь, что, может быть, я — последняя, кто ее видел.

— Вряд ли ты — последняя, кто ее видел.

Я дико смотрю на Деймена. Это что, он так тупо шутит? Но Деймен предельно серьезен, и взгляд у него отрешенный, как будто он думает о чем-то своем.

— Я просто... чувствую себя ужасно виноватой, — шепчет Хейвен, закрыв лицо руками. Она стонет: — Боже, боже, боже... — Повторяет снова и снова.

Подхожу к ней, хочу как-то утешить, но тут Хейвен поднимает голову, вытирает глаза и говорит:

— Я... я просто подумала, что нужно вам рассказать. А теперь я пойду. Меня ждет Трина.

Для меня ее слова — как масло в огонь. Я обвиняюще смотрю на Деймена. Дружба Хейвен и Трины кажется дурацкой случайностью, но я уверена, что на самом деле все взаимосвязано.

Деймен, не обращая на меня внимания, хватаяет Хейвен за руку и разглядывает рисунок на запястье.

— Откуда это у тебя?

В нем чувствуется напряжение, хотя он прекрасно владеет своими эмоциями.

Хейвен отдергивает руку и прикрывает татуировку ладонью.

— Ничего страшного, — говорит она с досадой. — Трина дала мне мазь, сказала — дня через три все заживет.

Деймен так стискивает зубы, что я отчетливо слышу скрип.

— Она у тебя с собой? Эта... мазь?

Хейвен, покачивая головой, пьтится к двери.

— Нет, осталась дома. А что? Будут еще вопросы? — Ее аура наливается красным. — Мне не нравится, когда меня допрашивают! Я вообще сюда пришла только потому, что думала — вам интересно узнать про Эванджелину. А будете пялиться на мою татушку и говорить всякие глупости, так я лучше пойду!

И она вылетает за дверь.

Я кричу ей вслед, прошу вернуться, но Хейвен меня не слушает. Что такое с моей подругой? Она постоянно злится, и я вдруг понимаю, что мы уже давно отделились друг от друга. С тех пор как появилась Трина, я Хейвен просто не узнаю.

Она садится в машину, хлопает дверцей и уезжает, а я оборачиваюсь к Деймену.

— Ну вот, очаровательно! Эванджелину убили, Хейвен меня ненавидит, а ты бросил меня одну в пещере. Надеюсь, ты поймал хор-рошую волну!

Я сердито вскидываю голову, скрестив руки на груди.

— Волна была отличная, — отвечает он, пристально глядя на меня. — Потом я вернулся в пещеру, увидел, что ты уже ушла, и сразу помчался сюда.

Я прищуриваю глаза, плотнее стиснув губы. Неужели он думает, что я поверю?

— Прости, но я тебя искала. На всем берегу только двое парней занимались серфингом. Оба блондины, так что никто из них не мог быть тобой.

— Эвер, посмотри на меня внимательно. Как по-твоему, почему я в таком виде?

Тут я замечаю, что Деймен мокрый насквозь. С его одежды на пол ручьями льет соленая вода.

— Но я же весь пляж обегала, тебя нигде не было!

Я хорошо помню, что я видела — точнее, чего не видела.

Деймен небрежно пожимает плечами.

— Эвер, я не знаю, что тебе сказать. Я тебя не бросал. И действительно занимался серфингом! Честное слово! Дашь мне полотенце? И пол, наверное, нужно вытереть....

Мы выходим во двор. Деймен стаскивает с себя мокрую одежду, а я сижу в шезлонге и смотрю на него. Я была совершенно уверена, что он меня бросил. Я везде искала! А может, все-таки я как-нибудь его пропустила? Пляж ведь большой... А я ужасно злилась.

— Откуда ты знаешь про Эванджелину? — спрашиваю я, глядя, как он развешивает свои вещи на стойке бара. Я не могу так сразу перестать сердиться. — И что творится с Триной и Хейвен и с этой жуткой татуировкой? Кстати, для протокола — я еще не уверена, что действительно поверила в эту твою историю с серфингом. Все-таки я искала — тебя нигде не было!

Деймен смотрит на меня — густые ресницы прикрывают темные глаза, поджарое мускулистое тело обернуто полотенцем. Он движется легко и уверенно, гибкий, словно дикая кошка.

— Я виноват. — Он садится рядом, берет мои руки в свои, но сразу же снова их выпускает. — Я не знаю... — начинает он. Наши взгляды встречаются — глаза у Деймена такие печальные. — Может быть, не стоило...

— Ты что... хочешь, чтобы мы расстались? — шепчу я.

Из меня словно выпустили весь воздух, как из злосчастного воздушного шарика. Все мои подозрения подтверждаются: Трина, пляж... Все!

— Нет, я просто... — Он отворачивается, и фраза повисает в воздухе.

И я тоже остаюсь в подвешенном состоянии.

Когда становится ясно, что продолжать он не собирается, я не выдерживаю.

— Знаешь, что? Может быть, ты все-таки перестанешь говорить загадками, закончишь хоть одну фразу и

объяснишь мне, что, черт возьми, происходит? А то я знаю только, что Эванджелину убили, у Хейвен на руке гнойная язва образовалась, ты бросил меня на пляже потому что я не захотела пойти до конца, а теперь и совсем решил со мной расстаться.

Я со злостью смотрю на него, а про себя все-таки надеюсь, что все еще может объясниться и что все эти события на самом деле никак не связаны между собой. Хоть интуиция и подсказывает мне, что все не так.

Деймен долго молчит, уставившись на воду в бассейне, а потом поворачивается ко мне.

— Никакой связи между всем этим нет.

Вот только я не знаю, верить ли ему. Слишком уж долго он раздумывал.

Деймен продолжает, сделав глубокий вдох.

— Тело Эванджелины нашли в каньоне Малибу. Я как раз ехал сюда и услышал сообщение по радио. — Голос Деймена мало-помалу крепнет, набирает уверенность. — Да, у Хейвен явно воспаление — должно быть, попала инфекция, это бывает.

Он отворачивается, а я задерживаю дыхание. Сейчас он скажет обо мне... Деймен вдруг переворачивает мою руку ладонью вверх и говорит, обводя пальцем линии на моей ладони:

— Трина умеет очаровывать, а Хейвен одинока. Скорее всего, ей просто приятно чье-то внимание. Я думал, ты будешь рада, что она переключилась с меня на Трину. — Он сжимает мне пальцы и улыбается. — Теперь никто не будет нам мешать!

— А ты уверен, что и ничто не будет нам мешать? — спрашиваю я еле слышным шепотом.

Я понимаю, что меня должны больше тревожить смерть Эванджелины и воспаленная рука Хейвен, но не могу ни на чем сосредоточиться, все мое внимание занимают резкие черты его лица, его гладкая загорелая кожа, темные прищуренные глаза, стук моего сердца, шум крови в ушах и то, как припухли в предвкушении мои губы.

— Эвер, я тебя не бросал. И я никогда не стал бы требовать от тебя того, к чему ты еще не готова. Поверь мне! — Улыбаясь, он берет в ладони мое лицо, и его полуоткрытые губы касаются моих. — Я умею ждать.

Глава 22

Хейвен упорно не берет трубку, зато мы дозвонились до Майлза и попросили его зайти ко мне после репетиции. Он появляется вместе с Эриком, и мы вчетвером проводим развеселый вечер: едим разные вкусности, плещемся в бассейне и смотрим плохие ужастики, С друзьями так хорошо и спокойно, что мне почти удается забыть о Райли, Хейвен, Эванджелине, Трине, о пляже и обо всех сегодняшних драмах.

Почти удается не замечать, какое отрешенное становится у Деймена лицо, когда он думает, что на него никто не смотрит.

Почти удается задвинуть поглубже неотвязную тревогу.

Почти — но не совсем.

И хотя я четко сказала, что Сабины сегодня не будет, и что Деймен может остаться, он дождался, пока я засну, и тихонько ушел.

На следующее утро он появляется в моей комнате с чашкой кофе, булочками и улыбкой, и я невольно чувствую облегчение.

Мы снова пробуем звонить Хейвен, оставляем для нее сообщение, но не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять: она не желает с нами разговаривать. В конце концов я звоню ей домой. Трубку берет ее младший братишка, Остин, и я чувствую, что он не врет, когда говорит, что сам ее сегодня не видел.

Повалявшись целый день у бассейна, я собираюсь заказать пиццу, но Деймен выхватывает телефон у меня из рук.

— Давай, я приготовлю обед!

— Ты умеешь готовить?

Собственно, а чему я удивляюсь? Не нашлось еще ничего такого, что он бы не умел.

— Об этом тебе судить, — улыбается он.

— Помощь нужна? — спрашиваю я, хотя мои кулинарные умения ограничиваются тем, что могу вскипятить воду и залить молоком кукурузные хлопья.

Деймен отказывается и направляется к плите, а я поднимаюсь наверх принять душ и переодеться. Деймен приглашает меня к столу. Я с изумлением вижу парадный фарфоровый сервиз Сабины, льняные салфетки, свечи

и большую хрустальную вазу, а в ней — надо же, какой сюрприз, кто бы мог подумать — огромную охапку красных тюльпанов.

— Мадемуазель...

Деймен с улыбкой придвигает мне стул. Его французский акцент совершенно неотразим.

— Неужели это все ты сотворил?

Я разглядываю горы еды — можно подумать, что мы ждем гостей.

— Все тебе! — улыбается он, отвечая на вопрос, который я не произнесла вслух.

— Мне одной? А ты не будешь?

Деймен накладывает мне на тарелку отлично приготовленные овощи, жареное на гриле мясо и густой соус такого сложного вкуса, что я даже представить не могу, из чего он сделан.

— Конечно, буду. Но я старался в основном для тебя. Девушкам, знаешь ли, вредно питаться одной только пищей.

— Не будь в этом так уверен, — смеюсь я, отрезая сочный кусок мяса.

За едой я начинаю задавать вопросы, пользуясь тем, что Деймен все равно почти ничего не ест. Я расспрашиваю его обо всем, что мне до смерти хотелось узнать, но почему-то, взглянув в его глаза, каждый раз об этом забывала. О его семье, о его детстве, о многочисленных переездах, о том, почему он живет один. Отчасти мне просто любопытно, а главное — странно как-то быть вместе с человеком, о котором почти ничего не знаешь. Чем больше мы разговариваем, тем больше я поражаюсь, как много у нас общего. Во-первых, мы оба сироты, хотя Деймен уже давно потерял родителей. Он не хочет вдаваться в подробности, а я тоже не рвусь рассказывать о себе, так что и его особо не расспрашиваю.

— А где тебе больше всего понравилось жить? — спрашиваю я, подобрав с тарелки последний кусочек и начиная ощущать себя сытой и довольной.

— Здесь! — улыбается Деймен.

Он почти ничего не ел, только гонял еду по тарелке.

Я смотрю на него с сомнением. Конечно, Калифорния — прекрасное место, но разве она сравнится с удивительными европейскими городами?

— Серьезно. Здесь я счастлив. — Деймен кивает, глядя мне в глаза.

— Значит, ты не был счастлив в Риме, Париже, в Нью-Дели и в Нью-Йорке?

Он пожимает плечами, отводит погрузневший взгляд и прихлебывает свой странный красный напиток.

— Что это? — спрашиваю я, показывая на бутылку.

— Это? — Он протягивает ее мне, рассмотреть поближе, и усмехается. — Секретный семейный рецепт.

Он взбалтывает содержимое. Напиток плещется в бутылке, искрясь на свету. Выглядит так, словно кто-то смешал молнию, вино и кровь, и еще добавил щепотку алмазной пыли.

— Можно попробовать?

Я не совсем уверена, что мне хочется пробовать, но все-таки любопытно. Деймен качает головой.

— Тебе не понравится. Вкус лекарственный. Наверное, потому что это и есть лекарство.

У меня все сжимается внутри. Тут же начинаю воображать целый букет неизлечимых болезней, жутких недугов... Я так и знала, что он слишком хорош для этого мира!

Деймен качает головой и смеется, сжимая мою руку.

— Не беспокойся! Просто мне иногда не хватает энергии. Эта штука помогает.

— Где ты ее берешь?

Я ищу этикетку, какой-нибудь ярлычок, но бутылка совершенно чистая и гладкая. Деймен улыбается.

— Я же говорю — старинный семейный рецепт.

Он одним глотком допивает ярко-красную жидкость и отодвигает от себя все еще полную тарелку.

— Пойдем, искупаемся?

Я спрашиваю:

— А разве не положено после еды час подождать, прежде чем купаться?

Деймен с улыбкой берет меня за руку:

— Не бойся, я не дам тебе утонуть.

* * *

Поскольку мы и так почти весь день просидели у бассейна, то теперь забираемся в джакузи. Когда пальцы на руках и на ногах становятся сморщенными, как черносливины, мы заворачиваемся в пушистые полотенца и поднимаемся ко мне.

Деймен идет за мной в ванную. Я бросаю влажное полотенце на пол, а Деймен подходит сзади, обнимает меня и прижимает к себе так крепко, что мы оказываемся словно спаяны друг с другом. Его губы касаются моей шеи, и тут я понимаю, что нужно изложить несколько основных правил, пока я еще способна хоть что-то соображать.

— Ты, конечно, можешь остаться... — бормочу я, отстраняясь. От смущения горят щеки, а Деймен смотрит на меня с усмешкой. — То есть... Я хочу, чтобы ты остался! Просто, наверное, нам лучше не... ну, ты понимаешь...

Боже, что я плету? Как будто он так-таки и не понимает, о чем речь! Как будто не его я отпихнула тогда в пещере, да и не только там. Да что же это?! Любая другая девчонка душу бы продала за такой случай: долгий уик-энд, без родителей, безо всякого присмотра — а я тут ни с того ни с сего развела какие-то идиотские правила...

Деймен приподнимает мою голову за подбородок, смотрит мне в глаза.

— Эвер, мы все уже обсудили, — шепчет он, заправляя мне прядь волос за ухо и касаясь губами моей шеи. — Я действительно умею ждать. Я так долго ждал, пока нашел тебя... Могу подождать еще немного.

* * *

Горячее тело Деймена уютно прижимается к моему, его дыхание возле самого моего уха действует успокаивающе, и я почти мгновенно засыпаю. А думала, что стану волноваться из-за того, что он рядом, и ни за что не засну. Все наоборот — рядом с ним так спокойно, надежно.

Просыпаюсь я без четверти четыре. Такая рань, а Деймена нет. Отшвырнув одеяло, бросаюсь к окну. Опять все как тогда, на пляже! Лихорадочно оглядываю пространство перед домом и, к своему удивлению, вижу, что машина все еще здесь.

— Ищешь меня? — раздается за спиной его голос.

Оборачиваюсь — стоит в дверях. У меня сердце колотится, щеки заливают краска.

— Ох, а я тут... повернулась на другой бок, смотрю — тебя нет... И я...

Стискаю губы, чувствуя себя маленькой, жалкой, смешной.

— Я спускался в кухню, выпить воды.

Деймен улыбается, берет меня за руку и ведет обратно в спальню.

Но когда я, лежа рядом с ним, тихонько подвигаю руку к нему поближе, простыни кажутся на ощупь такими холодными, покинутыми... Похоже, его не было очень долго.

* * *

Во второй раз я опять просыпаюсь одна. Деймен гремит посудой на кухне. Я накидываю халат и отправляюсь на разведку.

— Давно встал? — спрашиваю я, разглядывая безупречно чистую кухню.

Вчерашняя грязная посуда исчезла, а вместо нее на столе выстроились булочки, пончики и разнообразные хлопья, которые взялись явно не из моего буфета.

Деймен пожимает плечами.

— Я привык рано вставать. Решил слегка здесь прибраться, потом сбегал в магазин. Возможно, я немного увлекся, но я ведь не знал, что ты захочешь на завтрак.

Он улыбается, обходит вокруг стола и целует меня в щеку.

Я отпиваю свежесжатый апельсиновый сок из стакана, который Деймен передо мной поставил.

— А тебе? Или ты все еще держишь пост?

— Пост? — Он выгибает бровь, удивленно глядя на меня.

— Ну, правда! Ты практически ничего не ешь, я такое в первый раз в жизни вижу. Только глотаешь свое... лекарство, да размазываешь еду по тарелке. Рядом с тобой я себя чувствую обжорой.

— Так лучше?

Он берет с тарелки пончик и откусывает сразу половину, хрустя жесткой от глазури корочкой.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь к окну. Никак не могу привыкнуть к здешней погоде — все дни, как один, теплые и солнечные, несмотря на то что официально приближается зима.

— Чем сегодня займемся? — спрашиваю я, снова повернувшись к Деймену.

Он смотрит на часы.

— Мне скоро надо уходить.

— Но ведь Сабина вернется только вечером! — Голос у меня стал такой тоненький, жалобный, самой противно. И живот сводит, когда Деймен звенит связкой ключей.

— Мне нужно съездить домой, привести кое-что в порядок. Особенно если хочешь увидеть меня завтра в

школе.

Он легонько проводит губами по моей щеке, по уху, по затылку.

— Ах, в школе! Разве мы еще туда собираемся? — смеюсь я, успешно отогнав мысли о своих недавних прогулах и о том, что кары еще воспоследуют.

Деймен пожимает плечами.

— Ты ведь считаешь, что учиться в школе необходимо. Как по мне, пускай каждый день была бы суббота.

— Тогда суббота перестала бы быть особенной! Все дни были бы одинаковыми. — Я отщипываю кусочек пончика. — Бесконечная вереница долгих ленивых дней, не к чему стремиться, не для чего стараться — наслаждайся и все тут. Надоест, пожалуй!

— Не будь так уверена, — улыбается он.

— Так что же такое таинственное ты должен привести в порядок? — спрашиваю я, надеясь хоть краешком глаза заглянуть в его жизнь.

Мне хочется узнать о повседневных мелочах, которыми Деймен занят, когда он не со мной.

— Да так, всякое разное. — Он пожимает плечами, улыбается, но, похоже, действительно намерен уйти.

— А может, я...

Деймен качает головой, не дав мне закончить фразу.

— Даже не думай! Я не собираюсь взваливать на тебя стирку.

Он переступает с ноги на ногу, как бегун, разминающийся перед стартом.

— Ну, мне так хочется посмотреть, где ты живешь! Никогда не видела, как живут самостоятельные люди, мне любопытно!

Я стараюсь говорить как будто в шутку, а голос все равно звучит жалобно и отчаянно.

Деймен качает головой и смотрит на дверь, как на желанную возлюбленную.

Ясно уже, что пора поднимать белый флаг, и все-таки я не могу удержаться от последней попытки,

— Ну почему?

Смотрю на Деймена и жду — пусть объяснит причину!

Его лицо становится жестким.

— Потому что там небрано. Кошмарная, отвратительная помойка. Не хочу, чтобы ты это видела и стала хуже обо мне думать. А при тебе уборки не получится — ты будешь меня отвлекать.

Он улыбается, но губы у него плотно сжаты, в глазах — нетерпение. Очевидно, что все это — пустые слова, лишь бы заполнить промежуток, пока не удастся наконец уйти.

— Я тебе вечером позвоню.

Деймен поворачивается ко мне спиной, направляется к двери.

— А если я поеду за тобой? Что ты будешь делать?

Он оглядывается, и мой нервный смех обрывается.

— Не надо за мной следить, Эвер.

В его тоне явственно слышится слово «никогда».

* * *

Деймен уходит, а я сажусь за телефон и пробую позвонить Хейвен. У нее включен автоответчик. Я уже несколько раз оставляла ей сообщения — хватит, больше не буду. Пускай она теперь сама мне звонит!

Я поднимаюсь к себе, принимаю душ и усаживаюсь за стол. Надо, наконец, сделать домашнее задание! Впрочем, особо продвинуться мне не удастся. Мысли вновь возвращаются к Деймену и его загадочным особенностям, которые я больше не могу игнорировать.

Например: почему он всегда знает, что я хотела сказать, а вот я его прочесть не в состоянии? И как он всего за семнадцать лет жизни успел побывать в самых разных экзотических городах мира, изучил и освоил живопись, футбол, серфинг, кулинарию, литературу, всемирную историю, достиг совершенства во всех областях, какие только могу припомнить? И как ему удается двигаться с такой скоростью, что глазом уследить невозможно, картинка размывается? А еще фокусы с розами, тюльпанами и летающими авторучками! Не говоря уже о том, что он говорит то как нормальный современный парень, то как Хитклиф, или Дарси, или еще какой-нибудь персонаж из книг сестер Бронте. Вспомнить еще тот случай, когда он вел себя так, словно видит Райли... А еще у него нет ауры, и у Трины нет ауры, и я точно знаю, что он скрывает, как они познакомились. И еще — он не хочет, чтобы я знала, где он живет!

После того как мы спали вместе?

Ну ладно, допустим, мы действительно просто спали, и все-таки, по-моему, я имею право узнать ответы пусть

и не на все, так хоть на некоторые вопросы! Мне, конечно, не хватит смелости забраться ночью в школьную канцелярию и найти там его личное дело, зато я, кажется, знаю человека, которому эта задача по плечу.

Только вот я совсем не уверена, что следует втягивать Райли. Не говоря уже о том, что я даже не знаю, как ее вызвать. Раньше ни разу не возникало необходимости. Позвать вслух по имени? Свечку зажечь? Закрыть глаза и загадать желание?

Зажигать свечку — уж как-то чересчур, поэтому просто встаю посреди комнаты, изо всех сил зажмурил глаза, и произношу:

— Райли? Райли, ты меня слышишь? Мне очень нужно с тобой поговорить! Вернее, попросить о помощи. Но если ты не захочешь, я пойму, ты не думай, и обижаться не буду — я же знаю, что просьба довольно странная. Глупо себя чувствую сейчас — торчу посреди комнаты и разговариваю сама с собой... В общем, если ты меня слышишь, может, подашь какой-нибудь знак?

Стереопроигрыватель вдруг взрывается песней Келли Кларксон, которую вечно напевала Райли. Я открываю глаза — сестренка стоит напротив меня и истерически хохочет.

— Боже, у тебя был такой вид, будто еще чуть-чуть — и ты задернешь занавески, зажжешь свечу и достанешь из-под кровати доску с буквами для общения с духами!

— Тьфу ты... Чувствую себя последней дурой, — говорю я, краснея.

— Точно, ты и выглядела дурой, — заливается Райли. — Ладно, давай к делу. Значит, ты хочешь сбить с пути свою сестричку, заставить ее шпионить за твоим бойфрендом?

— Откуда ты знаешь? — изумляюсь я.

— Я тебя умоляю! — Райли закатывает глаза и плюхается на кровать. — Думаешь, ты одна здесь умеешь читать мысли?

— А об этом ты откуда знаешь? — спрашиваю я, а про себя думаю: о чем же еще она знает, интересно?

— Мне Ава сказала. Только, пожалуйста, не злись! Просто это объясняет некоторые твои причуды по части одежды.

— А что скажешь про свои причуды по части одежды? — Я обвожу рукой ее новый костюм по мотивам «Звездных войн».

Она только плечами пожимает.

— Ну, так хочешь ты узнать, где обретается твой красавец, или нет?

Я сажусь рядом с ней на постель.

— Честно? Я сама не уверена. То есть, да, я хочу знать, только вот сомневаюсь — правильно ли будет втягивать тебя в эту историю.

— А если я уже и так это выяснила? Что, если я уже знаю?

Я распахиваю глаза.

— Когда ты успела? И как?

— Да ну тебя, в самом деле! Можно подумать, мне нужен транспорт, чтобы попасть туда, куда захочу. И потом, я же знаю, что ты влюбилась по уши. И я тебя понимаю — не парень, а мечта. А помнишь тот день, когда он как будто меня увидел?

Я киваю. Разве я могла забыть?

— Так вот, я тогда здорово испугалась. Ну, и решила провести небольшое расследование.

Я подаюсь вперед.

— И?

— И, понимаешь, не знаю даже, как сказать... Ты не обижайся, но... он немного странный. Живет в таком громадном доме на Ньюпорт-Кост, это уже довольно странно — в его возрасте и все такое... Откуда у него деньги-то? Он ведь, вроде, не работает.

Я вспоминаю день, проведенный на ипподроме, но решаю об этом не упоминать.

— И это еще не самое странное, — продолжает Райли. — Удивительнее всего, что дом совершенно пустой. То есть, ни мебели нет, вообще ничего.

— Ну, он ведь парень, — говорю я.

Сама не знаю, почему мне хочется его защищать. Райли качает головой.

— Да, но все равно странно. Во всем доме только одна полочка с плеером и телевизор с плоским экраном. Все. Seriously! Можешь мне поверить, я весь дом обшарила. Кроме только одной запертой комнаты.

— С каких пор запертые двери тебя останавливают?

За этот год я много раз видела, как она проходит сквозь стены.

— Меня не дверь остановила. Я сама себя остановила. Понимаешь, если я мертвая, так это не значит, что мне не бывает страшно.

Она качает головой и хмурится.

— Так ведь он совсем недавно здесь живет. — Опять я ищу для него оправдания, как последняя эмоционально зависимая дуручка! — Может, не успел еще дом обставить. Наверное, потому и не хочет, чтобы я приходила.

Мысленно прокручиваю собственные слова еще раз и думаю: тяжелый случай, все еще хуже, чем я себе представляла!

Райли качает головой и смотрит на меня с таким видом, словно хочет открыть мне правду о зубной фее, пасхальном кролике и Санта-Клаусе. В итоге она только пожимает плечами и говорит:

— Может, тебе самой посмотреть?

— Зачем?

Я чувствую, что за этим что-то есть. Но Райли, вскочив с кровати, подходит к зеркалу и принимается разглядывать свое отражение.

— Райли? — окликаю я.

Не пойму, почему она сегодня такая загадочная.

В конце концов Райли оборачивается ко мне.

— Слушай, может, я и не права. Откуда мне знать, еще маленькая. Наверное, все это ничего не значит, но...

— Что «но»?

Райли глубоко вздыхает.

— Тебе лучше самой посмотреть.

— Как туда ехать? — спрашиваю я, а сама уже встаю и протягиваю руку за ключами.

Райли качает головой.

— Никак. Забудь, Я уверена, что он меня видит.

— Ну, меня-то он точно видит, — напоминаю я.

Райли упрямо стоит на своем.

— Не поеду ни за что! Я тебе нарисую схему, как доехать.

* * *

Рисует Райли из рук вон плохо. В конце концов она просто составляет для меня список улиц, указывая, где повернуть направо, где налево, потому что север, юг и так далее я вечно путаю.

Я хватаю сумку и направляюсь к двери.

— Ты точно не едешь?

Райли, кивнув, идет за мной к лестнице.

— Слушай, Эвер...

Я оборачиваюсь.

— Ты могла бы мне рассказать насчет ясновидения. Мне теперь совестно, что я смеялась над твоей одеждой.

Я пожимаю плечами, отпирая входную дверь.

— А ты-то действительно читаешь мои мысли?

Райли с усмешкой мотает головой.

— Только когда ты сама мне их показываешь. Я просто догадалась, что рано или поздно ты попросишь меня шпионить за ним. — Она смеется. — Знаешь, Эвер...

Я снова оборачиваюсь.

— Если меня какое-то время не будет, ты не думай, что я злюсь, или хочу тебя наказать, или что-нибудь такое... Обещаю, я буду тебя навещать, проверять, все ли у тебя в порядке и так далее, только, ну, может быть, не очень часто. Я буду немножко занята.

Я застываю. В глубине души зарождается тихая паника.

— Но ты вернешься?

Райли кивает.

— Просто... Я вернусь, честное слово, только не знаю, когда.

Она улыбается, но улыбка у нее вынужденная.

— Ты меня не бросишь? — Я задерживаю дыхание.

Райли отрицательно качает головой, и я перевожу дух.

— Ну ладно, удачи тогда!

Как мне хочется обнять ее, уговорить остаться, но я знаю, что это невозможно. Я сажусь в машину и завожу

мотор.

Глава 23

Деймен живет в охраняемом поселке. Райли в своем рассказе эту деталь как-то упустила. Наверное, потому, что ее саму не остановят большие чугунные ворота и охранники в форме. Впрочем, они и меня не остановят. Я улыбаюсь охраннице и говорю: «Добрый день, я Меган Фостер, приехала к Джоди Говард» — а потом смотрю, как она пролистывает список посетителей в компьютере. Я-то знаю, что имя, которое я назвала, значится в списке под номером три.

Получаю у охранницы желтый бумажный прямоугольничек с надписью «Гость» и датой.

— Прикрепите пропуск к лобовому стеклу со стороны водителя. Машину ставьте только на правой стороне улицы, на левой парковки нет.

Охранница возвращается в свою будочку, а я въезжаю в открытые ворота и очень надеюсь, что никто не заметит, как я сверну совсем не на ту улицу, где живет Джоди.

Я успеваю доехать почти до самой верхушки холма, пока наконец замечаю очередную улицу из списка. Поворот налево, сразу за ним еще поворот — и я останавливаюсь на углу квартала, глушу мотор и понимаю, что вся моя храбрость куда-то улетучилась.

Нет, все-таки я ненормальная! Ну скажите, разве человек в здравом уме станет использовать покойную младшую сестру для того, чтобы шпионить за собственным бойфрендом? С другой стороны, а что в моей жизни нормального?

Я сижу в машине и стараюсь выровнять дыхание, несмотря на то что сердце колотится как сумасшедшее и ладони сделались липкими от пота. Осматриваю чистенькую, благополучную улочку и понимаю, что не могла выбрать худшего времени для своей затеи.

Во-первых, сегодня тепло и солнечно, а значит, местные жители проводят время на воздухе — катаются на велосипедах, выгуливают собак или копаются в саду. То есть я должна пройти к его дому у всех на глазах. К тому же я всю дорогу думала только о том, как сюда добраться, а о том, что буду делать, когда приеду на место, не позаботилась. У меня нет никакого плана.

Впрочем, не так уж и важно. Что, собственно, такого страшного может случиться? В крайнем случае, наткнусь на Деймена, и он еще раз убедится, что я психопатка. Наверняка он уже так думает — после того как я хныкала и цеплялась за него сегодня утром.

Выхожу из машины и направляюсь в самый конец тупика, к дому с тропическими растениями и ухоженным газоном. Я не крадусь, не озираюсь и вообще не делаю ничего, что могло бы привлечь внимание. Иду не спеша, словно имею на это полное право. Останавливаюсь перед внушительными двустворчатými дверями. Что дальше?

Отступив на шаг, окидываю взглядом окна. Занавеси задернуты, шторы опущены. Прикусив губу, нажимаю нопку звонка, хоть и не представляю, что скажу, если мне откроют. Затаив дыхание, жду.

Проходит несколько минут, а из дома никто не показывается. Звоню еще раз — по-прежнему никакого ответа. Дергаю ручку — заперто. Обхожу вокруг дома, вглядываюсь — не смотрит ли кто, — и проскальзываю в боковую калитку.

Стараюсь держаться поближе к дому. Краем глаза замечаю бассейн, экзотические растения и потрясающий вид на океан. Подхожу к раздвижной стеклянной двери — она, конечно, тоже заперта.

Я уже готова смириться с неудачей и отправиться домой, как вдруг у меня в голове раздается голос: «Окно! Вон там, около раковины!» И правда, окно чуть-чуть приоткрыто: достаточно только просунуть в щель пальцы и поднять раму до отказа.

Опершись руками о подоконник, забираюсь внутрь. Роковая черта перейдена в тот миг, когда ноги касаются пола.

Не надо бы идти дальше. Все-таки нет у меня права здесь находиться. По-хорошему, следовало бы сейчас вылезти — и бегом к машине. Пока еще можно вернуться к себе, в привычный, безопасный дом. Но тихий голосок в голове не умолкает. Раз уж дело зашло так далеко, почему бы не выяснить, что и как?

Я осматриваю просторную пустую кухню, небольшую комнату с голыми стенами, столовую, где нет ни стола, ни стульев, и ванную, в которой имеется только маленький кусочек мыла и одно-единственное черное

полотенце. Райли была права — дом как будто нежилой, прямо жуть берет. Ни личных вещей, ни фотографий, ни книг. Только темный паркет, почти белые стены, пустые полки, холодильник, забитый бутылками со странной ярко-красной жидкостью — и ничего больше.

В следующей комнате стоит телевизор с плоским экраном, о котором говорила Райли, удобное кресло, о котором она не рассказывала, и высится стопка DVD-дисков с фильмами на иностранных языках — я даже названия не могу перевести. Останавливаюсь у лестницы. Пожалуй, нужно уходить, я уже видела достаточно, — и все-таки нечто трудноопределимое гонит меня дальше.

Иду вверх по лестнице, держась рукой за перила и вздрагивая каждый раз, как под ногой скрипят ступеньки — их жалобы кажутся пугающе громкими в пустом доме. Добравшись до площадки, натываюсь на ту самую дверь, которая остановила Райли — только в этот раз дверь не заперта, а наоборот, чуть-чуть приоткрыта.

Я осторожно приближаюсь к двери, призывая на помощь голосок в голове. Мне сейчас до зарезу нужен хороший совет. Но я ничего не слышу, кроме стука собственного сердца. Толкаю дверь ладонью — и замираю на пороге. Передо мной комната, обставленная так пышно и роскошно, словно она попала сюда прямо из Версаля.

Сколько здесь всего, даже трудно сразу рассмотреть! Великолепные гобелены, старинные ковры, тяжелые шелковые портьеры, бархатная кушетка, мраморный стол и груды фолиантов на нем. По стенам, между деревянными панелями и лепными украшениями под потолком, развешаны картины — и на всех изображен Деймен в костюмах разных эпох. На одном полотне он верхом на белом жеребце, с серебряной шпагой на боку и в том самом камзоле, в котором явился к нам на Хэллоуин.

Я подхожу ближе, ищу глазами дыру на плече — ту, о которой он сказал в шутку, что она осталась после артиллерийского залпа. Невероятно — вот она, дырка, прямо на картине. Я провожу по ней пальцем, словно зачарованная. Что это, розыгрыш? Мои пальцы соскальзывают ниже, к медной табличке с надписью:

«Деймен Августо Эспозито, май 1775».

Подхожу к соседней картине и с замирающим сердцем смотрю на портрет неулыбчивого Деймена, укутанного в строгий темный плащ, на синем фоне. На табличке под картиной значится:

«Деймен Августо, портрет работы Пабло Пикассо, 1902».

На следующей вихряется густо нанесенные красочные мазки, и подпись:

«Деймен Эспозито. Винсент Ван Гог».

И так далее, все четыре стены — сплошь изображения Деймена кисти великих мастеров.

Я без сил оседаю на обтянутую бархатом кушетку. Ноги меня не держат, в глазах все расплывается, в голове крутится тысяча безумных предположений. Хватаю со стола первую попавшуюся книгу, раскрываю на титульном листе и читаю:

«Деймену Августо Эспозито». И подпись — Вильям Шекспир.

Я роняю книгу на пол и тянусь за следующей. «Грозовой перевал, Деймену Августо», подпись — Эмили Бронте.

На всех книгах дарственные надписи — «Деймену Августо Эспозито», или «Деймену Августо», или просто «Деймену». И все подписаны авторами, умершими больше ста лет назад.

Я закрываю глаза и стараюсь справиться с дыханием. Сердце несется вскачь, руки дрожат, я повторяю про себя, что все это какая-то шутка, что у Деймена просто пунктик на почве истории, он коллекционирует антиквариат или подделывает картины. А может, это фамильные реликвии — остались от длинной-длинной линии дедушек, прадедушек, пра-пра-дедушек и прочих предков, потому что у них одинаковое имя, и все они необыкновенно похожи друг на друга.

Но стоит мне еще раз осмотреться вокруг, и по спине проходит холодок. От правды не спрячешься: это не просто антиквариат и никакие не предки. Это личные вещи Деймена, дорогие сердцу, которые он собрал за долгие годы.

С трудом встаю на ноги и, шатаясь, выхожу в коридор. Хочется бежать прочь от этой ужасной комнаты, от этого мерзкого, вычурного, перегруженного вещами мавзолея, прочь из этого дома, похожего на склеп! Оказаться от него как можно дальше и никогда, ни за что не приходить сюда больше.

Уже спустившись по лестнице, я вдруг слышу пронзительный крик, а вслед за ним — глухой протяжный стон. Даже не задумавшись, бросаюсь на звук, распахиваю дверь в конце коридора и вижу Деймена — на полу, в разорванной одежде, на лице кровь, а под ним бьется и стонет Хейвен.

— Эвер!

Он вскакивает и оттаскивает меня назад, а я рвусь к подруге, отбиваюсь изо всех сил.

— Что ты с ней сделал?! — кричу я.

Хейвен побледнела, глаза у нее закатились, и я понимаю, что нельзя терять ни минуты.

— Эвер, прекрати, пожалуйста.

Его голос звучит слишком ровно, слишком размеренно.

— Что ты с ней сделал?! — ору я, бью кулаками куда попало, кусаюсь, царапаюсь, но где мне с ним справиться.

Деймен стоит, как скала, и держит меня одной рукой. От моих ударов он даже не морщится.

— Эвер, пожалуйста, позволь, я объясню, — говорит он, уклоняясь от моих пинков.

Я смотрю на свою подругу, залитую кровью, с искаженным от боли лицом, и наконец-то понимаю чудовищную правду: вот почему он не хотел, чтобы я приходила к нему домой!

— Нет! Все совсем не так! Да, я не хотел, чтобы ты все видела, но это совсем не то, что ты думаешь.

Он поднимает меня в воздух. Мои ноги болтаются, как у тряпичной куклы, а Деймен даже не вспотел.

Ну и черт с ним. Я сейчас не думаю о Деймене, не думаю о себе. Ничто не имеет значения, кроме Хейвен... а у нее уже и губы посинели, она почти не дышит!

— Что ты с ней сделал? — Я смотрю на него с ненавистью. — Что ты с ней сделал, урод?!

— Эвер, я прошу, выслушай меня! — умоляет он.

И, несмотря на всю злость, я снова чувствую, как от его рук по коже растекается томительное тепло, и из последних сил стараюсь не обращать на это внимания. Кричу, визжу, пинаю Деймена, метя в наиболее уязвимые места, и каждый раз промахиваюсь, потому что он в сто раз быстрее меня.

— Поверь, ты не можешь ей помочь. Это могу сделать только я.

— Ты ей не помогаешь, ты хочешь убить ее!!!

Он качает головой и устало шепчет:

— Вот уж нет.

Я опять пытаюсь вырваться, но это безнадежное дело. Мне его не одолеть. Тогда я обвисаю в его руках и покорно закрываю глаза.

А в голове мысль: так вот как это бывает. Сейчас меня не станет.

Деймен ослабляет хватку, и я в тот же миг бью ногой изо всей силы. Мой ботинок врежется в цель, руки Деймена разжимаются, и я падаю на пол.

Сразу же бросаюсь к Хейвен. Пальцы скользят в крови — я сжимаю ее запястье, щупаю пульс, не сводя глаз с двух крошечных дырочек в самом центре зловещей татуировки. Я умоляю ее: держись, дыши!

Вытаскиваю мобильник — вызвать скорую, полицию! — но Деймен подходит сзади и выхватывает телефон.

— Я так надеялся, что до этого не дойдет.

Глава 24

Я прихожу в себя: лежу в своей постели, надо мной склоняется Сабина... Ее лицо выражает огромное облегчение, а в голове — путаница тревожных мыслей.

— Эй! — говорит она, улыбаясь. — Веселый, видно, у тебя был уик-энд!

Я щурю глаза, глядя сначала на Сабину, а потом на часы. Осознав, который час, выскакиваю из постели как ошпаренная.

— Ты как себя чувствуешь? — кричит вдогонку Сабина. — Я вечером приехала, ты уже спала. Ты не заболела?

Бегу в душ. Не знаю, как ей ответить. Больной я себя не чувствую, и все же непонятно, как можно было столько дрыхнуть.

— Рассказать мне ничего не хочешь? — спрашивает

Сабина из-за двери.

Я закрываю глаза и мысленно проматываю заново весь уик-энд. Пляж, Эванджелина, Деймен остался на ночь, приготовил мне ужин, потом завтрак...

— Нет, ничего не случилось.

— Тогда поторопись, а то опоздаешь в школу. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

— Да-да, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро и жизнерадостно.

Включаю воду и встаю под горячие струи, сама не зная, правду я сказала или нет.

* * *

Всю дорогу до школы Майлз разглагольствует об Эрике. Подробно, буквально по минутам пересказывает, как они в воскресенье вечером поссорились, обмениваясь смс-ками, и теперь между ними все в прошлом, Эрик ему безразличен, совсем-совсем — явное доказательство, что отнюдь не безразличен.

— Ты слушаешь? — хмурится Майлз.

— Конечно, — отвечаю я, останавливая машину у светофора за квартал до школы.

В голове крутятся воспоминания о моем уик-энде, и всякий раз обрываются на завтраке. Как ни стараюсь, не могу вспомнить, что было дальше.

— А ведь я мог бы и поверить, — усмехается Майлз.

Он отворачивается к окну.

— Если тебе неинтересно, так и скажи. Потому что для меня Эрик уже в прошлом. Кончено и забыто. Я тебе не рассказывал, как он тогда...

На светофоре загорается зеленый. Я спрашиваю:

— Майлз, ты не звонил Хейвен?

Он качает головой.

— Нет, а ты?

— Кажется, нет.

Я нажимаю на газ и никак не могу понять, почему одно имя Хейвен нагоняет на меня такой ужас.

— Кажется?! — Майлз, вытаращив глаза, поворачивается ко мне всем корпусом.

— По крайней мере, с пятницы.

Я въезжаю на стоянку, и сердце гулко стучит в груди: Деймен ждет меня на обычном месте, прислонившись к машине.

— Хоть у кого-то из нашей компании есть шанс на счастливую личную жизнь, — говорит Майлз, кивком указывая на Деймена, который подходит к нам с красным тюльпаном в руке.

— Доброе утро!

Он, улыбаясь, вручает мне цветок и целует в щеку.

Прямляв что-то невнятное в ответ, я бросаюсь к школьным воротам, и тут раздается звонок. Майлз рысью мчится в класс, а Деймен берет меня за руку и ведет на наш общий урок английского.

— Мистер Робинс уже на подходе, — шепчет он, сжимая мои пальцы.

Стейша хмуро смотрит на меня, выставляет ногу и проход и отдергивает ее в самую последнюю секунду.

— Он бросил пить — пытается уговорить жену вернуться. — Губы Деймена прихватывают краешек моего уха.

Я уворачиваюсь и прибавляю шаг. Усевшись за парту, достаю из рюкзака учебники. Никак не пойму, с чего мне так беспокойно рядом с собственным бойфрендом. Сую руку в карман и тут же впадаю в панику: я забыла дома плеер!

— Он тебе не понадобится. — Деймен берет меня за руку и поглаживает кончиками пальцев. — Теперь у тебя есть я.

Закрываю глаза, зная, что мистер Робинс войдет в класс через три... две... одну...

— Эвер... — шепчет Деймен, прослеживая пальцем жилку у меня на запястье. — Ты нормально себя чувствуешь?

Я киваю, сжав губы.

— Хорошо. — После паузы он продолжает: — Я чудесно провел уик-энд. Надеюсь, что и ты тоже.

Я открываю глаза как раз в тот момент, когда в класс входит мистер Робинс. Глаза у него не такие опухшие, как обычно, и лицо не такое красное, только руки слегка трясутся.

— Весело было вчера, скажи?

Я заглядываю Деймену в глаза. Всему телу тепло и чуть-чуть щекотно всего лишь оттого что Деймен держит меня за руку. И я киваю, зная, что именно такого ответа он ждет, хотя сама я вовсе не уверена, что это правда.

Следующие два часа сливаются в сплошную неясную полосу. Только в столовой я узнаю о подробностях вчерашнего дня.

— Поверить не могу, что вы полезли купаться! — говорит Майлз, помешивая йогурт. — Холодно же!

Деймен пожимает плечами.

— Эвер надела гидрокостюм. Кстати, ты его забыла у меня дома.

Я разворачиваю сэндвич. Совсем ничего не помню! У меня и гидрокостюма-то нет. Или есть?

— А разве это было не в пятницу? — спрашиваю я и вдруг мучительно краснею, вспомнив другие события этого дня.

Деймен качает головой.

— В пятницу серфингом занимался только я, а в воскресенье я тебя обучал.

Я отламываю корочку от сэндвича и очень стараюсь вспомнить, но в голове по-прежнему пустота.

— И как, у нее получалось? — интересуется Майлз, облизывая ложку и глядя то на меня, то на Деймена.

— Погода была не для серфинга — почти полный штиль. Мы в основном валялись на пляже, укрывшись одеялами. Это у нее получалось неплохо! — смеется Деймен.

Интересно, под одеялами я лежала в гидрокостюме или без? И что между нами происходило? А вдруг я решила возместить ему все неприятности пятницы, а потом психика напрочь заблокировала эти воспоминания?

Майлз смотрит на меня, подняв брови. Я пожимаю плечами и надкусываю сэндвич.

— На каком пляже вы были?

Я не помню! Оглядываюсь на Деймена.

— «Хрустальный грот», — отвечает он, прихлебывая свой напиток.

Майлз морщится:

— Пожалуйста, только не превращайтесь в одну из тех парочек, где только парень все время говорит, а девушка помалкивает! Может, он и в ресторане за тебя еду заказывает?

Впросительно гляжу на Деймена, но Майлз не дает ему раскрыть рот.

— Я тебя спрашиваю, Эвер!

Вызываю в памяти наши два похода в ресторан: один — в тот чудесный день в Диснейленде, который так странно завершился, второй — на ипподроме, когда мы выиграли кучу денег.

— Еду я сама заказываю. — И вдруг прибавляю: — Можно твой смартфон на минуточку?

Майлз вынимает из кармана телефон и кладет передо мной на стол.

— А что такое? Ты забыла мобильник?

— Ага. Хочу отправить Хейвен эсмэску, узнать, где она. У меня какое-то странное предчувствие. — Я качаю головой — сама себе объяснить не могу, откуда взялось это чувство. — Что-то я за нее беспокоюсь.

Я начинаю набирать на крошечной клавиатуре номер.

— Она дома, болеет, — говорит Майлз. — Что-то вроде гриппа. Да еще она грустит из-за Эванджелины. Но она клянется, что больше нас не ненавидит.

— Ты, вроде, сказал, что не разговаривал с ней?

Точно, именно так он сказал тогда, в машине.

— Я ей послал эсмэску на истории.

— Значит, у нее все в порядке?

Внутри у меня — сплошной комок нервов, хоть я и не представляю, почему.

— Ее выворачивает наизнанку, плюс она скорбит по подруге, а так — все нормально.

Я возвращаю Майлзу телефон. Видимо, нет смысла зря дергать Хейвен, если ей нездоровится. Деймен кладет руку на мое колено, Майлз начинает очередную тираду об Эрике, я жую сэндвич, добросовестно киваю и улыбаюсь, а тревога все не отступает.

* * *

Подумать только — в единственный день, когда Деймен решил не прогуливать уроки, мне почему-то хочется, чтобы он здесь не появлялся. Как ни выйду из класса — он тут как тут, подпирает стенку у двери и сразу бросается расспрашивать, хорошо ли я себя чувствую. Это начинает действовать на нервы!

Так что после урока рисования, когда мы выходим на автостоянку и Деймен предлагает проводить меня до дома, я говорю ему:

— Гм, если ты не против, я хотела бы побыть одна.

— У тебя все в порядке? — в миллион сто первый раз спрашивает он.

Я киваю и забираюсь в машину, спеша захлопнуть дверцу и хоть как-то отгородиться от него.

— У меня тут кое-какие дела накопились. До завтра, о'кей?

Не дав ему возможности ответить, вывожу машину со стоянки и уезжаю.

* * *

Доехав до дома, я чувствую себя до того усталой, что немедленно бросаюсь в постель. Посплю немного, пока Сабина не вернулась домой и не начала опять за меня беспокоиться.

Просыпаюсь я глухой ночью. Сердце колотится, постель вымокла от пота, и совершенно отчетливое чувство, что я не одна в комнате.

Я вцепляюсь в подушку, словно пух и перья могут послужить мне щитом. Вглядываясь в темноту, шепчу:

— Райли?

Хоть я и уверена, что это не она.

Затаив дыхание, слышу тихий звук, словно тапочки шуршат по ковру — чуть в стороне, возле двери на балкон.

Неожиданно для себя шепотом спрашиваю:

— Деймен?

В темноте ничего не разглядишь, только слышится негромкий шелестящий звук.

Я нащупываю выключатель. Щурюсь от внезапного яркого света. Где же мой загадочный посетитель? Я была твердо уверена, что рядом со мной кто-то есть, и теперь испытываю чуть ли не разочарование, увидев пустую комнату.

Вылезаю из постели, по-прежнему прижимая к себе подушку, и запираю стеклянную дверь. Потом заглядываю в платяной шкаф и под кровать. Так делал мой папа, когда я была, совсем маленькая и просила его проверить, нет ли в комнате бабайки. Ничего не обнаружив, снова забираюсь в постель. Откуда эти страхи? Неужели из-за того сна, который мне приснился?

Нечто похожее мне снилось и раньше. Я бегу по темному, продуваемому ветрами каньону. Тонкое белое платье почти не защищает от холода. Ветер хлещет меня, промораживая до костей. А я почти ничего не замечаю, так сосредоточенно бегу. Босые ноги увязают в размякшей земле, я спешу к какому-то непонятному убежищу, которого пока даже и не видно.

Знаю только одно: я бегу к мягко сияющему свету.

Прочь от Деймена.

Глава 25

На следующее утро я ставлю машину на обычное место возле школы и, пробежав мимо Деймена, бросаюсь к Хейвен, которая ждет меня у ворот. И хоть я обычно всячески стараюсь избегать физического контакта, сейчас я хватаю ее за плечи и крепко прижимаю к себе.

— Ладно, ладно, я тоже тебя люблю! — Хейвен, смеясь, отталкивает меня. — Не вечно же мне на вас злиться, честное слово!

Ее крашенные в рыжий цвет волосы выглядят сухими и ломкими, черный лак на ногтях облупился, круги под глазами кажутся темнее обычного, и лицо явно бледное. Сколько она ни уверяет, что все в порядке, я не могу удержаться и снова обнимаю ее.

— Как ты себя чувствуешь?

Я пробую прочесть ее, но ничего толком не вижу, кроме того что аура у нее серая, мутная и полупрозрачная.

— Да что с тобой? — Хейвен отпихивает меня. — Откуда вдруг такая любовь и нежность? Вот уж от кого-кого, а от тебя не ожидала.

— Говорили, ты заболела, а вчера ты в школу не пришла...

Я умолкаю. Действительно, смешно так вокруг нее суетиться.

Хейвен заливается смехом.

— Все понятно! Это ты виноват, да? — Она тычет пальцем в Деймена. — Явился и разморозил мою ледяную подругу! Теперь она превратилась в сентиментальную пушистую дурочку.

Деймен смеется, но глаза остаются серьезными. Майлз берет Хейвен под руку, и мы все вместе идем к школе.

— Был просто грипп, — говорит Хейвен. — А еще я грустила из-за Эванджелины, вот и раскисла. Был такой сильный жар, я даже несколько раз теряла сознание.

— Seriously? — Я выдергиваю руку из руки Деймена, иду рядом с Хейвен.

— Ага, так странно: легла спать в одной пижаме, а проснулась в другой. А куда старая пижама делась — не знаю.

— Вообще-то, у тебя в комнате никогда ничего найти нельзя! — смеется Майлз. — А может, у тебя были галлюцинации — это случается при высокой температуре.

Хейвен пожимает плечами.

— Может быть. Но у меня все черные шарфы пропали, пришлось у братика позаимствовать. — Она приподнимает конец синего вязаного шарфа.

— Было кому за тобой ухаживать? — спрашивает Деймен.

Он берет меня за руку, сплетает пальцы с моими, и меня опять захлестывает теплая волна.

Хейвен, поморщившись, качает головой.

— Ты шутишь? Я все равно что одна живу, вроде тебя. И дверь была все время заперта. Я могла вообще умереть, никто бы и не узнал.

— А Трина? — спрашиваю я, и у меня в животе что-то сжимается.

Хейвен странно смотрит на меня.

— Трина в Нью-Йорке. Уехала в пятницу вечером. В общем, ребята, надеюсь, что вы не заразитесь, а то глюки, конечно, прикольные, но вам не понравятся. Не в вашем вкусе.

Она останавливается возле своего класса и прислоняется к стене.

— Тебе снилось ущелье? — Я выпускаю руку Деймена и наклоняюсь так близко к Хейвен, что чуть не стукаюсь об нее носом.

Хейвен со смехом отталкивает меня.

— Попрошу уважать мое личное пространство! Нет, не снилось мне никакое ущелье. Только разная готика. Сложно объяснить... Одним словом, много крови и так далее.

Едва она произносит слово «кровь», у меня темнеет в глазах, и я начинаю валиться набок.

— Эвер? — кричит Деймен, подхватывая меня за секунду перед тем как я грохнусь на пол. — Эвер... — шепчет он с тревогой.

Я открываю глаза. Что-то в его напряженном взгляде кажется ужасно знакомым, но воспоминание не успевает сформироваться — его прогоняет голос Хейвен.

— Вот так все и начинается! Ну, то есть в обмороки падать я только потом стала, вначале просто голова кружилась.

— Может, она беременна? — спрашивает Майлз в полный голос, так что проходящие мимо одноклассники оборачиваются.

— Вряд ли, — отвечаю я.

Удивительно — мне сразу стало лучше в теплых, надежных объятиях Деймена.

— Со мной уже все в порядке, правда.

Я с трудом встаю и порываюсь идти дальше.

— Ее бы домой отвести, — говорит Майлз, глядя на Деймена. — Она выглядит ужасно.

— Ага, — кивает Хейвен. — Seriously, тебе надо отдохнуть, отлежаться, а то совсем разболеешься.

Я твержу, что хочу пойти на урок, но никто меня не слушает. Не успеваю я опомниться, как Деймен обнимает меня за талию и ведет к своей машине.

* * *

— Глупость какая! — говорю я, как только машина выезжает со стоянки. — Seriously, я здорова. Не говоря уже о том, что нас из школы выгонят за прогулы.

— Никто никого не выгонит. — Деймен бросает на меня быстрый взгляд и опять сосредотачивается на дороге. — Позволь тебе напомнить, что ты только что упала в обморок. Счастье еще, что я успел тебя подхватить.

— Так ведь успел же! А сейчас я в полном порядке. Seriously! Если ты действительно обо мне беспокоишься, отвел бы лучше к школьной медсестре. Совершенно незачем было меня похищать.

— Я тебя не похищаю, — говорит он с досадой. — Просто хочу убедиться, что с тобой все хорошо.

— Ах, так ты еще и доктор?

Я встряхиваю головой и закатываю глаза.

Деймен ведет машину по прибрежному шоссе, не задерживаясь, проезжает поворот на улицу, которая ведет к моему дому, и, в конце концов, останавливается перед роскошного вида воротами.

— Куда это ты меня привез? — спрашиваю я, глядя, как он кивает охраннице, а та с улыбкой показывает нам: проезжайте, мол.

— Ко мне, — бурчит он себе под нос.

Поднявшись на крутой холм и проделав несколько поворотов, машина останавливается в тупичке возле большого пустого гаража.

Деймен берет меня за руку и ведет через прекрасно оборудованную кухню в небольшую комнату. Я останавливаюсь, уперев руки в бока, и осматриваю симпатичную обстановку. Да уж, на типичное жилище старшекласника не похоже!

— Это все твое?

Провожу рукой по спинке диванчика, обитого бархатом, любуюсь изящными светильниками, персидскими коврами, абстрактными картинами на стенах и кофейным столиком темного дерева, на котором лежат книги по искусству, стоят свечи и моя фотография в рамке.

— Когда ты меня сфотографировал?

Я беру снимок в руки и внимательно рассматриваю. Напрочь не помню такого момента...

— Можно подумать, что ты никогда раньше здесь не была, — говорит Деймен, жестом предлагая мне сесть.

— Я и не была.

— Была, — настаивает он. — В прошлое воскресенье, после пляжа. Твой гидрокостюм сушится на втором этаже. Ну, садись! — Он хлопывает по сиденью дивана. — Тебе нужно отдохнуть.

Я откидываюсь на мягкие подушки, все еще держа в руках фотографию. Когда все-таки это было снято? На снимке у меня длинные волосы распущены, лицо чуть-чуть покраснелось, и на мне надет персикового цвета свитер с капюшоном — я и забыла, что у меня такой есть. Я смеюсь, а глаза серьезные и печальные.

— Я тебя сфотографировал как-то в школе, когда ты не смотрела. Я предпочитаю, когда люди не знают, что их снимают — тогда снимки получаются искренними и удается уловить самую сущность человека. — Деймен забирает фотографию и ставит на столик. — А теперь закрой глаза и подремли, пока я приготовлю чай.

Заварив чай, он вкладывает чашку мне в руки, а потом укутывает меня толстым шерстяным покрывалом.

— Спасибо, конечно, только все это не нужно. — Я ставлю чашку на столик и смотрю на часы. Если прямо сейчас поехать, успеем ко второму уроку. — Seriously, я отлично себя чувствую. Давай вернемся в школу!

— Эвер, ты упала в обморок. — Он садится рядом, заглядывает мне в глаза, дотрагивается до моих волос.

— Бывает, — отмахиваюсь я. Суэта вокруг меня ужасно смущает, особенно когда я знаю, что ничего со мной не случилось.

— Только не в мое дежурство, — шепчет он, протягивая руку к шраму у меня на лбу.

— Не надо!

Я уворачиваюсь. Деймен отводит руку.

— В чем дело? — спрашивает он, пристально глядя на меня.

— Заразишься еще.

Я вру, потому что не хочу говорить правду. Этот шрам — мой и только мой. Постоянное напоминание.

Поэтому я и отказалась от пластической операции. Мне предлагали «убрать» шрам. Да только то, что случилось из-за меня, никуда не уберешь. Моя вина, моя вечная боль, — потому я и прячу ее под челкой. Деймен смеется.

— Я никогда не болею!

Я зажмуриваюсь, встряхиваю головой и снова открываю глаза.

— Ах, так ты еще и не болеешь?

Он пожимает плечами и подносит чашку с чаем к моим губам, уговаривая выпить.

Я делаю маленький глоточек, потом отталкиваю чашку.

— Значит, что же? Ты не болеешь, не получаешь нахлобучку за прогулы, учишься на одни пятерки, несмотря на те же самые прогулы, стоит тебе взять в руки кисть — оп-ля, картина Пикассо, лучше чем у самого Пикассо. Ты готовишь как шеф-повар пятизвездочного ресторана, ты подрабатывал моделью в Нью-Йорке еще до того как переехал в Санта-Фе, а до этого успел пожить в Лондоне, в Румынии, в Париже и в Египте, ты нигде не работаешь, живешь один и все же как-то ухитрился роскошно обставить дом — мечту мультимиллионера, ты водишь дорогущую машину, ты...

— В Риме, — говорит он серьезно.

— Что?

— Ты сказала, что я жил в Румынии, а на самом деле — в Риме.

— Неважно! Я просто хочу сказать...

И тут слова застревают у меня в горле.

— Да? — Деймен наклоняется ко мне. — Ты хочешь сказать?..

Я судорожно сглатываю, пряча глаза. Мой разум наконец-то ухватил ту неясную мысль, которая давно уже меня гложет. Мысль, связанную с Дейменом, с его странными, прямо-таки потусторонними особенностями...

Неужели он призрак, вроде Райли? Нет, не может быть, его же все видят!

— Эвер... — Он прижимает ладонь к моей щеке и поворачивает к себе мое лицо. — Эвер, я...

Но закончить фразу он не успевает. Я вскакиваю, сбросив покрывало, и, не глядя на Деймена, прошу:

— Отвези меня домой!

Глава 26

Как только Деймен останавливает машину возле моего дома, я выпрыгиваю из машины и мчусь к двери. Взлетаю по лестнице, перешагивая через две ступеньки, и все время надеюсь и молюсь, что Райли окажется в моей комнате. Мне необходимо ее увидеть, поделиться безумными мыслями, которые не оставляют меня в покое. Никому другому я не могу рассказать об этом — просто-напросто не поймут.

Я заглядываю в кабинет, в ванную, на балкон. Встаю посреди комнаты и громко зову ее по имени. Меня трясет, мне страшно — сама не знаю, почему.

Райли не появляется, и тогда я падаю на постель, скорчившись маленьким жалким комочком, заново переживая потерю.

— Эвер, солнышко, как ты себя чувствуешь?

Сабина бросает сумку на пол и опускается па колени подле кровати. Ее прохладная ладонь касается моей горячей и влажной кожи.

Я закрываю глаза и мотаю головой. Несмотря на недавний обморок, я знаю, что не больна. По крайней мере, не в том смысле, в каком она спрашивает. Все гораздо сложнее, и исцеление найти нелегко.

Я поворачиваюсь на бок, углом подушки вытираю слезы и говорю:

— Иногда делается так тошно, понимаешь? И легче не становится.

У меня перехватывает горло, и слезы льются с новой силой.

Лицо Сабины смягчается. Она говорит:

— Я думаю, горе никуда не уходит. Со временем к нему привыкаешь, начинаешь просто жить с этой пустой.

Она улыбается и рукой утирает мне глаза.

Потом она ложится рядом со мной, и я не отодвигаюсь — только закрываю глаза и позволяю себе почувствовать ее боль, и свою боль, и они смешиваются вместе, ни начала, ни конца. Так мы с ней лежим, плачем и разговариваем. Давно надо было поделиться друг с другом. Если бы только я подпустила ее к себе вместо того чтобы отталкивать.

Наконец Сабина встает — пора готовить ужин. Сунув руку в сумку, она говорит:

— Смотри, что я нашла в багажнике. Ты мне его одолжила сразу после того как переехала сюда, а я и не знала, что он до сих пор у меня.

И она бросает мне свитер с капюшоном персикового цвета.

Тот, о котором я совершенно забыла.

Тот, который не надевала с самой первой недели в новой школе.

Тот, в котором я на фотографии в доме у Деймена, хотя в то время мы с ним еще не были знакомы.

На следующее утро я с ходу проезжаю мимо Деймена и дурацкого пустого места, которое он вечно для меня занимает. Ставлю машину на другом конце света.

— Что за фигня? — изумляется Майлз. — Ты проехала мимо! Смотри, сколько теперь пешком тащиться!

Я с треском захлопываю дверцу и решительно шагаю мимо Деймена, который поджидает меня, прислонившись к машине.

Майлз хватается за меня за руку.

— Эй, ау! Прямо по курсу — роскошный красавец-брюнет, а ты прошла и не заметила... Да что происходит, поссорились вы, что ли?

Я выдергиваю руку.

— Ничего не происходит.

И иду дальше, к зданию школы.

Надо же — когда я в очередной раз оглянулась, Деймен был далеко позади, а когда я захожу в класс, он уже там. Я натягиваю на голову капюшон, включаю плеер и смотрю мимо Деймена, дожидаясь, пока мистер Робинс начнет перекличку.

— Эвер, — шепчет Деймен.

Я сосредоточенно разглядываю лысеющую макушку мистера Робинса и готовлюсь произнести: «Здесь!» — когда он назовет мое имя.

— Эвер, я понимаю, что ты расстроена, но я все объясню...

Я упорно смотрю прямо перед собой, как будто ничего не слышу.

— Эвер, ну пожалуйста! — умоляет Деймен.

Я делаю вид, что его здесь нет. Мистер Робинс приближается к моему имени, и тут Деймен говорит:

— Хорошо. Ты сама напросилась — не жалуйся потом.

И в следующий миг в комнате раздается кошмарный глухой стук: девятнадцать человек одновременно роняют головы на парты.

Все, кроме нас с Дейменом.

Я озираюсь, разинув рот, и не могу понять, что произошло, а когда обвиняюще оборачиваюсь к Деймену, он пожимает плечами.

— Именно этого я и старался избежать.

— Что ты сделал?

Смотрю на обмякшие тела, и постепенно начинаю догадываться.

— Боже, ты убил их! Ты их всех убил! — кричу я, а сердце стучит так сильно, что Деймену, наверное, слышно.

Он качает головой.

— Опомнись, Эвер! За кого ты меня принимаешь? Конечно, я их не убивал. Просто у них... небольшая сиеста. Только и всего.

Я отодвигаюсь как можно дальше, скосив глаза на дверь и прикидывая, как бы удрать.

— Можешь попытаться, но далеко ты не убежишь. Видела, я обогнал тебя по дороге на урок, хотя у тебя была фора?

Он смотрит на меня, закинув ногу на ногу. Лицо спокойное, голос абсолютно ровный.

— Ты читаешь мои мысли? — чуть слышно спрашиваю я.

Вспоминаю некоторые особо постыдные мыслишки, и щеки вспыхивают огнем, а пальцы судорожно сжимают край парты.

— Некоторые. — Он пожимает плечами. — Ну, собственно говоря, почти все.

— И давно?

Мне хочется рискнуть и броситься к выходу, а в то же время какая-то часть меня хочет получить ответы на кое-какие вопросы перед явно неотвратимой кончиной.

— С первого дня, как мы с тобой встретились, — шепчет он, глядя мне в глаза, и опять меня окатывает жаркая волна.

— А когда это было? — спрашиваю я дрожащим голосом, вспомнив фотографию у него на столе.

Сколько времени он следит за мной?

Деймен смеется.

— Я за тобой не слежу. По крайней мере, не так, как ты себе представляешь.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что я тебе никогда не врал.

— А сейчас врешь!

Он отводит глаза.

— Я ни разу не соврал тебе о чем-нибудь важном.

— Да ну? А как насчет того, что ты меня сфотографировал, когда еще даже не поступил в нашу школу? По-твоему, это незначительная подробность, о которой не нужно рассказывать близкому человеку?

Деймен вздыхает. В глазах у него — усталость.

— А нужно рассказывать близкому человеку о том, что ты ясновидящая и общаешься со своей умершей сестрой?

— Ты ничего обо мне не знаешь!

Я вскакиваю, руки у меня вспотели и дрожат, сердце выбивает чечетку в груди, а вокруг лежат на партах

бесчувственные тела. У Стейши рот раскрыт, Крейг храпит так громко, что аж трясется. У мистера Робинса лицо мирное и безмятежное — таким я его еще ни разу не видела.

— Вся школа спит, или только наш класс?

— Не знаю. Наверное, вся школа.

Деймен улыбается, оглядываясь вокруг, явно довольный своей работой.

Не говоря ни слова, я вскакиваю с места и выбегаю за дверь. Вихрем проношусь по коридору, пересекаю школьный двор, мимо канцелярии, где секретарши и администраторы сладко спят за своими столами, вылетаю за ворота и мчусь к своей маленькой красной миате. А там уже ждет Деймен, кончиками пальцев держа на весу мою сумку.

— Я же тебе говорил...

Он пожимает плечами, отдавая мне рюкзак.

Я стою перед ним вся в поту, перепуганная до предела. В мозгу вспыхивают забытые картины: кровь на лице Деймена, бьющаяся на полу Хейвен, странная жуткая комната. Ясно — он что-то сделал с моим сознанием, чтобы я ни о чем не помнила. Конечно, с таким, как он, мне не справиться, и все-таки я не сдамся без борьбы!

— Эвер!

Он протягивает ко мне руку и снова опускает ее.

— Ты думаешь, я все это сделал ради того, чтобы тебя убить?

Его глаза, полные страдания, не отрываются от моего лица.

— А разве нет? — огрызаюсь я. — Хейвен думает, что ей в бреду привиделся особо готишный сон. Я одна знаю правду. Только я знаю, какое ты на самом деле чудовище! Одного не могу понять: почему ты не убил нас обеих, когда была такая возможность? Зачем было трудиться, оставлять меня в живых, блокировать память?

— Я никогда не причиню тебе вреда, — говорит он, сощурив глаза от боли. — Ты все неправильно поняла. Я пытался спасти Хейвен, а не погубить. Ты просто не хочешь меня услышать!

— А почему у нее был такой вид, как будто она при смерти?

Я сжимаю губы, чтобы не дрожали. Смотрю в глаза Деймена, отказываясь принять его тепло.

— Потому что она в самом деле была на пороге смерти, — раздраженно говорит Деймен. — Татуировка убивала ее, вот я и пытался высосать зараженную кровь — так делают при укусе ядовитой змеи.

— Я знаю, что я видела!

Он закрывает глаза, стискивает пальцами переносицу и глубоко вздыхает. Потом смотрит на меня и говорит:

— Я представляю, как это выглядело со стороны. И знаю, что ты мне не веришь. Но я же старался объяснить, а ты не хотела слушать, вот я и сделал все возможное, чтобы привлечь твое внимание. Эвер, ты меня не так поняла!

Его темные глаза смотрят на меня с глубоким чувством, раскрытые ладони говорят об искренности, но я не верю. Ни единому слову не верю. Он этот спектакль отработывал сотни — может быть, тысячи — лет. Великолепный спектакль, и не более того. И хотя у меня самой в голове не укладывается то, что я собираюсь произнести, другого объяснения не придумаешь, пусть оно и совершенно безумное.

— Я одно могу тебе сказать: убирайся обратно в свой гроб, или склеп, или где там ты жил до сих пор, а меня... — Я набираю побольше воздуха. Мы словно в каком-то кошмарном сне. Поскорее бы проснуться... — А меня оставь, пожалуйста, в покое! Сгинь, пропади!

Деймен качает головой, давась от смеха.

— Эвер, я не вампир!

— Да ну? Докажи!

Голос у меня дрожит. Мне бы сейчас четки, дольку чеснока, да осиновый кол — тут бы мы и покончили со всей историей.

Деймен хохочет.

— Не смейся! Вампиров не бывает.

— Я знаю, что я видела, — упрямо повторяю я, снова вызывая в памяти кровь, Хейвен, странную и жуткую комнату, ведь Деймен тоже увидит все в моих мыслях. Вот пусть и попробует объяснить свою дружбу с Марией-Антуанеттой, Пикассо, Ван Гогом, Эмили Бронте и Вильямом Шекспиром, когда между ними — целые столетия.

Он качает головой.

— Ну, если уж на то пошло, мы были добрыми друзьями с Леонардо да Винчи, Боттичелли, Фрэнсисом Бэконом, Альбертом Эйнштейном, а также с Джоном, Полом, Джорджем и Ринго. — Поймав мой

недоумевающий взгляд, он вздыхает. — С Битлами, Эвер! Черт возьми, рядом с тобой я чувствую себя таким старым...

Я стою перед ним, едва дыша, и ничего не могу понять. Деймен протягивает ко мне руку, однако у меня хватает ума отскочить.

— Эвер, я не вампир. Я бессмертный.

— Вампир, бессмертный — один черт!

Я уже вся киплю. Глупость какая — спорить из-за названия.

— О, в данном случае из-за названия стоит поспорить! Тут большая разница. Видишь ли, вампиры — выдуманные существа, они живут только в книжках, фильмах и в воспаленном воображении некоторых людей... вроде тебя. — Он улыбается. — А я — бессмертный. Я брожу по земле уже много сотен лет. Хотя, в отличие от фантазии, которую ты выстроила у себя в голове, мое бессмертие не требует питья крови, человеческих жертвоприношений и прочих неаппетитных ритуалов, какие ты себе напридумывала.

Я прищуриваюсь, вдруг вспомнив гот странный красный напиток. Не связано ли с этим его долголетие? Может, у него какой-нибудь там сок бессмертия, мало ли.

— Сок бессмертия — отлично! — смеется Деймен. — Какой простор для рекламы!

Я не смеюсь в ответ, и лицо Деймена смягчается.

— Эвер, прошу тебя, не надо меня бояться! Я не страшный и не злой и никогда ничего плохого тебе не сделаю. Я просто я очень долго живу на свете. Может быть, слишком долго, кто знает? Но я не плохой человек. Всего лишь бессмертный. И я боюсь...

Он протягивает ко мне руку, а я отступаю назад на подгибающихся ногах. Ничего не хочу больше слышать!

— Ты все врешь! — яростно шепчу я. — Безумие какое-то! Ты сумасшедший!

Он качает головой, глядя на меня с бесконечной печалью. Потом делает шаг ко мне и говорит:

— Помнишь, как ты меня впервые увидела? Вот здесь, на этой самой автостоянке? И как только наши взгляды встретились, тебе показалось, что ты узнала меня? И в другой раз, когда ты упала в обморок — ты открыла глаза и увидела меня, и почти вспомнила, а потом снова потеряла нить?

Я смотрю на него, оцепенев, и прекрасно знаю, что он сейчас скажет, но отказываюсь этому верить.

— Нет! — бормочу я, пятясь назад.

Голова идет кругом, колени подгибаются, и я с трудом удерживаю равновесие.

— Это я нашел тебя тогда, в лесу. Я вернул тебя обратно!

Я качаю головой, слезы застилают взгляд. Нет!!!

— Глаза, которые ты увидела, когда... когда вернулась... Это были мои глаза, Эвер! Я был там, рядом с тобой. Я вернул тебя. Я тебя спас! Ты помнишь, я знаю. Я вижу твои мысли.

— Не-е-ет! — кричу я, зажимая ладонями уши и зажмурив глаза. — Прекрати сейчас же! Замолчи!

— Эвер... — Его голос настойчиво вторгается в мое сознание. — Это правда. У тебя нет причин меня бояться. Пошатнувшись, оседаю на землю, уткнувшись лицом в колени. Меня раздирают отчаянные, сотрясающие все тело рыдания.

— Зачем ты сунулся?! Какое у тебя право вмешиваться? Из-за тебя я теперь живу ненормальным уродом! Из-за тебя застряла здесь, в этом ужасе! Почему ты не оставил меня в покое, почему не дал умереть?!

— Я не мог еще раз тебя потерять, — шепчет он, падая рядом со мной на колени. — Просто не мог! Я не мог потерять тебя снова!

Я поднимаю на него глаза. Понятия не имею, о чем он говорит, и только надеюсь, что он не станет ничего объяснять. Я и так уже услышала больше, чем могу выдержать. Хочу, чтобы все это прекратилось!

Деймен качает головой. На его лице — маска боли.

— Эвер, пожалуйста, не надо так думать, прошу тебя...

— Значит, тебе просто причуда такая пришла — вернуть меня обратно, а моя семья пусть погибает? — Горе уходит, его сменяет ослепляющая злоба. — Зачем, зачем ты это сделал? Если ты говоришь правду, если ты такой всесильный, что умеешь воскрешать мертвых, почему ты их тогда не спас? Почему только меня?!

Он отшатывается от моего ненавидящего взгляда. Закрывает глаза и говорит:

— Я не всемогущ. Было слишком поздно, они уже ушли дальше. А ты... ты медлила уходить. И я подумал — ты хочешь остаться.

Я прислоняюсь к машине и, зажмурившись, хватаю ртом воздух. Значит, действительно я во всем виновата. Я тянула время, бродила по дурацкому лугу, разглядывала дрожащие цветочки и пульсирующие деревья... Они ушли дальше, а я попала на его приманку...

Он бросает на меня быстрый взгляд и сразу отводит глаза.

Что же это такое — раз в жизни я разозлилась настолько, что способна убить человека, так надо же было случиться, что именно этот человек — бессмертный!

— Уйди! — говорю я наконец.

Срываю с запястья браслет-подкову, украшенный кусочками хрусталя, и швыряю Деймену в лицо. Я хочу забыть о нем, забыть обо всем.

— Уходи... Никогда больше не хочу тебя видеть!

— Эвер, прошу тебя, не говори так, если ты на самом деле этого не думаешь!

В его голосе — мольба, печаль и беспомощность.

Прячу лицо в ладони. Я слишком устала, чтобы плакать, слишком потрясена, чтобы говорить. Зная, что он читает мои мысли, я закрываю глаза и думаю: «Ты сказал, что никогда не причинишь мне вреда, а сам что сделал? Ты все испортил, все погубил, ради чего? Чтобы я могла жить в полном одиночестве? Всю оставшуюся жизнь провести ненормальным уродом? Ненавижу, я тебя ненавижу за то, что ты со мной сделал. Ненавижу, потому что ты эгоист! Никогда, никогда не хочу тебя больше видеть!»

Так я и стою возле машины, уткнувшись лицом в ладони и раскачиваясь взад-вперед, а слова текут в моем сознании, бесконечно повторяясь: «Хочу быть нормальной, снова быть нормальной, больше ничего не хочу. Уходи, оставь меня в покое! Потому что я тебя ненавижу... я тебя ненавижу... я тебя ненавижу...»

Когда я наконец поднимаю глаза, вокруг меня море тюльпанов — сотни и тысячи тюльпанов, и все они красные. Мягкие восковые лепестки блестят в лучах утреннего солнца, они покрывают всю стоянку, ими засыпаны машины по самые крыши. Я с трудом выпрямляюсь и отряхиваюсь. Даже не глядя, я знаю: того, кто прислал мне эти тюльпаны, здесь нет.

Глава 27

Так странно сидеть на уроке английского, когда Деймена нет рядом, он не держит меня за руку, не нашептывает мне в ухо, не помогает отключиться от чужих мыслей. Видно, я так привыкла к нему, что забыла, какие мерзости думают обо мне обычно Стейша и Хонор. Сейчас я наблюдаю, как они обмениваются эсэмэсками на тему: «Идиотка психованная, неудивительно, что он сбежал», — и понимаю, что вновь могу положиться только на свой капюшон, темные очки и верный плеер.

Не то чтобы я не могла оценить шутку судьбы. Кто там рыдал на автостоянке, умоляя своего бессмертного бойфренда исчезнуть, чтобы снова стать нормальной? Неужели я?

Теперь, без Деймена, чужие мысли, мешанина звуков и оттенков обрушиваются на меня с новой силой, в ушах непрерывный звон, глаза постоянно слезятся, в голове поселяется мигрень, меня все время тошнит, и кружится голова — словом, я буквально разваливаюсь на части.

Забавно — я так боялась рассказывать Майлзу и Хейвен о своем разрыве с Дейменом, что прошла целая неделя, пока между нами прозвучало его имя. И признала его именно я. Они, наверное, привыкли, что Деймен появляется в школе от случая к случаю, вот и не удивлялись, куда он пропал.

Итак, однажды за ланчем я прокашлялась, посмотрела на Майлза, на Хейвен и сказала:

— Имейте в виду, мы с Дейменом расстались.

У них отвисли челюсти, и оба попытались что-то сказать, но я остановила их.

— Он уехал.

— Уехал?! — повторили они, выпучив четыре глаза и разинув два рта.

И хотя я знала, что они беспокоятся за меня, и что я просто обязана им все объяснить, я покачала головой, сжала губы и ничего объяснять не стала.

А вот с мисс Мачадо было сложнее. Через несколько дней после того как Деймен исчез, она подошла к моему мольберту, стараясь не смотреть на моего злосчастного Ван Гога, и сказала:

— Я знаю, что вы с Дейменом были близки. Понимаю, как тебе сейчас тяжело. Вот, возьми. Ты увидишь — это нечто необыкновенное.

Она придвинула ко мне картину, а я, не глядя, прислонила подарок к мольберту и продолжала рисовать. Я не сомневалась, что картина необыкновенная — все, что делал Деймен, было необыкновенно. Конечно, если бродить по земле несколько сотен лет, успеешь освоить пару-другую профессий.

— Не хочешь взглянуть? — спросила учительница, сбитая с толку моим равнодушием к шедевральной копии с шедевра.

Я заставила себя изобразить улыбку и ответила:

— Нет, не хочу. Но все равно, спасибо.

Наконец прозвенел звонок. Я отволокла историческое полотно к своей машине, затолкала его в багажник и захлопнула крышку, так ни разу и не посмотрев на картину.

Майлз спросил, что это, а я свирепо ткнула ключом и замок зажигания и рявкнула:

— Ничего!

Одного я не ожидала — что мне будет так одиноко. Наверное, я просто не понимала, насколько привыкла полагаться на то, что Деймен и Райли заполняют пустоту и моей жизни. И хотя Райли предупреждала, что появится не скоро, когда прошло три недели, я испугалась.

Потому что попрощаться с Дейменом — роскошным, зловещим, очень может быть, что нечестивым (и, вдобавок, бессмертным) бойфрендом — оказалось труднее, чем я думала, хотя я ни за что на свете в этом не призналась бы. Но не успеть попрощаться с сестрой — невыносимо.

В субботу Майлз и Хейвен приглашают меня присоединиться к ним по случаю ежегодного паломничества на ярмарку «Зимняя сказка», и я соглашаюсь. Раньше я на этом мероприятии не бывала, и друзья с энтузиазмом показывают мне все.

— Это, конечно, не летний «Фестиваль опилок», — говорит Майлз, когда мы с купленными билетами входим в ворота.

— Лучше! — говорит Хейвен, вприпрыжку обгоняя нас.

Майлз усмехается.

— Ну, если не считать погоды, разница не так велика. Главное — и там, и там есть стеклодувы, я их обожаю!

— Кто бы сомневался, — хохочет Хейвен, подхватив его под руку.

У меня голова идет кругом от шума, толкотни и ярких красок. Осталась бы лучше дома — там тихо, безопасно,

Я натягиваю капюшон и уже собираюсь воткнуть в уши наушники, как вдруг Хейвен оборачивается ко мне и говорит:

— Ты что, всерьез будешь так здесь ходить?

И я прячу наушники в карман. Пускай мне хочется отгородиться от всех — нельзя, чтобы друзья думали, что я хочу отгородиться и от них тоже.

— Идем, посмотришь на стеклодува, он просто потрясающий, — зовет Майлз.

Мы идем мимо жутко реалистичного Санта-Клауса, минуем серебряных дел мастеров и останавливаемся перед человеком, который создает удивительной красоты разноцветные вазы с помощью собственного дыхания, огня и длинной металлической трубки.

— Я должен этому научиться! — вздыхает Майлз, не сводя с мастера восторженных глаз.

Я смотрю, как жидкий многоцветный пузырь переливается и меняет форму, а потом направляюсь к следующей палатке, где продают совершенно великолепные сумки.

Я снимаю с полки коричневую сумочку и глажу мягкую, чуть маслянистую на ощупь кожу. Был бы хороший рождественский подарок для Сабины. Она себе такого никогда в жизни не купит, а втайне, может, и хотела бы.

— Сколько она стоит? — спрашиваю я и морщусь, потому что собственный голос отдается у меня в голове дребезжащим эхом.

— Сто пятьдесят.

Женщина в синей блузке, расписанной в технике батика, выцветших джинсах и с серебряным кулоном на шее сильно завышает цену. Но глаза у меня слезятся, в висках пульсирует боль, и торговаться нет сил. Я хочу только одного — оказаться дома.

Кладу сумочку на место и делаю шаг в сторону от прилавка. Продавщица кричит мне вслед:

— Для вас — сто тридцать!

И хотя я понимаю, что она готова сбавить еще, я только киваю и иду дальше.

Тут кто-то у меня за спиной произносит:

— Мы с тобой обе знаем, что она согласится и на девяносто пять. Что ж ты так легко сдаешься?

Обернувшись, я вижу миниатюрную женщину с каштановыми волосами, окруженную сияющей фиолетовой аурой.

— Ава, — кивает она и подает мне руку.

Делаю вид, что не замечаю протянутой руки.

— Я помню.

— Как у тебя дела?

Ава улыбается так приветливо, словно я не нахамил ей только что. Мне становится совестно.

Я пожимаю плечами и оглядываюсь на палатку стеклодува. Не увидев там Майлза и Хейвен, начинаю потихоньку впадать в панику.

— Твои друзья, стоят в очереди в закусочную «Лагуна Тако». Не волнуйся, они тебе тоже возьмут что-нибудь поесть.

— Знаю! — огрызаюсь я, хотя на самом деле ничего я не знала. Голова так болит, что я не в состоянии никого прочесть.

Я хочу отойти, но Ава ловит меня за рукав.

— Эвер, знаешь, мое предложение остается в силе. Я с удовольствием тебе помогу.

Моя первая, инстинктивная реакция — вырваться и убежать от нее подальше, но едва рука Авы ложится на мою руку, голова перестает болеть, звон в ушах стихает, слезы больше не льются из глаз. Тут я натываюсь на ее взгляд и вспоминаю, кто она такая на самом деле: мерзкая женщина, которая украла у меня сестру.

Прищурившись, отдергиваю руку и со злостью говорю:

— А вам не кажется, что вы и так уже достаточно... помогли? Вы отняли у меня Райли! Мало вам?

Я сглатываю комок в горле и очень стараюсь не разреветься.

Ава озабоченно хмурит брови. Ее аура полыхает красивыми лиловыми отблесками.

— Райли нельзя отнять, она не чья-то собственность. И она всегда будет с тобой, даже если ты и не сможешь ее видеть.

Ава вновь протягивает ко мне руку, но я не желаю ничего слушать. И я больше не позволю ей прикасаться ко мне, пусть даже это приносит облегчение.

— Отстаньте от меня! — говоря я, пятаюсь назад. — Оставьте меня в покое и не лезьте в мою жизнь! У нас все было хорошо, пока вы не появились.

Но Ава не уходит. Стоит и смотрит на меня раздражающе ласковым, заботливым взглядом.

— Я знаю, как у тебя болит голова, — шепчет она мягко и успокаивающе. — Совсем необязательно так мучиться, Эвер. Я правда могу помочь.

И хотя мне очень хочется отдохнуть от шума и боли, я поворачиваюсь на каблуках и решительно ухожу. Надеюсь, я никогда больше ее не увижу!

— Кто это был? — спрашивает Хейвен, обмакивая кукурузный чипс в мисочку с острым соусом.

Усаживаюсь рядом с ней и пожимаю плечами.

— Никто.

Я говорю шепотом и морщусь от звука собственного голоса.

— Похожа на гадалку с праздника.

Беру тарелку, которую передает мне Майлз, и пластмассовую вилку.

— Мы не знали, что ты захочешь, так что взяли всего понемножку, — говорит Майлз. — Купила сумочку?

Я качаю головой, а зря — от этого болит еще сильнее.

— Слишком дорого.

Жую, прикрывая рот рукой, потому что хруст отдается в висках острой болью, от которой слезы наворачиваются на глаза.

— А ты купил ту вазу?

Я уже знаю, что не купил, — и не только благодаря парапсихическим способностям, но и потому, что никакой сумки при нем не видно.

— Не-а. Я просто люблю смотреть, как их выдувают. — Он смеется, прихлебывая свой напиток.

— Тихо, ребята! Кажется, у меня телефон звонит...

Хейвен роется в битком набитой сумке, которая исполняет роль кладовки.

— Ну, поскольку у тебя одной за этим столиком вместо звонка поет Мерилин Мэнсон... — Майлз пожимает плечами.

Он выедает из тако начинку, а саму лепешку оставляет на тарелке.

— На диете? — спрашиваю я, глядя, как он ковыряет вилкой еду.

Майлз кивает.

— Если по роли Трейси Тернблад — толстушка, это еще не значит, что я тоже должен растолстеть.

Я делаю глоток спрайта и смотрю на Хейвен. А увидев радостное выражение на ее лице, я знаю.

Она отворачивается от нас, прижимает ладонь к уху и говорит в телефон:

— Боже, а я думала, что ты насовсем пропала! Мы тут пошли гулять с Майлзом... Да, Эвер тоже здесь... Ага, они оба здесь... Ладно... Хорошо... — Прикрыв трубку рукой, Хейвен поворачивается к нам. Ее глаза сияют. — Трина передает вам привет!

Хейвен ждет, что мы тоже скажем «привет». Мы молчим, и она, скорчив гримасу, вскакивает и отходит в сторону. Слышно, как она говорит в трубку:

— Они тоже передают привет.

Майлз качает головой.

— Я, вообще-то, не передавал. А ты?

Я пожимаю плечами, перемешивая бобы с рисом.

— Вот ведь беда, — вздыхает он, глядя в спину Хейвен.

Я чувствую, что он прав, хоть и не совсем понимаю, что он имеет в виду. В такой толпе духовная энергия бурлит и пузырится, словно большой космический суп, невозможно вслушаться в чье-то отдельное сознание.

— Ты о чем? — спрашиваю я, щурясь от яркого солнца.

— А разве не очевидно?

Я пожимаю плечами. В голове пульсирует боль, я ничего уже не воспринимаю.

— Их дружба... жутковатая какая-то. Ну, одно дело, обычные девчачьи страсти, а тут... Ничего не понимаю. Страшно за нее.

— Почему страшно?

Я отщипываю кусочек лепешки и вопросительно смотрю на Майлза.

ОН отодвигает в сторону рис и набрасывается на бобы.

— Я понимаю, звучит ужасно, и поверь, я не хочу тебя пугать, но... Такое впечатление, что Хейвен становится их адепткой.

Я поднимаю брови.

— Последовательницей, ученицей, клоном, уменьшенной копией. — Майлз пожимает плечами. — И смотреть на это довольно-таки...

— Жутковато, — подсказываю я.

— Посмотри — она и одевается в стиле Трины, и контактные линзы купила под цвет ее глаз. Цвет волос, макияж, одежда... Во всем ей подражает — ну, по крайней мере, старается подражать.

— Это все или есть что-то еще? — спрашиваю я.

Знает Майлз что-нибудь конкретное, или у него просто предчувствие?

— Тебе мало? — удивляется он.

Я пожимаю плечами и кладу лепешку на тарелку. Мне больше не хочется есть.

— Строго между нами, вся эта история с татуировкой — какого черта? — Майлз говорит шепотом и оглядывается — как бы не услышала Хейвен. — Что она значит? То есть я слышал, что значит рисунок, а вот какой смысл вкладывают они? Последний писк вампирской моды? Трина ведь на самом деле не увлекается готикой. Даже не знаю, как назвать ее стиль — шелковые дамские платья и сумочки в тон туфель. Что это, культ? Какое-нибудь тайное общество? А про инфекцию даже и не говори. Отвратительно! И не такая уж это мелочь, между прочим, как думает Хейвен. Может, из-за нее она и заболела.

Смотрю на него, сжав губы, и не знаю, что ответить. Насколько можно быть откровенной? Сама не понимаю, почему я оберегаю тайны Деймена. Тайны, которые переводят слово «жутко» на совершенно новый уровень. Если подумать, его секреты меня вообще не касаются.

Я раздумываю слишком долго — Майлз уже продолжает говорить, так что на сегодня сейф с секретами останется запертым.

— Все это просто... нездорово, — морщится Майлз.

— Что нездорово? — спрашивает Хейвен, плюхнувшись на сиденье рядом со мной и бросая мобильник в сумку.

— Руки не мыть после туалета, — отшучивается Майлз.

— Так вот вы о чем беседуете? — Хейвен подозрительно смотрит на нас. — Так я и поверила!

— Ну я же тебе говорю — Эвер не дружит с мылом и водой, а я пытался ее просветить насчет того, что она

подвергает себя серьезной опасности... и всех нас тоже.

Он качает головой, сурово глядя на меня.

Я делаю гримасу, чувствуя, как лицо заливают краской, хоть и ясно, что он все врет. Хейвен копается в сумке, разгребает какие-то приبلудные тюбики с губной помадой, щипцы для завивки, мятные конфеты, давно утратившие обертку, и в конце концов находит небольшую серебряную фляжку. Отвинчивает крышечку и подливает нам в стаканы щедрую порцию прозрачной жидкости без цвета и запаха.

— Все это, конечно, очень мило, но я-то понимаю, что говорили вы обо мне. А знаете что? Я сегодня такая счастливая, что даже не обижаюсь!

Я пытаюсь остановить Хейвен: водку я зареклась пить после того как в летнем лагере Рейчел протащила контрабандой выпивку в нашу палатку, и меня потом всю ночь выворачивало наизнанку. Но, едва коснувшись руки Хейвен, я застываю от ужаса, потому что у меня в мозгу возникает картинка: календарный листок, на котором красным кружком обведена дата: двадцать первое декабря.

— Да успокойся ты уже! Научись хоть немного радоваться жизни! А что ж вы не спрашиваете, почему я такая счастливая?

— Да ты и так расскажешь, — отвечает Майлз, отодвигая от себя тарелку.

Он съел все белковые ингредиенты, а прочее оставил на корм голубям.

— Ты прав, Майлз, ты абсолютно прав! Хотя мне было бы приятно, если бы вы спросили. В общем, звонила Трина. Она все еще в Нью-Йорке, носится по магазинам. Даже для меня накупила всякого разного, можете себе представить? — Хейвен восторженно смотрит на нас. Не дождавшись реакции, морщится и продолжает: — В общем, она просила передать вам привет, а вы даже не ответили. И не думайте, что она об этом не знает! Но скоро она вернется и устроит совершенно шикарный вечер, и меня тоже пригласила, вот! Я просто дождаться не могу!

— Когда это будет? — спрашиваю я, стараясь, чтобы по голосу нельзя было догадаться, как я напугана.

А что, если вечеринка назначена на двадцать первое декабря?

Хейвен, улыбаясь, качает головой.

— Извините, ребята, не скажу. Я обещала не говорить.

— Почему? — спрашиваем мы в один голос.

— Потому что это эксклюзивный вечер, только для приглашенных, и незванным гостям вход воспрещен.

— Вот, значит, кто мы для тебя? Незваные гости?

Хейвен пожимает плечами и отпивает сразу чуть не половину стакана.

— Неправильно это! — говорит Майлз. — Мы твои лучшие друзья, ты обязана все нам рассказывать!

— Нет, не могу, — отвечает Хейвен. — Я слово дала. И вообще, я, кажется, сейчас лопну от волнения!

Хейвен сидит передо мной, вся раскрасневшаяся, такая счастливая, а мне страшно за нее, но голова так болит, и глаза опять слезятся, и ее аура смешивается с аурой других людей, и я ничего не могу прочитать.

Отпиваю из стакана, совсем забыв про водку. Огненная жидкость льется в горло, бежит по жилам, от нее ведет голову.

Хейвен встревожено смотрит на меня.

— Тебе нехорошо? Смотри, поосторожней. Может у тебя еще не совсем прошло?

— Что не совсем прошло? — прищуриваюсь я, отпивая еще и еще. С каждым глотком я впадаю в какое-то оцепенение.

— Да грипп, тот самый, с температурой и бредом! Помнишь, ты в школе потеряла сознание? Я еще тогда сказала: так оно и начинается, с тошноты и головокружения. Только пообещай, что расскажешь, когда начнутся сны, они удивительные!

— Какие сны?

— Разве я не рассказывала?

— Не в подробностях.

Я снова делаю глоток. Странно: в голове туман, а в то же время вроде как прояснилось. Посторонние видения, звуки, чужие мысли отступают, уходят на второй план.

— Сны совершенно безумные! Ты только не злись — один раз мне снился Деймен. Но ты не думай, ничего такого не было! Сон был совсем не эротический. Скорее, Деймен как будто меня спасал. Вроде, он сражался с силами зла за мою жизнь. Чудеса, вообще-то... — Она смеется — Кстати о Деймене — Трина видела его в Нью-Йорке.

Мне вдруг становится холодно, несмотря на алкогольный жар в крови. Но со следующим глотком холод

отступает, а с ним и боль, и тревоги.

Так что делаю еще глоток.

И еще.

Потом я оглядываюсь на Хейвен и спрашиваю:

— А зачем ты мне рассказываешь?

Хейвен пожимает плечами.

— Трина просила.

Глава 28

На обратном пути мы запикиваемся в машину Хейвен, заезжаем к ней домой, чтобы заново наполнить фляжку, и едем в город. Оставив машину на стоянке, набиваем полный счетчик двадцатипятицентовых монет и отправляемся шататься по улицам, обнявшись и горланя песню: «Позвони, как протрезвеешь!», — причем дико фальшивим, а прохожие шарахаются от нас, как от чумы.

Мы проходим мимо книжного магазинчика, где в витрине — реклама книг о парапсихических явлениях, но я только морщусь и отвожу глаза. Какое счастье, что я больше не принадлежу к этому миру! Алкоголь избавил меня от цепей, я свободна!

Переходим улицу, бредем мимо отеля «Лагуна» и в конце концов кучей валимся на песок — не разобрать, где чьи ноги и руки. По очереди передаем друг другу фляжку и впадаем в глубокую печаль, когда выпивка заканчивается.

— Вот свинство! — бормочу я, запрокидывая голову и постукивая по доньшку фляги, чтобы выбить из нее последние капли.

— Да ладно, не напрягайся так, — советует Майлз. — Сиди себе и радуйся солнышку.

А я не хочу сидеть на месте! И я, конечно, радуюсь, но мне хочется, чтобы эта радость продолжалась. Я хочу быть уверена, что парапсихические кандалы не вернуться.

— Пошли ко мне? — предлагаю я, еле ворочая языком.

Надеюсь, что Сабина еще на работе, и мы сможем употребить водку, оставшуюся с Хэллоуина.

Хейвен качает головой.

— У меня нет сил! Я, наверное, брошу машину и домой поползу пешком.

— А ты, Майлз?

Я смотрю на него с мольбой. Не хочу, чтобы праздник окончился! Я впервые чувствую себя такой легкой, такой свободной, такой нормальной... Впервые с тех пор, как Деймен уехал.

— Не могу, — отказывается Майлз. — Семейный обед. Ровно в семь тридцать. Можно без галстука.

Смирительная рубашка обязательна.

Смеясь, он падает на песок. Хейвен спотыкается о него и падает рядом.

— А мне что делать?

Скрестив руки на груди, сердито смотрю на своих друзей. Мне обидно, что я осталась в стороне, а они тут хохочут и возятся на песке, и обо мне совсем не вспоминают.

На следующее утро, хоть я и проспала, первая мысль, как только я открываю глаза: голова не болит!

По крайней мере, не так, как обычно.

Переворачиваюсь на другой бок, свешиваюсь с кровати и вытаскиваю из-под нее припрятанную с вечера бутылку водки. Делаю хороший, основательный глоток, и, зажмурившись, ощущаю, как в горло льется восхитительное тепло, обволакивающее и приглушающее все чувства.

А когда в комнату заглядывает Сабина, узнать, проснулась ли я, я с восторгом вижу, что ее аура исчезла!

— Я проснулась! — говорю я, запикивая бутылку под подушку, и бросаюсь обнимать Сабину. Хочу узнать, произойдет ли обмен энергией. Нет, ничего! О, радость! О, ликование!

— Какой сегодня день чудесный, правда?

Я улыбаюсь непослушными губами.

Сабина смотрит в окно.

— Если ты так считаешь...

За окном серое, пасмурное небо, накрапывает дождь. Но я-то говорила не о погоде, а о том, что чувствую я. Новая я. Новая, прекрасная я без всяких паранормальных способностей!

— Напоминает мне о доме.

Пожимаю плечами, сбрасываю халат и иду в душ.

Забравшись в машину, Майлз окидывает меня взглядом и говорит:

— Какого?..

Я скашиваю глаза на свой пуловер, джинсовую мини-юбочку и туфельки-балетки — обломки прошлой жизни, которые сберегла Сабина, — и улыбаюсь.

— Извини, но я не сажусь в машину к незнакомым, — говорит Майлз и берется за ручку двери, как будто хочет вылезти.

— Это правда я! Ей-богу, чтоб мне... в общем, это точно я. И закрой уже дверцу, а то еще выпадешь, и мы опоздаем.

— Ничего не понимаю, — говорит Майлз, хлопая глазами. — В смысле, когда это случилось? Как это случилось? Еще вчера ты ходила, можно сказать, в парандже, а сегодня выглядишь так, словно ограбила платяной шкаф Пэрис Хилтон!

Я смотрю на него.

— Только у тебя больше вкуса, гораздо больше!

Улыбаюсь и жму на газ. Колеса скользят на мокрой мостовой, машину заносит, Майлз вопит, и я сбавляю скорость, вспомнив, что мой внутренний радар отключен.

— Серьезно, Эвер, ты что, все еще пьяная?

— Нет! — отвечаю я, слишком уж поспешно. — просто я, понимаешь ли, решила выйти из своей скорлупы. Может, буду немного... стесняться поначалу... первые несколько месяцев. — Я смеюсь. — Но поверь, это действительно я — настоящая.

Я киваю, надеясь, что Майлз и впрямь поверит.

— Ты хоть понимаешь, что выбрала самый мокрый, гнусный, самый унылый день в году, чтобы вылезти из скорлупы?

Мы въезжаем на автостоянку, и я говорю, качая головой:

— Ты себе не представляешь, Майлз, какой сегодня чудесный день. Напоминает мне о доме.

Ставлю машину на первое же свободное место, и мы бежим к воротам, разбрызгивая воду из луж и прикрываясь от дождя рюкзаками вместо зонтиков. Хейвен трясется от холода, прячась от дождя под карнизом, а мне хочется запрыгать от радости: у нее нет ауры!

Увидев меня, она выпучивает глаза.

— Какого?..

— Ребята, вы совсем не умеете заканчивать предложения! — смеюсь я.

— Нет, серьезно, кто ты? — спрашивает Хейвен, все еще не опомнившись от удивления.

Майлз, хохоча во все горло, обнимает нас обеих за плечи и ведет к дверям школы.

— Не обращай внимания на эту мисс Орегон! Она считает, что сегодня чудесная погода.

Войдя в класс английского, я вздыхаю с облегчением: я больше не вижу и не слышу ничего лишнего. Стейша и Хонор перешептываются, косясь на мою одежду, туфли, прическу и даже макияж. Я дергаю плечом и продолжаю заниматься своими делами. Конечно, ничего хорошего они обо мне не говорят, но я больше не слышу их реплик, и это все меняет. Я снова ловлю на себе их взгляды, улыбаюсь и машу рукой: от неожиданности они даже отворачиваются.

Увы, к третьему уроку — химии — алкогольные пары почти полностью выветриваются из головы. Им на смену приходит очередной шквал видений, ярких цветовых пятен и звуков, которые грозят окончательно меня доконать.

Я поднимаю руку, прошу разрешения выйти из класса и едва успеваю выскочить за дверь, как мне становится совсем плохо.

Еле-еле доползаю до своего шкафчика и с трудом пытаюсь вспомнить код.

Как там было... 24-18-12-3? Или 12-18-3-24?

Голова разрывается от боли, в глазах слезы. Ах да, 18-3-24-12. Роюсь в учебниках и тетрадках, все летит на пол, но я не обращаю внимания. Мне бы только добраться до спрятанной в глубине бутылки, якобы с минеральной водой. Она принесет желанное облегчение.

Отвинчиваю крышечку и, запрокинув голову, делаю долгий глоток. За ним еще, и еще, и еще. Теперь, может, удастся продержаться до большой перемены. Еще один глоточек на прощание, и...

— Улыбочку! Нет? Ну ничего, все равно фотка хорошая выйдет.

Я с ужасом смотрю на Стейшу с фотоаппаратом в руках — на экранчике ясно видно, как я глушу водку.

— Кто бы мог подумать, что ты так фотогенична? Ну да, нечасто выпадает случай наблюдать тебя без капюшона!

Она улыбается, ощупывая меня взглядом от туфель до челки.

Я смотрю на нее — хоть мои особые способности убиты водкой, намерения Стейши и без того понятны.

— Кому бы это отправить для начала? Твоей мамочке? — Она высоко поднимает брови и с притворным ужасом прикрывает ладонью рот. — Ах, прости, я хотела сказать: твоей тете? Или, может, кому-нибудь из учителей? Или, может, всем учителям? Нет? Пожалуй, ты права — эти снимки лучше сразу передать директору. Как говорится, быстро и надежно.

— Это минеральная вода.

Я наклоняюсь, подбираю книги с пола и заталкиваю их в шкафчик, стараясь держаться как ни в чем не бывало. Стейша чувствует страх не хуже полицейской овчарки.

— Подумаешь, фотография, как я пью минералку, большое дело.

— Минеральная вода! — хохочет Стейша. — Точно, точно. И главное, как оригинально! Можно подумать, раньше никто и никогда не догадывался налить водку и бутылку из-под минеральной воды. Ты первая! Каюк тебе, Эвер. Один простой анализ, подуешь в трубочку — и прощай, школа Бей-Вью, здравствуй, спецакадемия для пьянчуг и неудачников!

Я смотрю на нее — вот она стоит передо мной, такая уверенная, такая самодовольная, и я знаю, что у нее есть для этого все основания. Она поймала меня с поличным. Даже если улика на первый взгляд кажется притянутой за уши, мы обе прекрасно понимаем, что это не так.

— Что тебе надо? — шепотом спрашиваю я.

Всему на свете есть цена, надо только найти ее для каждого конкретного человека. Я не сомневаюсь в этом ни на минуту — за прошедший год я достаточно наслушалась разных мыслей.

— Ну, для начала, хотелось бы, чтобы ты перестала меня доставать, — отвечает Стейша, скрестив руки на груди и уютно пристроив вещественное доказательство под мышкой.

— Так ведь я тебя не достаю, — слегка невнятно выговариваю я. — Наоборот, ты меня достаешь.

— Ничего подобного! — Она оглядывает меня с презрительной улыбкой. — Смотреть на тебя изо дня в день — знаешь, как это достает?

— Ты хочешь, чтобы я перевелась в другой класс?

Я все еще держу в руках проклятую бутылку. Не знаю, куда ее девать. Убрать в шкафчик — Стейша донесет, и бутылку конфискуют. А если сунуть в рюкзак, будет то же самое.

— Ты, между прочим, до сих пор мне еще должна за испорченное платье.

Вот оно что... Шантаж! Удачно, что я выиграла столько денег на скачках.

Я вытаскиваю из рюкзака кошелек. Заплатить? Да ради бога, только бы от нее отвязаться.

— Сколько?

Стейша окидывает меня взглядом, стараясь лить, много ли с меня можно содрать, не сходя с места.

— Ну, я же говорила, платье было от хорошего модельера... его не так легко заменить...

— Сотню?

Я вытягиваю из кошелька сто долларов и протягиваю ей.

Она корчит гримаску.

— Я, конечно, понимаю, ты и знать не знаешь, что ничем в мире модной одежды и вообще качественных вещей. В общем, сумму надо бы повысить. Так, самую чуточку, — произносит Стейша, взглядом измеряя толщину моего кошелька.

Но я знаю, что у шантажистов есть обычай возвращаться с новыми требованиями, поэтому лучше покончить со всем этим раз и навсегда. Я смотрю на Стейшу и говорю:

— Поскольку мы обе знаем, что платье ты купила в магазинчике уцененных товаров по дороге домой из Палм-Спрингс... — Тут я улыбаюсь, вспомнив, что видела в ее мыслях тогда, в школьном коридоре. — ...то я готова тебе возместить его полную стоимость, которая, если память меня не обманывает, составляет восемьдесят пять долларов. Так что сотня, пожалуй, не такая уж плохая сумма, а? Как ты считаешь?

Скривив губы, Стейша берет у меня банкноту и прячет в карман. Потом она бросает взгляд на бутылку и

усмехается.

— Угостишь глоточком?

Если бы кто-нибудь еще вчера мне сказал, что я буду сидеть в школьном туалете и напиваться вдрызг со Стейшей Миллер, я бы ни за что не поверила. И тем не менее, это чистая правда. Мы забились в дальний уголок и на двоих уговорили бутылку водки.

Ничто так не сближает, как общие тайны и дурные привычки.

А когда Хейвен зашла в туалет и увидела нас, она вытаращила глаза и сказала:

— Что происходит?

И я рухнула от хохота, а Стейша невнятно промычала:

— Шидим, воф, фазгофариваем.

— Не поняла... — Хейвен подозрительно уставилась на нас. — Вы так шутите?

И от того, что она стояла перед нами такая правильная, такая осуждающая, такая серьезная, мы закатились еще пуще. Как только за ней захлопнулась дверь, мы дружно продолжили пить.

Но совместная пьянка в туалете еще не дает мне права присоединиться к компании избранных — я это хорошо понимаю и в столовой даже не пробую соваться к их столику, а сразу направляюсь на свое обычное место. Из-за тумана в голове я не сразу осознаю, что и здесь мне тоже не рады.

Я бодро сажусь, гляжу на Хейвен и Майлза и начинаю давиться хохотом без всякой причины. По крайней мере, с их точки зрения, никакой причины нет. Но если бы они только видели свои лица, наверняка посмеялись бы тоже.

— Что с ней? — спрашивает Майлз, подняв глаза от текста своей роли.

Хейвен хмурится.

— Напилась вдрызг, вот что с ней. Я ее видела в туалете. Они там вдвоем спивались — знаешь, с кем? Со Стейшей Миллер.

У Майлза отвисает челюсть, и на лбу появляются такие забавные морщинки, что смех начинает меня душить с новой силой. Я все никак не могу успокоиться. Майлз склоняется ко мне через стол и щиплет за руку.

— Ш-ш! Тихо! — Он оглядывается по сторонам. — Seriously, Эвер! Ты с ума сошла? Тьфу, с тех пор, как Деймен уехал, ты как не в себе...

— Что «с тех пор, как Деймен уехал»? Ну что? — Я так резко отдергиваю руку, что чуть не падаю со скамейки. Выпрямившись, я вижу, как Хейвен, криво усмехнувшись, качает головой. — Ну давай, Майлз, уж скажи! И ты тоже, Хейвен!

Только почему-то я выговариваю нечто вроде «увшкашши», и это, конечно, не проходит незамеченным.

— Увшкашши? — повторяет Майлз. — Я бы с удовольствием, только знать бы, что это означает. Ты не знаешь, Хейвен?

— Кажется, это по-немецки, — отвечает она, сурово глядя на меня.

Скорчив им гримасу, я встаю, но, не рассчитав движения, больно стучаюсь коленкой.

— Ай!

Снова падаю на скамейку, потирая ногу и сморщившись от боли.

— Вот, выпей! — Майлз пододвигает ко мне витаминизированную воду. — И давай сюда ключи, потому что домой ты меня не повезешь!

Майлз оказался прав. Домой я его не повезла. Потому что он сам себя отвез. А за мной приехала Сабина.

Она устраивает меня на пассажирском сиденье, потом обходит машину кругом и садится за руль. Когда мы выезжаем со стоянки. Сабина, стиснув зубы, качает головой и говорит:

— Исключили?! Как это тебя, одну из лучших учениц, и вдруг исключили? Объясни мне, будь добра!

Я закрываю глаза и прижимаюсь лбом к боковому окну. Гладкое стекло приятно холодит кожу.

— Временно отстранили от занятий, — шепчу я. — Ты их упростила. Надо сказать, это было впечатляюще. Теперь я понимаю, за что тебе платят большие деньги.

Краем глаза я вижу, как от моих слов лицо Сабрины из встревоженного делается возмущенным. Ого! Такой я ее никогда не видела. Хотя я и знаю, что виновата, что я плохая, гадкая и еще хуже того — а все-таки, кто ее просил вмешиваться? Уж конечно, не я ее просила доказывать школьному руководству, что у меня смягчающие обстоятельства, что я напилась, потому что «тяжело переносу потерю близких людей».

Она, конечно, и сама в это верит, но на самом деле это неправда.

На самом деле я совсем не хотела, чтобы кто-то за меня заступался. Я хотела, чтобы меня исключили.

В ту минуту, когда меня застигли около шкафчика, я протрезвела, и все события этого дня промелькнули у меня перед глазами, словно рекламный ролик фильма, который век бы не смотреть. И стоп-кадр на том моменте, когда я забыла заставить Стейшу стереть фотографию. И потом, в кабинете директора, когда я узнала, что снимок был на мобильном телефоне Хонор, а Стейша отпросилась с уроков, сказав, что у нее «пищевое отравление» (но сперва поручила Хонор поделиться с директором своим беспокойством за одноклассницу, ну, и фотографией заодно). Должна признать, хоть я и влипла в большие неприятности — очень большие, вплоть до занесения в личное дело навечно, — какая-то крохотная часть моего сознания восхищалась находчивостью Стейши, качала крошечной головкой и думала: «Браво! Молодец!»

Потому что Стейша мало того что сдержала-таки свое обещание уничтожить меня, так еще и прикарманила сотню долларов, да вдобавок с уроков удрала пораньше. Seriously, высший пилотаж.

По крайней мере, если смотреть с точки зрения расчетливой, бессердечной садистки.

Итак, благодаря стараниям Стейши, Хонор и директора Бакли мне завтра не нужно идти в школу. И послезавтра. И после-послезавтра. А значит, весь дом в моем распоряжении, целый день, с утра до вечера, и можно напиваться в свое удовольствие, пока Сабина пропадает на работе.

Потому что я нашла наконец способ обрести покой и никому не позволю встать у меня на дороге.

— И давно это продолжается? — спрашивает Сабина, явно не зная, как ко мне подступиться. — Что же мне теперь, прятать от тебя спиртное? Запереть тебя? Эвер, я к тебе обращаюсь! В чем все-таки дело? Что с тобой происходит? Хочешь, я договорюсь, чтобы с тобой побеседовал специалист? Я знаю прекрасного психотерапевта, он работает с людьми, пережившими утрату...

Я чувствую на себе ее взгляд, полный искреннего беспокойства, и все равно вместо ответа закрываю глаза и притворяюсь, будто сплю. Я не могу ничего объяснить, не могу ей открыть неприглядную правду об аурах, видениях, призраках и бессмертных бойфрендах. Хоть Сабина и пригласила на праздник гадалку-экстрасенса, она сделала это в шутку, для развлечения. Сабина — человек левого полушария, рациональный, организованный, у нее все разложено по полочкам, она следует черно-белой логике и не признает полутонов. И если бы у меня хватило глупости доверить ей тайны моей жизни, она бы тогда не просто устроила мне беседу «со специалистом». Она бы меня в психушку засадила — и надолго.

Сабина, как и обещала, перед уходом на работу спрятала все спиртное. Ну, я дождалась, пока она уедет, спустилась в кладовку и вытащила бутылки с водкой, оставшиеся от Хэллоуина — Сабина их затолкала на дальнюю полку и благополучно забыла. Переправив их к себе в комнату, я плюхаюсь на кровать в полном восторге от чудесной перспективы: целых три недели не ходить в школу! Двадцать один день роскошного безделья — словно миска сметаны перед обожравшимся котом. На одну неделю меня отстранили от занятий в виде наказания, а потом очень кстати начинаются зимние каникулы. И я собираюсь насладиться каждой минуткой, проводя ленивые неспешные дни в навеянном водкой тумане.

Я откидываюсь на подушки и отвинчиваю крышечку с бутылки. Не нужно торопиться. Я буду смаковать каждый глоточек, чувствовать, как алкоголь стекает в горло и растворяется в крови. Не надираться, не глушить, не выхлебывать залпом. Алкоголь должен поступать в организм небольшими порциями, медленно и непрерывно, пока в голове не прояснится и окружающий мир не сделается ярче. Это будет совсем другой, счастливый мир. Без воспоминаний. Без потерь.

Жизнь, в которой я не буду видеть ничего лишнего.

Глава 29

Утром двадцать первого декабря я спускаюсь по лестнице и, несмотря на головокружение, опухшие глаза и общее состояние похмелья, варю весьма недурной кофе и готовлю завтрак. Сабина должна уехать на работу в уверенности, что дома все в порядке — тогда я смогу запереться у себя в комнате и вновь окунуться в алкогольный туман.

Я слышу, как отъезжает ее машина, и в ту же секунду высыпаю в унитаз хрустящие колечки из пяти видов полезных злаков. Поднимаюсь наверх, достаю из-под кровати бутылку и отвинчиваю крышечку, предвкушая, как по всему телу разольется приятное тепло, стирая боль, унося прочь страхи и тревоги.

Только вот почему-то я все время оглядываюсь на календарь, который висит над письменным столом. Сегодняшняя дата упрямо лезет в глаза, вопит, размахивает руками и локтем тычет под ребра. Я встаю, подхожу ближе, вглядываюсь в пустую клеточку: никаких обязательств, никаких назначенных встреч, не день рождения чей-нибудь. Только надпись мелким шрифтом: «Зимнее солнцестояние». Бог знает, почему издателям календаря эта дата показалась важной — мне она ничего не говорит.

Я снова плюхаюсь на постель, откинув голову на грудь подушек, и делаю очередной продолжительный глоток из бутылки. Закрываю глаза, наслаждаясь тем, как внутри разливается восхитительное тепло, согревая тело и успокаивая разум — Деймену это удавалось сделать только одним только взглядом.

Делаю еще глоток, и еще — слишком торопливо, слишком безоглядно, совсем не так, как планировалось. Но я хочу стереть некстати ожившее воспоминание и потому продолжаю надираться, глушить, выхлебывать залпом, пока образ Деймена не начинает, наконец, тускнеть и гаснуть. Вот теперь можно вздохнуть спокойно.

Когда я просыпаюсь, меня переполняет самое теплое, самое мирное ощущение в мире — ощущение всепоглощающей любви.словно я купаюсь в луче золотого света. Так хорошо, так уютно и безопасно... Я хочу остаться здесь навсегда. Зажмурив глаза, стараюсь продлить этот миг, но вдруг какое-то легчайшее прикосновение щекочет мне нос, и я, снова открыв глаза, резко сажусь на постели.

Грудь сжимает, я никак не могу справиться с оглушительным стуком сердца: на подушке лежит одинокое черное перо.

То самое черное перо, которое я воткнула в волосы на Хэллоуин, когда надела костюм Марии-Антуанетты.

Которое Деймен взял на память!

Я знаю — он был здесь!

Гляжу на часы. Неужели я так долго спала? И тут я вижу картину, которую когда-то сунула в багажник. Сейчас она стоит возле дальней стены, и мне хорошо ее видно. Я ожидала увидеть выполненную Дейменом копию «Женщины с желтыми волосами», но вместо нее на холсте бледная белокурая девушка бежит в тумане по длинному темному ущелью.

Точно такому, как в моем сне.

Хватаю куртку, сую ноги в первые попавшиеся шлепанцы и мчусь в комнату Сабины. Вытаскиваю из ящика стола ключи от машины, бегу вниз по лестнице и дальше, в гараж — сама не представляя, куда я спешу и зачем. Знаю только, что мне совершенно необходимо туда попасть, куда — пойму, когда увижу это место.

Я еду на север по шоссе Пасифик-кост, по направлению к «Лагуне». Продираюсь через обычные здешние пробки, сворачиваю на Бродвей, кое-как объезжая пешеходов. А вырвавшись, наконец, из густонаселенной части города, жму на газ и дальше еду, руководствуясь инстинктом. Оставив далеко позади городской центр, подрезаю встречную машину и торможу на стоянке около заповедника. Сунув в карман ключи и мобильник, бегу по тропе через лес.

Волнами накатывает туман, становится трудно видеть. Какая-то часть сознания подсказывает, что надо вернуться домой, что бегать здесь одной, в темноте — безумие, но я не могу остановиться. Ноги сами несут меня вперед, и мне не остается ничего другого, кроме как следовать за ними.

Дрожа от холода, прячу руки в карманы и бегу, спотыкаясь, дальше. Не представляю, куда. Как добегу — узнаю.

Под ногу попадает камень, и я падаю, вскрикнув от боли. Раздается звонок мобильного, и я приглушаю свои вопли до жалобного скулежа.

— Да? — говорю я, кое-как поднимаясь на ноги и дыша часто и неглубоко.

— Мы теперь так отвечаем на телефонные звонки? Имей в виду, что со мной это не пройдет.

— В чем дело, Майлз?

Отряхиваюсь и шагаю дальше по тропе — теперь чуточку осторожней.

— Да так, хотел тебе сказать, что ты пропускаешь из ряда вон выходящую вечеринку. А поскольку ты в последнее время любишь разные веселые праздники, я и решил тебя пригласить. Хотя на самом деле там не столько весело, сколько смешно. Это надо видеть — полное ущелье готов. Как будто Дракула проводит сбор соратников или что-нибудь в этом духе.

— А Хейвен там? — спрашиваю я, и что-то непроизвольно сжимается внутри.

— Ага, ищет свою замечательную Трину. Помнишь обещанную таинственную вечеринку? Так вот, видимо, это она и есть. Наша Хейвен не умеет хранить секреты, даже свои собственные.

— Они, в роде, больше уже не увлекаются готикой?

— Хейвен тоже так думала. Можешь себе представить, как она злится, оттого что оделась не к случаю. Я как раз поднялась на вершину холма, и передо мной открывается долина, залитая светом.

— Говоришь, вы в ущелье?

— Угу.

— Я тоже. Собственно, я почти на месте.

Я начинаю спускаться по склону.

— Погоди... ты здесь?

— Ну да. Как раз иду в направлении огней.

— А сначала прошла через туннель? Ха-ха, поняла шутку? — Я молчу, и Майлз говорит: — А откуда ты узнала?

«Да так, очнулась от пьяного беспамьяства, потому что черное перо пощекотало мне нос, увидела пророческую картину у стены в своей комнате и сделала то, что сделал бы всякий разумный человек на моем месте: схватила куртку, нацепила шлепанцы и выбежала из дома в ночной рубашке!» — думаю я, но этого, конечно, говорить не стоит.

Мое молчание вызывает еще больше подозрений.

— Тебе Хейвен сказала? — спрашивает Майлз довольно резко. — А мне клялась, что больше никому не говорила. Ты, конечно, не обижайся, но все-таки...

— Нет, Майлз, она мне ничего не говорила. Я сама узнала. В общем, я почти уже на месте, увидимся через минуту, если только не заплутаю в тумане.

— В тумане? Здесь нет никакого ту...

Он не успевает закончить фразу — мобильник вырывают у меня из рук. Трина улыбается мне и говорит:

— Здравствуй, Эвер. Я же сказала, что мы еще встретимся.

Глава 30

Наверное, нужно бежать прочь, звать на помощь, делать хоть что-нибудь. А вместо этого я застываю, словно мои резиновые шлепанцы пустили корни. Смотрю на Трину и не могу понять, как я здесь оказалась и что она такое задумала.

Скажи, любовь — дрянная штука, верно? — Трина улыбается, склонив голову к плечу, и оглядывает меня с ног до головы — Только встретишь свою мечту — парня, который, казалось бы, всем хорош... И тут выясняется, что он слишком хорош. По крайней мере, чересчур хорош для тебя. Не успеешь опомниться — и ты уже одна, несчастная, покинутая, и (будем говорить откровенно) почти все время под мухой. Впрочем, признаюсь, мне было любопытно наблюдать за твоим сползанием в подростковое пьянство. До чего предсказуемо, просто как по учебнику. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? Ты готова обманывать, воровать — да что угодно, лишь бы добраться до выпивки. Это значительно облегчило мне задачу. С каждым выпитым глотком твоя защита слабела. Да, алкоголь притуплял твою восприимчивость, но он же оставил тебя беспомощной и дал мне возможность без труда манипулировать тобой.

Она хватает меня за руку — острые ногти впиваются и мое запястье. Я пытаюсь вырваться, но это бесполезно. Трина, оказывается, чудовищно сильная.

— Вы, смертные... — Она поджимает губы. — Вас так забавно дразнить! Ты думаешь, я устроила такую сложную инсценировку, чтобы все быстро закончилось? Все можно было сделать гораздо проще. Да если бы я хотела, расправилась с тобой прямо в твоей комнате, пока готовила декорации. Было бы куда быстрее! Зато совсем не так весело. Для нас обеих, я правильно говорю?

Я тупо смотрю на нее: безупречное лицо, сложная прическа, идеально сшитое черное шелковое платье, где надо — облегающее, где надо — ниспадающее красивыми складками, подчеркивая ее красоту, от которой перехватывает горло. А когда она проводит рукой по блестящим медно-рыжим волосам, мелькает татуировка в виде уробороса. Я смаргиваю, и рисунок вновь исчезает.

— Итак, ты подумала, что это Деймен ведет тебя сюда против твоей воли. Прости, что разочарую, Эвер, но это сделала я. Все это — моя постановка. Обожаю двадцать первое декабря! Зимнее солнцестояние, самая долгая ночь в году, толпа нелепых готов, устроивших праздник в каком-то идиотском каньоне... — Она изящно пожимает плечами, а татуировка у нее на руке то появляется, то пропадает. — Извини мое пристрастие к

драматическим эффектам. Впрочем, с ними жизнь становится увлекательнее, ты согласна?

Я снова пытаюсь вырваться, но Трина держит крепко. Ее ногти вонзаются в кожу, вызывая резкую боль.

— Предположим, я тебя выпущу. Что ты будешь делать? Бежать? Я быстрее. Кинешься к друзьям? Ох, какая неприятность — Хейвен совсем не здесь. Должно быть, по ошибке я отправила ее в другой каньон, на другой праздник. Она сейчас там бродит, бедняжка, в толпе убогих подражателей-вампиров, ищет меня. — Трина смеется. — Я решила устроить отдельный праздник, более интимный. — Она, улыбаясь, окидывает меня взглядом. — И, кажется, наша почетная гостья уже здесь.

— Что тебе надо? — спрашиваю я, стиснув зубы.

Она сильнее сжимает мне запястье, так что кости хрустят, и руку пронзает невыносимая боль.

— Не торопи события. — Она прищуривает невероятные зеленые глаза. — Все мое время. Так о чем я говорила, когда ты так грубо перебила меня? Ах да, мы говорили о тебе! О том, как ты здесь оказалась, и что все на самом деле обстоит не так, как ты думала. Впрочем, в твоей жизни все не так, как ты думала, верно? И, сказать по правде, вряд ли когда-нибудь будет «так». Видишь ли, мы с Дейменом знакомы уже много лет. Много, много, много, много... Словом, ты примерно представляешь, как давно. Однако, несмотря на эти долгие прожитые вместе годы, снова и снова появляешься ты и встречаешь между нами!

Я смотрю в землю. Какая же я наивная дуручка! Трину никогда не интересовала Хейвен — все было затеяно ради меня.

— Ну, не надо так себя казнить! Ты не впервые совершаешь подобную ошибку. Я виновна в твоей смерти... сколько раз, дайте подумать? Увы, я сбилась со счета.

И тут я вдруг вспоминаю, что сказал Деймен тогда, на стоянке: «Не мог потерять тебя снова». Лицо Трины становится жестче, и я спешно прогоняю все мысли. Она ведь их читает!

Она обходит вокруг меня, не выпуская моей руки, так что приходится поворачиваться вслед за ней. Трина прищелкивает языком.

— Если память мне не изменяет, — а она никогда мне не изменяет, — в последние несколько раз мы играли и одну забавную игру под названием «Выбирай из двух одно». Думаю, следует сразу предупредить, что для тебя она заканчивалась не очень хорошо. И все же она никогда тебе не надоедала, так что, возможно, захочешь еще раз попробовать.

Я смотрю на нее. Голова кружится из-за этого верчения на месте, из-за остатков алкоголя в крови, из-за почти неприкрытых угроз.

— Ты когда-нибудь видела, как кошка убивает мышку? — Трина улыбается, у нее горят глаза, а кончик языка высовывается изо рта и тут же снова прячется, как у змеи. — С несчастной жертвой сначала играют, а потом, когда наскучит, кошка приканчивает мышку одним ударом.

Я закрываю глаза. Не хочу ничего больше слышать. Если ей так хочется меня убить, так пусть убивает, сколько можно тянуть?

— Ну, это, конечно, было бы очень приятно... — Трина смеется. — По крайней мере, для меня. А тебе не любопытно узнать, какой есть выбор? — Я молчу, и тогда она вздыхает. — Какая ты скучная... Ничего, я все равно тебе скажу. Видишь ли, я могу сделать вид, что отпускаю тебя, и потом любоваться тем, как ты бегаешь по кругу, стараешься удрать от меня и, в конце концов, окончательно выбившись из сил, становишься легкой добычей. Ну как? Медленная смерть или мучительно медленная? Выбирай скорее, время не ждет!

— Зачем меня убивать? Почему не оставить меня в покое? Между мной и Дейменом ничего нет, я его уже больше месяца не видела!

Она только смеется.

— Ничего личного, Эвер. Просто мы с Дейменом отчего-то всегда гораздо лучше ладим после того как удастся тебя... устранить.

И хотя я думала, что предпочту быструю смерть, сейчас я решаю иначе. Я не сдамся без борьбы! Пусть даже я неизбежно проиграю.

Трина качает головой и разочарованно кривит красивые губы.

— Пусть будет так. Ты выбрала второе, верно? Что ж, прекрасно — беги!

Она выпускает мою руку, и я бегу в ущелье, зная, что меня, скорее всего, ничто не может спасти, но я все равно обязана попытаться.

Я отбрасываю волосы назад, чтобы не закрывали глаза, и слепо бегу сквозь туман в надежде снова выйти на тропу, вернуться к началу пути. Легкие вот-вот взорвутся, шлепанцы давно свалились, а я все бегу. Бегу, хотя острые холодные камни режут мне ноги. Бегу, хотя боль обжигает ребра. Мимо деревьев, чьи голые сучья

цепляются за куртку и рвут ее в клочья. Бегу, спасая свою жизнь — хоть я совсем не уверена, что она того стоит.

И на бегу я вспоминаю, как уже бежала раньше точно так же.

Но, как и в моем сне, я понятия не имею, когда все кончится.

Выбегаю на полянку, откуда можно попасть на тропу, и тут из тумана появляется Трина и встает прямо передо мной.

Я пытаюсь ее обогнуть, но она с ленивой грацией бьет меня ногой в лицо.

Лежу на земле, лицо в крови. Слышу издевательский смех. Осторожно трогаю лицо — нос под рукой сворачивается на сторону, и я понимаю, что он сломан.

Я с трудом встаю, сплевывая мелкие камешки, и вздрагиваю, когда вместе с ними изо рта вылетают кровь и обломки зубов.

Трина качает головой:

— Фу, как ты ужасно выглядишь, Эвер! Просто отвратительно. Не понимаю, что Деймен в тебе нашел.

Тело раздирает боль, дыхание рвется, от крови на языке противный металлический привкус.

— Полагаю, тебе интересно узнать подробности, хоть ты их и не вспомнишь в следующем перерождении. И все же всегда приятно видеть твое потрясенное лицо, когда я объясняю, что к чему. — Она смеется. — Не знаю, отчего, но мне это никогда не надоедает! К тому же, если быть до конца откровенной, должна признаться, что я люблю растягивать удовольствие. Своего рода прелюдия... впрочем, об этом ты ничего не знаешь. Столько перерождений, и каждый раз ты по какой-то загадочной причине умираешь девственницей. Это было им печально, если бы не было так смешно. Итак, с чего начать... с чего начать? — Она смотрит на меня, поджав губы и постукивая себя ярко-красными маникюренными ногтями по бедру. — Ну, что ж... Как ты знаешь, именно я подменила картину у тебя в багажнике. В самом деле, ты — женщина с желтыми волосами? Ну уж нет! Между нами, Пикассо был бы в ярости. И все же я его люблю. Деймена — не того покойного старенького художника. — Она смеется. — Идем дальше. Я подбросила тебе перо. — Она делает гримаску. — Деймен бывает иногда таким сентиментальным! Кстати, это я вложила в твою голову тот сон. Несколько месяцев загадочных предчувствий... Каково? Нет, я не намерена растолковывать все «как» и «почему» — было бы слишком долго, да и, честно говоря, там, куда ты отправишься, все это не будет иметь никакого значения. Жаль, что ты не умерла во время аварии — избавила бы от хлопот и себя, и меня. Понимаешь ли ты, сколько вреда причинила? Из-за тебя погибла Эванджелина! Чуть было не погибла Хейвен. Как эгоистично с твоей стороны, Эвер!

Я упрямо молчу. Наверное, это можно считать при знанием вины.

Трина смеется.

— Что же, скоро ты нас покинешь, поэтому можно и признаться, что за беда? — Она поднимает правую руку и торжественно произносит: — Я, Трина Магдалена Августо, — на последнем слове она поводит бровью в мою сторону, — успешно устранила Эванджелину, она же Джун Портер, которая, к слову сказать, ничего полезного в своей жизни не делала, только зря место занимала, так что мой поступок не столь ужасен, как кажется. Мне пришлось убрать ее с дороги, чтобы получить доступ к Хейвен. Да, как ты и подозревала, я специально переманила твою подругу Хейвен. Это всегда легко удается с обиженными жизнью бедняжками, которых никто не любит. Они так жаждут внимания, что готовы на все ради первого встречного, если их чуть-чуть приголубить. Да, это я уговорила Хейвен сделать татуировку, которая едва ее не убила, но это только потому, что я никак не могла решить — убить ее окончательно, или же убить ее так, чтобы можно было потом вернуть и сделать бессмертной. У меня так давно не было ученицы... Впрочем, нерешительность всегда была одним из моих недостатков. Если перед тобой открываются такие возможности (и, вдобавок, целая вечность в запасе, чтобы их осуществить), трудно не поддаться жадности и не пожелать испробовать их все! — Она улыбается, как нашаливший ребенок. — Но я ждала слишком долго, и тогда вмешался Деймен. Он такой благонамеренный, доверчивый альтруист... Остальное тебе известно. Да, кстати — именно я добилась для Майлза главной роли в «Лаке для волос». По правде говоря, он и сам мог бы ее получить, у мальчика огромный талант. Но я не хотела рисковать и потому забралась в голову режиссера и сместила результат голосования в его пользу. Ах да, Сабина и Джефф... Тут я виновата, но в конце концов все вышло к лучшему, не правда ли? Вообрази, умная, преуспевающая, искушенная тетушка влюбилась в этого недотепу! Душераздирающе и в то же время невероятно смешно, как ты считаешь?

«Зачем, зачем ты все это сделала?» — Говорить я не могу, лишившись почти всех зубов и давясь собственной кровью, но это и не нужно — я знаю, что Трина способна слышать мои мысли. — «Зачем вмешивать в дело

других, почему не ограничиться мной одной?»

— Хотела продемонстрировать тебе, что такое настоящее одиночество. Чтобы ты увидела, с какой легкостью люди готовы тебя бросить ради чего-то более увлекательного. Ты одинока, Эвер, у тебя никого нет. Никто тебя не любит, твоя жалкая жизнь ничего не стоит. Как видишь, я намерена оказать тебе большую услугу. Хотя не уверена, что ты скажешь мне за это спасибо.

Я смотрю на нее и не понимаю, как у такой удивительной красавицы может быть настолько уродливая душа. Глядя ей в глаза, делаю крошечный шагок назад — надеюсь, она не заметит.

«Мы с Дейменом давно уже не вместе. Так иди к нему, и забудем обо всем — мы больше никогда не встретимся!» — думаю я в надежде отвлечь Трину.

Она смеется.

— Поверь, как раз ты-то забудешь! К тому же, все не так просто. Ты ведь не понимаешь, как обстоит дело! Тут мне возразить нечего.

— Видишь ли, Деймен — мой. И всегда был моим. К сожалению, постоянно появляешься ты, в очередном дурацком, нудном, бесконечно повторяющемся перерождении. Из-за твоего упорства на мою долю выпадает задача выследить тебя и в очередной раз убить.

Она делает шаг вперед, а я отступаю еще на шагок. Окровавленной ногой наступаю на острый камень и, зажмурив глаза, корчусь от боли.

— По-твоему, это боль? — издевается Трина. — погоди, будет тебе боль!

Я отчаянно оглядываюсь в поисках спасения. Делаю еще шаг назад и, пошатнувшись, чуть не падаю. Рукой касаюсь земли, пальцы смыкаются на осколке камня. Швыряю осколок Трине в лицо, попадаю в челюсть... Камень вырывает кусок мяса из щеки.

Трина хохочет. Через дыру в щеке хлещет кровь, выбито два зуба. Я в ужасе смотрю, как рваная дыра затягивается, возвращая лицу Трины прежнюю безупречную красоту.

— Всегда одно и то же, — вздыхает мучительница. — Ну попробуй хоть что-нибудь новенькое, развлеки меня хоть разок!

Она стоит передо мной, подбоченившись, и насмешливо выгибает бровь. Я больше не побегу. Не доставлю ей такого удовольствия. К тому же, все, что она сказала — правда. Моя беспросветная одинокая жизнь действительно ужасна, да я еще втягиваю в нее всех, с кем соприкасаюсь.

Трина с улыбкой подступает ко мне, и я понимаю, что сейчас настанет конец. Я закрываю глаза и вспоминаю одну минуту из прошлого, как раз перед аварией. Тогда я была счастливой и здоровой, и рядом была семья. Я ярко представила себе все, что физически ощущаю нагретую кожу сиденья под голыми ногами, чувствую, как хвост Лютика колотит меня по щиколоткам, слышу, как Райли распекает во всю силу своих легких и при этом чудовищно фальшивит. Вижу маму — она оборачивается к нам и треплет Райли по коленке. Я вижу папины глаза и зеркальце заднего вида, его улыбку, понимающую, добрую и веселую...

Я отчаянно держусь за этот миг, лелею его в памяти, заново переживаю все ощущения, звуки, запахи, чувства, словно я опять оказалась там. Хочу, чтобы это было последним, что я увижу, прежде чем меня не станет. Тогда я была по-настоящему счастлива.

Я так погрузилась в воспоминания, что как будто всем ушла туда, в прошлое, и вдруг слышу, как Трина ахает: — Какого дьявола?!

Открываю глаза и вижу ее потрясенное лицо. Она разглядывает меня, разинув рот. Я тоже оглядываю себя: разорванная ночная рубашка снова стала целой, на ногах не видно крови, на коленках не осталось царапин. Пошевелив языком, нащупываю полный комплект зубов, а дотронувшись до носа, понимаю, что и он тоже исцелился. Понятия не имею, что все это значит, но я знаю, что нужно действовать быстро.

Трина пятится, широко раскрыв глаза, полные вопросов, а я наступаю на нее, плохо представляя, что за ним последует. Знаю только, что мое время на исходе. Подойдя к ней вплотную, спрашиваю:

— Ну что, Трина, сыграем в выбор?

Глава 31

Сперва она тупо смотрит на меня, в зеленых глазах — растерянность и недоверие. Потом, вздернув подбородок, оскаливает зубы. Но я бросаюсь на нее первой — только бы успеть, сбить ее с ног, пока есть

возможность! И уже в прыжке краем глаза замечаю мягкое золотистое мерцание, сияющий круг чуть в стороне от нас. Он светится и манит, совсем как в моем сне. И хотя эти сны насылала Трина, хотя, скорее всего, это ловушка, я не могу удержаться и сворачиваю к нему.

Падаю сквозь потоки ослепительного света, такого любящего, такого теплого, такого глубокого... Он успокаивает меня и забирает все мои страхи. Приземляюсь на лугу, покрытом ярко-зеленой травой, и травинки поддерживают меня, смягчая падение.

Я смотрю на луг, на цветы, чьи лепестки словно светятся изнутри, на деревья высотой чуть ли не до неба, ветви которых гнутся под тяжестью спелых, сочных плодов. Лежу в траве, вбираю в себя все это и невольно чувствую, что я уже была здесь когда-то.

— Эвер...

Вскакиваю на ноги и принимаю стойку. Я готова к бою! И тут я вижу, что это Деймен. Я отступаю на шаг. На чьей он, все-таки, стороне?

— Эвер, успокойся! Все хорошо...

Он кивает и, улыбаясь, протягивает руку. Но я не беру эту руку. Не действуют на меня его приманки! Отступаю еще дальше и оглядываюсь, ища глазами Трину.

— Ее здесь нет. — Он не отводит взгляда. — Здесь только я. Ты в безопасности.

Я не знаю, верить ему или нет. Разве можно его назвать «безопасным»? Мысленно перебираю возможные линии поведения (признаться, их немного) и в конце концов спрашиваю:

— Где мы?

На самом деле хочется спросить: «Я умерла?»

— Нет, ты не умерла, — смеется он, прочтя мои мысли. — Ты — в Летней стране.

Я смотрю на него без проблеска понимания.

— Это... место между мирами. Вроде зала ожидания. Измерение между измерениями, если угодно.

— Измерение? — прищуриваюсь я.

Слово звучит как иностранное — по крайней мере, когда его произносит Деймен. Он протягивает ко мне руку, а я отшатываюсь, потому что знаю — если он дотронется до меня, я вообще соображать перестану.

Он пожимает плечами и жестом приглашает идти за ним по лугу, где каждый цветочек, каждое дерево, каждая травинка трепещут и качаются, изгибаясь в бесконечном танце.

— Закрой глаза, — шепчет он.

Я не слушаюсь, и он прибавляет:

— Пожалуйста...

Я закрываю. Наполовину.

— Поверь мне... — Деймен вздыхает. — Один-единственный раз — поверь.

Ну, верю. Закрывает.

— И что?

— Теперь представь себе что-нибудь.

— Что, например? — спрашиваю я, мгновенно представив себе большущего слона.

— Представь что-нибудь другое, — говорит Деймен, — скорее!

Я открываю глаза и с изумлением вижу громаднейшего слона, который мчится галопом прямо на нас. Чуть не задыхаюсь от неожиданности, превратив его в бабочку очень красивую бабочку-монарха, которая садится ко мне на палец.

— Как это?..

Я перевожу взгляд с Деймена на бабочку, которая смешно дергает черными усиками. Деймен смеется.

— Попробуешь еще?

Я сжимаю губы и смотрю на него, стараясь придумать что-нибудь поинтереснее слонов с бабочками.

— Давай! — подбадривает он. — Это так весело! Никогда не надоедает.

Я закрываю глаза и представляю себе, что бабочка превратилась в птицу. Открыв глаза, вижу, что на пальце у меня сидит великолепный разноцветный попугай макао. На руку тут же шлепается здоровенная клякса птичьего помета. Деймен протягивает полотенце.

— Может, лучше что-нибудь... менее пачкающее?

Я выпускаю птицу и смотрю, как она улетает. Потом опять зажмуриваюсь, изо всех сил загадываю желание, и, когда вновь открываю глаза, передо мной стоит Орландо Блум.

Деймен со стоном хватается за голову.

— Он настоящий? — шепчу я.

Орландо Блум улыбается и подмигивает мне. Деймен качает головой.

— Людей материализовать невозможно, только их подобия. К счастью, он скоро развеется.

Он и впрямь развеялся.

Мне становится немного грустно.

— Что происходит? — спрашиваю я. — Где мы? Как все это может быть?

Деймен улыбается и сотворяет великолепного белого жеребца. Усаживает меня в седло и создает для себя вороного.

— Покатаемся, — говорит он, ведя моего коня за повод к тропе.

Мы едем бок о бок по прекрасной, ухоженной дороге, которая ведет через долину, полную цветов, деревьев и сверкающих ручьев, над которыми играют радуги. Вдруг я вижу своего попугая — он сидит рядом с какой-то кошкой. Хочу свернуть с тропы, отогнать его, но Деймен придерживает мою лошадь.

— Не волнуйся, здесь никто никого не ест. Здесь царит мир.

Едем дальше в молчании. Я разглядываю красоту вокруг, но вскоре в голове начинают роиться всевозможные вопросы. Даже не знаю, с чего начать.

Деймен смотрит на меня.

— Занавесь, которую ты увидела? Которая тебя притянула? Я ее там поместил.

— В ущелье?

Он кивает.

— И в твоём сне.

— А Трина говорит, что это она насылала сны.

Как уверенно он держится в седле! Тут я вспоминаю картину у него дома, где Деймен изображен на белом жеребце, со шпагой на боку. Очевидно, ему много приходилось ездить верхом.

— Трина показала тебе место. Я показал тебе выход.

— Выход? — повторяю я, и сердце снова больно сжимается.

Деймен с улыбкой качает головой.

— Не в том смысле выход! Я же сказал: ты не умерла. На самом деле ты никогда еще не была настолько живой, как сейчас. Ты способна управлять материей и воплощать в реальность все, что пожелаешь. — Он смеется. — Только не приходи сюда слишком часто. Должен тебя предупредить: это вызывает привыкание.

— Значит, вы оба насылали на меня сны? — спрашиваю я, прищурившись и стараясь разобраться во всей путанице. — Совместными усилиями?

Он кивает.

— Значит, я даже собственные сны не могу контролировать? — Я невольно повышаю голос. Не нравится мне все это!

— Конкретно этот сон — не можешь.

Я сдвигаю брови и качаю головой.

— Прошу прощения, а не кажется ли тебе, что это самую чуточку наглость? Нет, ну все-таки! И почему ты ее не остановил, если знал, что она задумала?

Он смотрит на меня устало и печально.

— Я не знал, что это Трина. Просто я заглянул в твои сны, ты была чем-то напугана, вот я и показал тебе дорогу сюда. Здесь ты всегда будешь в безопасности.

— А почему Трина за мной не погналась?

Он сжимает мои пальцы.

— Потому что Трина эту занавесь не видит. Ее видишь только ты.

Я сощуриваю глаза. Как все странно, запутанно и совершенно непонятно.

— Не волнуйся так, потом все поймешь. А пока просто наслаждайся.

— Почему это место кажется таким знакомым?

— Потому что именно здесь я тебя нашел.

Я недоумевающе смотрю на него.

— Правильно, я нашел твоё тело возле машины. А душа уже отлетела и задержалась здесь.

Он останавливает лошадей, помогает мне спешиться и ведет к лужайке — такой зеленой, такой сверкающей в теплом золотистом свете, который идет непонятно отсюда. Не успела я опомниться, а Деймен уже создал диван с мягкими подушками и скамеечку для ног.

— Хочешь что-нибудь добавить? — улыбается Деймен.

Я зажмуриваюсь и представляю себе кофейный столик, лампу, несколько статуэток и красивый персидский ковер. Когда я снова открываю глаза, мы находимся и полностью обставленной гостиной на свежем воздухе.

— А если пойдет дождь? — спрашиваю я.

— Не надо!

Поздно...

Мы промокли насквозь.

— Мысли материализуются, — говорит Деймен, создавая гигантский зонтик.

Струи дождя стекают с краев зонта прямо на ковер.

— То же самое и на Земле, только там процесс занимает больше времени. А здесь, в Летней стране, все происходит мгновенно.

Я смеюсь.

— Мама всегда говорила: бойся своих желаний, потому что они исполняются!

Деймен кивает.

— Теперь ты знаешь, откуда пошла эта поговорка. Может, остановишь дождь, и мы сможем высушиться?

Он встряхивает мокрыми волосами, так что на меня летят брызги.

— А как?

— Просто представь себе место, где тепло и сухо, — улыбается Деймен.

И не успела я глазом моргнуть — мы лежим на чудесном пляже с розовым песком.

— Давай так и оставим, а?

Деймен хохочет, а я создаю пушистое синее полотенце и бирюзовый океан для полного комплекта.

Я укладываюсь на спину и закрываю глаза, нежась на теплом песке, и тут Деймен произносит то, о чем я и сама догадывалась, просто еще не сформулировала в одном предложении. Том самом, которое начинается словами: «Я бессмертный», а заканчивается: «...и ты тоже».

Такое не каждый день услышишь.

— Значит, мы оба бессмертные? — спрашиваю я, приоткрыв один глаз и удивляясь про себя: неужели я способна вести такой странный разговор таким обыденным тоном?

Хотя, мы сейчас в Летней стране, куда уж страннее...

Деймен кивает.

— И ты сделал меня бессмертной, когда я погибла в аварии?

Опять кивает.

— А как? Это как-то связано с твоим красным напитком?

Он глубоко вздыхает.

— Да.

— А почему мне не нужно пить его все время, как тебе?

Он отворачивается, долго смотрит на море.

— В конце концов тебе тоже придется.

Я сижу, дергаю нитку из полотенца и никак не могу свыкнуться со всем этим. Не так давно мне казалось, что паранормальные способности — уже несчастье, а тут вон что...

— Все не так ужасно, как тебе кажется, — говорит Деймен, накрывая ладонью мою руку. — Посмотри вокруг — разве плохо?

— И все-таки, зачем? Тебе не приходило в голову, что я, может быть, не хочу становиться бессмертной? Может, лучше было меня отпустить?

Он весь сжимается, отводит глаза, смотрит на что угодно, только не на меня. Наконец оборачивается ко мне и говорит:

— Во-первых, ты права. Я повел себя как эгоист. Правда в том, что я спас тебя скорее ради себя, а не ради тебя самой. Я не мог потерять тебя снова, после того как... — Он останавливается и качает головой. — И все же я не был уверен, что все получилось. Разумеется, я знал, что вернул тебя, но не знал — надолго ли. Полной уверенности у меня не было, пока я не увидел тебя сейчас в ущелье...

— Ты видел меня в ущелье? — изумленно переспрашиваю я.

Он кивает.

— Значит, ты был там?

— Нет, я наблюдал издали. — Он потирает подбородок. — Долго объяснять...

— Постой, дай разобраться. Ты наблюдал за мной издали, но все-таки мог видеть все, что происходит, и не попытался вмешаться?

Произнеся это вслух, я прихожу в такое бешенство, что становится трудно дышать.

Деймен качает головой.

— Я не вмешивался, пока ты не захотела спастись. Тогда я показал тебе занавесь и подтолкнул тебя к ней.

— Значит, ты дал бы мне умереть? — Я отползаю в сторону, подальше от него.

Он смотрит на меня и говорит очень серьезно:

— Если бы ты этого хотела — то да. Эвер, во время прошлого нашего разговора, на автостоянке, ты сказала, что ненавидишь меня за то, что я сделал: за то, что я эгоист, за то, что разлучил тебя с твоей семьей, за то, что вернул тебя. И хотя твои слова меня больно ранили, я знал, что ты права. Я не имел права вмешиваться. Но там, в ущелье, ты сама наполнила себя любовью, и эта любовь спасла тебя, исцелила и вернула к жизни. Тогда я и понял.

«А как же в больнице — почему я не могла исцелить себя тогда? Почему я должна была выстрадать все эти порезы, переломы и ушибы? Почему я не могла... регенерировать, как в ущелье?» — думаю я, скрестив руки на груди и отказываясь принять его слова.

— Только любовь исцеляет. Гнев, страх и вина только разрушают и не дают тебе обрести свои истинные способности.

Он кивает, не сводя с меня глаз.

— Да, еще одно! — вспыхиваю я. — Почему ты способен читать мои мысли, а я твои — нет? Это нечестно!

Деймен смеется.

— Тебе так хочется читать мои мысли? Я думал, тебе нравится моя загадочность!

Я рассматриваю свои колени, щеки у меня горят, когда я вспоминаю, что он мог прочесть в моих мыслях.

— Знаешь, есть способы закрываться от чтения мыслей. Возможно, тебе стоило бы посоветоваться с Авой.

— Ты знаешь Аву? — ахаю я.

Кажется, это заговор!

Деймен качает головой.

— Я знаю ее только через тебя, через твои мысли о ней.

Я отвожу глаза, смотрю на семейство кроликов, резвящихся неподалеку, и снова поворачиваюсь к Деймену.

— Получается, тогда, на скачках?..

— Предчувствие, как и у тебя.

— А как же ты проиграл?

Он смеется.

— Иногда приходится и проигрывать, иначе люди начнут задумываться. Но потом я отыгрался, правда?

— А тюльпаны?

Деймен улыбается.

— Материализация. Точно так же, как ты материализовала слона и этот пляж. Обычная квантовая физика.

Сознание создает материю там, где прежде была чистая энергия. Это не так трудно, как принято думать.

Не понимаю я все-таки... Хоть он и говорит, что все просто.

— Мы сами творим свою реальность. И в обычном мире тоже, — говорит Деймен, отвечая на вопрос, который только что сформировался у меня в голове. — Смертные — творцы, только они этого не замечают, потому что в их мире это происходит гораздо дольше.

— У тебя — не дольше.

Он смеется.

— Я давно живу на свете — выучился кое-каким фокусам.

— А как давно? — спрашиваю я, вспомнив запертую комнату у него дома.

Он вздыхает и отводит глаза.

— Очень давно.

— И теперь я тоже буду жить вечно?

Деймен пожимает плечами.

— Это — как захочешь. Можешь выбросить все из головы, вернуться домой и жить обычной жизнью, а когда настанет время — просто позволишь себе уйти. Я дал тебе возможность, выбор за тобой.

Я смотрю на океан. Он так прекрасен, так ярко сверкает — я не могу поверить, что все это существует благодаря мне. Весело, конечно, играть с такими могущественными магическими силами, но мои мысли вскоре

обращаются к более мрачным вещам.

— Я должна знать, что случилось с Хейвен. В тот день, когда я тебя застала... — Я морщусь от одного воспоминания. — И еще — Трина тоже бессмертная, да? Это ты ее такой сделал? Как все это началось? Ты сам как стал бессмертным? Ты знаешь, что Трина убила Эванджелину и чуть не убила Хейвен? И что это у тебя за жуткая комната?

Деймен хохочет.

— Повтори, пожалуйста, вопрос!

— О, и еще одно: что имела в виду Трина, когда сказала, что убивала меня снова и снова?

— Трина так сказала? — Его глаза расширяются, а лицо становится совершенно белым.

— Угу. — Я помню, какое у нее было самодовольное лицо. — Она говорила: «Ну вот опять, глупая смертная, и ты каждый раз соглашаешься на эту игру», и так далее и том же духе. Ты же, вроде, сам все видел?

Он качает головой.

— Я не все видел... Я подключился позже. Господи, Эвер, я виноват во всем. Я должен был знать, я не смел тебя втягивать, нужно было оставить тебя в покое...

— Она еще сказала, что видела тебя в Нью-Йорке. То есть это она Хейвен так сказала.

— Она солгала, — чуть слышно отвечает Деймен. — Я не был в Нью-Йорке.

В глазах у него такая боль, что я невольно беру его за руку. Он выглядит несчастным и беспомощным — больше всего на свете я хочу стереть это выражение с его лица. Я целую его теплые губы. Надеюсь, он поймет — в чем бы ни была его вина, скорее всего, я его прощу.

— Поцелуй становится слаще с каждым перерождением... — Деймен вздыхает, отстраняется и убирает волосы у меня со лба. — Вот только дальше у нас с тобой никак не заходит. И теперь я знаю, почему.

Он прижимается лбом к моему лбу, передавая мне свою радость, свою бесконечную любовь. Потом тяжело вздыхает и отодвигается.

— Ах да, твои вопросы... С чего же начать?

— Может, с начала?

Он кивает, глядя куда-то вдаль — в прошлое, когда все началось. А я скрещиваю ноги по-турецки и слушаю.

— Мой отец был мечтателем, художником, немного занимался науками и алхимией — она была тогда в моде...

— Тогда — это когда? — жадно спрашиваю я.

Мне нужны даты, названия стран и городов. Что-то конкретное, поддающееся анализу, а не абстрактные философские идеи.

— Давно, — смеется он. — Я на самом деле чуточку старше тебя.

— А можно точнее? Интересно же, какая у нас все-таки разница в возрасте!

Невероятно, но Деймен качает головой.

— Тебе достаточно знать, что мой отец, как и другие алхимики, верил, что все в мире может быть сведено к одному-единственному веществу, и если бы удалось выделить это вещество, то из него можно было бы создать что угодно. Он работал над своей идеей долгие годы, создавал различные рецепты, потом отказывался от них. А когда и он, и моя мать... умерли, я продолжил его исследования и в конце концов нашел.

— А сколько тебе было лет? — не отстаю я.

Он пожимает плечами.

— Я был довольно молод.

— Значит, ты еще можешь повзрослеть?

Он смеется.

— Да, я вырос до определенного момента, а потом остановился. Знаю, ты предпочитаешь вампирскую теорию «замороженного времени», но мы сейчас говорим о реальной жизни, а не о фэнтези.

— Ладно, так что дальше?

— Дальше — родители мои умерли, я остался сиротой. Знаешь, в Италии, где я родился, фамилии часто связаны с происхождением или профессией человека. «Эспозито» значит — «сирота» или «беззащитный». Мне дали это имя, хотя лет сто или двести спустя я от него отказался, поскольку оно мне больше не подходило.

— А почему ты не использовал настоящую фамилию?

— Тут сложно. Отца... преследовали. И я решил обезопасить себя.

— А Трина? — Горло у меня перехватывает, когда я произношу это имя.

Деймен кивает.

— Поверина — «бедняжка». Мы воспитывались в церковном приюте; там и встретились. А когда она заболела, я не мог вынести мысли о том, чтобы потерять ее, и дал ей свой напиток.

— Она сказала, что вы поженились.

Я сжимаю губы, горло сводит судорогой. Строго говоря, она этого не говорила, но явно подразумевала, когда назвала мне свое полное имя.

Деймен отводит глаза, качает головой и что-то еле слышно шепчет.

— Это правда? — спрашиваю я.

В животе скручивается тугий узел, сердцу становится тесно в груди.

Деймен кивает.

— Но это не то, что ты думаешь. Все случилось так давно, сейчас это вряд ли имеет какое-то значение.

— А почему вы не развелись? Если это «вряд ли имеет какое-то значение». — Щеки у меня горят огнем, и щиплет в глазах.

— Ты предлагаешь мне явиться в суд с брачным свидетельством, выданным несколько столетий назад, и потребовать развода?

Я отворачиваюсь, понимая, что он прав, а все-таки...

— Эвер, смилуйся! Я — не то, что ты. Ты провела на этом свете — по крайней мере, в этом перерождении — всего семнадцать лет, а я живу много веков! За этот срок можно сделать несколько ошибок. И хотя многие мои поступки заслуживают осуждения, все же я думаю, что мои отношения с Триной к их числу не относятся. Тогда все было иначе. Я сам был другим — тщеславным, поверхностным, и притом ужасным материалистом. Жил только для себя, хотел взять от жизни все, что смогу. Но в тот миг, когда я встретил тебя, все во мне перевернулось. А когда я тебя потерял... Никогда я не знал такой боли. А потом ты появилась вновь... — Он умолкает, глядя куда-то вдаль. — Не успел я тебя найти, как опять потерял. Так повторялось снова и снова. Любовь и утрата, бесконечный круг... Но теперь он разорван.

— Значит, мы — реинкарнации?

У этого слова странный вкус.

— Ты — да, я — нет. — Он пожимает плечами. — Я всегда здесь, всегда один и тот же.

— А кем я была? — Я не знаю, верю ли до конца, но сама идея меня завораживает. — И почему я ничего не помню?

Деймен явно рад переменить тему.

— Возвращаясь, приходится плыть по Реке Забвения. Ты и не должна помнить. Ты приходишь на землю, чтобы учиться, чтобы расти, чтобы платить кармические долги. Каждый раз начиная заново, ты вынуждена искать собственную дорогу. В жизни, Эвер, как на контрольной — нельзя подглядывать в учебник.

— А ты не жульничаешь, что остаешься здесь? — спрашиваю я, с некоторым злорадством глядя на этого мистера «Сейчас я тебе объясню, как устроен мир».

Он вздрагивает.

— Можно и так сказать.

— А откуда ты все это знаешь, если сам никогда не проделывал?

— У меня было много времени на то, чтобы изучить великие тайны бытия. А на пути я встретил много замечательных учителей. О своих других воплощениях тебе нужно знать только, что все они были женщинами. — Он улыбается, заправляя прядь волос мне за ухо. — Очень красивыми девушками. И все были мне очень дороги.

Я смотрю на океан. Создаю несколько волн — просто так, чтобы были. Потом уничтожаю. Все. Разом. Возвращая нас в гостиную на лужайке.

— Перемена декораций? — улыбается Деймен.

— Декораций — да, но не нашего разговора.

Он вздыхает.

— Итак, после многолетних поисков я нашел тебя снова. Остальное ты знаешь.

Я глубоко вздыхаю. Сiju, смотрю на лампу, силой мысли то включаю ее, то выключаю. Трудно все-таки со всем этим освоиться.

— Я давно прекратил всякие отношения с Триной, но у нее есть ужасная привычка — без конца появляться снова. Помнишь тот вечер в ресторане гостиницы «Сент-Реджис»? Когда ты увидела нас вместе? Я уговаривал ее забыть обо всем и жить дальше своей жизнью! Как видно, не помогло. Да, я знаю, что она убила Эванджелину, потому что в тот день, на пляже, когда ты проснулась и одиночестве...

Я шурю глаза, думая: «Так я и знала! Не занимался он серфингом!»

— Я обнаружил ее мертвое тело. Спасти ее я не мог, было поздно. И о Хейвен я тоже знаю, хотя ее я, к счастью, успел спасти.

— Так вот где ты был той ночью... когда сказал, что ходил на кухню попить воды!

Он кивает.

— О чем еще ты мне врал? — спрашиваю я, скрестив руки на груди. — И где ты был в ночь Хэллоуина, после того как ушел от меня?

— Я пошел домой, — отвечает Деймен, пристально глядя на меня. — Когда я увидел, как Трина на тебя смотрит, то решил, что будет лучше устранился. Только я не смог. Я старался, все время старался! И просто не смог. Я не могу без тебя. Теперь ты знаешь все... Хотя, по-моему, вполне очевидно, почему я раньше не мог позволить себе такую откровенность.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь. Пусть это правда, я не хочу сразу сдаваться.

— Ах да, еще моя, как ты выразилась, «жутенькая комната»? Что сказать... Это мое счастливое место. Немного похоже на твоё воспоминание о последних беззаботных минутах в машине с твоей семьей. — Он смотрит на меня, и я отвожу глаза — мне стыдно за свои слова. А Деймен улыбается. — Хотя, должен признаться, я от души посмеялся, когда понял, что ты считаешь меня упырем!

— Ах, прошу прощения! Просто, раз уж мы, бессмертные, ходим по свету, почему не приплести сюда еще разных фей, колдунов, оборотней, ну и... Нет, правда, ты так говоришь о невероятных вещах, как будто это нормально!

Он закрывает глаза и вздыхает, а открыв глаза снова, говорит:

— Для меня нормально. Это моя жизнь. А теперь и твоя тоже, если ты захочешь. Право, Эвер, все не так ужасно, как кажется.

Он смотрит на меня долгим взглядом. Какая-то часть меня все еще хочет его ненавидеть за то, что он превратил меня в такое, но все-таки ненавидеть его я не могу.

Снова ощутив мягкое, чуть щекотное тепло по всему телу, я опускаю взгляд на свою руку, которой он касается, и говорю:

— Прекрати!

— Что прекратить?

Взгляд у него усталый, кожа вокруг глаз побледнела.

— Прекрати наводить на меня ощущение теплой щекотки! — говорю я, разрываясь между любовью и ненавистью.

— Я ничего на тебя не навожу, Эвер.

Он смотрит мне в глаза.

— Нет, наводишь! Я каждый раз это чувствую, когда ты... ну, не знаю...

Скрещиваю руки на груди, не представляя, куда может завести этот разговор.

— Клянусь, я не применяю никакой магии! Я никогда не пустился бы на фокусы, чтобы соблазнить тебя.

— Ага, а тюльпаны?

Он улыбается.

— Ты так и не догадалась, что они означали?

Я сжимаю губы, глядя в сторону.

— Цветы имеют значение. Я выбрал их не случайно.

Глубоко вздыхаю и силой мысли переставляю предметы на столе. Жаль, что нельзя сами мысли вот так же привести в порядок и выстроить по линейке.

— Я могу тебя многому научить, — говорит Деймен. — Правда, это будут не только веселые увлекательные игры. Нужно действовать очень осторожно. — Он делает паузу и смотрит на меня: слушаю ли я его? — Остерегайся злоупотреблять своей властью. Трина — вот пример. Кроме того, обо всем этом нельзя никому рассказывать. Совсем никому, понимаешь?

Я пожимаю плечами, а про себя думаю: «Да ладно...» И понимаю, что он прочел мою мысль, потому что он качает головой и наклоняется ко мне.

— Эвер, я серьезно. Ты не должна никому об этом рассказывать. Дай мне слово.

Я смотрю на него.

Он выгибает брови и крепче сжимает мою руку.

— Честное скаутское, — хмыкаю я, отводя глаза.

Деймен выпускает мою руку и откидывается на спинку дивана.

— Чтобы быть совсем откровенным, я должен сказать, что у тебя все еще есть выход. Ты еще можешь перейти границу. Собственно говоря, ты могла умереть там, в ущелье, но ты предпочла остаться.

— Так ведь я была готова умереть! Я хотела умереть!

— Ты сама придала себе сил, черпая их из воспоминаний. Ты взяла силы у своей любви. Я же говорил — мысли созидают. Для тебя они создали исцеление и силу. Если бы ты действительно хотела умереть, ты просто перестала бы бороться. Думаю, на каком-то глубинном уровне ты это сознавала.

Я не успела поинтересоваться, зачем он пробрался в мою комнату, пока я спала, а он уже отвечает:

— Это не то, что ты подумала.

— А что? — спрашиваю я, хотя не уверена, что хочу слышать ответ.

— Я пришел, чтобы... наблюдать. Я удивился, что ты меня заметила. Я был, так сказать, в преображенном виде.

Я обхватываю колени руками и притягиваю к груди. То, что он говорит, совершенно непонятно, однако этого хватает, чтобы меня пробрала дрожь.

Он пожимает плечами.

— Эвер, я чувствую, что я в ответе за тебя и...

— И пришел проверить качество товара? — спрашиваю я, подняв брови.

Деймен смеется.

— Позволь тебе напомнить о твоём увлечении фланелевыми пижамами!

Я делаю гримасу.

— Ладно, значит, ты чувствовал, что в ответе за меня... вроде как... папа?

Теперь уже я смеюсь, а он морщится.

— Нет, не как папа. Эвер, я был у тебя в комнате всего один раз, в ту ночь, когда мы встретились около ресторана. Если были еще другие случаи...

— Трина. — Я вздрагиваю, представив себе, как она крадется ко мне в комнату и подглядывает за мной. — А она точно не может прийти сюда? — спрашиваю я, оглядываясь.

Деймен успокаивающе сжимает мою руку.

— Она даже не подозревает, что такое место существует. С ее точки зрения, ты просто растворилась в воздухе.

— А ты-то как сюда попал? Ты тоже однажды умер, как я?

Он качает головой.

— Алхимия бывает двух видов. Физическая — на нее я наткнулся практически случайно, благодаря моему отцу, и духовная — ее я обнаружил, когда почувствовал, что есть нечто более великое, более грандиозное, чем я. Я учился, набирал опыт, я упорно работал, чтобы попасть сюда. Я даже изучил ТМ. — Он запинается и с улыбкой смотрит на меня. — Трансцендентальную Медитацию, учение Махариши Махеша Йоги.

— Гм, если ты хотел меня поразить — извини, не получилось. Я понятия не имею, что это такое.

Деймен пожимает плечами.

— Тогда скажу, что у меня ушли сотни лет на то, что бы перевести свои открытия из области духа в область физического. А тебе, как только ты забрела на луг, была дана своего рода контрамарка. Видения и телепатия — всего лишь побочные эффекты.

— Боже! Неудивительно, что ты так ненавидел школу, — говорю я, чтобы перевести разговор на что-нибудь более конкретное и понятное. — Ты-то ее окончил не знаю сколько триллионов лет назад, правильно?

Деймен заметно вздрагивает, и я вдруг соображаю, что для него, должно быть, возраст — большая тема. Довольно смешно, ведь он сам захотел жить вечно.

— Зачем ты вообще поступил в школу?

— Ради тебя, — улыбается он.

— Ага, увидел девчонку в мешковатых джинсах и свитере с капюшоном, и так она тебе вдруг понадобилась, что ты решил заново пройти курс средней общеобразовательной школы, лишь бы только быть к ней поближе?

— Примерно так, — смеется Деймен.

— А другого способа подобраться ко мне ты не нашел? Не вижу логики!

Я снова начинаю злиться, но Деймен проводит кончиками пальцев по моей щеке и заглядывает в глаза.

— В любви не бывает логики.

Сглатываю комок в горле, чувствуя одновременно смущение, головокружительную радость и неуверенность. Кашлянув, говорю:

— Ты, кажется, говорил, что не умеешь любить?

В животе у меня словно застрял кусок холодного мрамора. Ну почему я не могу быть просто счастливой, ведь мне только что объяснился в любви самый потрясающий парень на планете? Почему я снова думаю о плохом?

— Я надеялся, что в этот раз все будет по-другому, — шепотом отвечает он.

— Боюсь, мне все это не по силам. Не знаю, что и делать... — Я отворачиваюсь, дышу часто и неровно. Он сгребает меня в охапку и прижимает к груди.

— Не торопись, у тебя есть время подумать.

Я оборачиваюсь, а у него взгляд опять отрешенный.

— Что случилось? Почему ты на меня так смотришь?

— Потому что я не умею прощаться. — Он пытается улыбнуться, но улыбаются только губы, а не глаза. — Видишь, сколько я всего не умею? Ни любить, ни прощаться...

— Может, это на самом деле одно и то же. — Я стискиваю губы, чтобы не заплакать. — А куда ты уходишь? Я стараюсь говорить спокойно и равнодушно, а сердце вот-вот остановится, и дыхание застряло в горле, и внутри как будто все умерло.

Деймен пожимает плечами, глядя куда-то вбок.

— Ты вернешься?

— Тебе решать. — Тут он все-таки смотрит на меня. — Эвер, ты все еще меня ненавидишь?

Я качаю головой, не отводя глаз.

— Ты любишь меня?

Я снова отворачиваюсь. Знаю, что да — я люблю его каждой прядкой волос, каждой клеточкой кожи, каждой каплей крови, любовь переполняет меня, перекипает через край, но я просто не могу заставить себя произнести это вслух. Да ведь он же читает мысли — так зачем что-то говорить? Он и без того должен знать.

— Всегда приятно, когда это произносят вслух. — Он заправляет мне волосы за ухо и прижимается губами к моей щеке. — Когда что-нибудь решишь — обо мне, о бессмертии, только скажи — и я приду. У меня впереди вечность... Увидишь, какой я терпеливый.

Он улыбается и что-то достает из кармана. Браслет в виде подковы, серебряный с хрусталем, тот самый, что он мне купил на ипподроме. Тот, который я швырнула ему в лицо тогда, на автостоянке.

— Можно?

Я киваю. Говорить не могу — горло перехватило. Он защелкивает браслет на моей руке и берет мое лицо в ладони. Отводит в сторону челку и прикасается губами к шраму на лбу. Он дарит мне любовь и прощение, которых я совсем не стою. А когда я пытаюсь отстраниться, он только крепче прижимает меня к себе и говорит:

— Постарайся простить себя, Эвер. Ты ни в чем не виновата.

Я закусываю губы.

— Много ты знаешь...

— Я знаю, что ты винишь себя за то, в чем твоей вины на самом деле нет. Я знаю, что ты всем сердцем любишь свою младшую сестричку и постоянно мучаешься вопросом — не зря ли ты удерживала ее возле себя. Я знаю тебя, Эвер. Я все о тебе знаю.

Я отворачиваюсь. Мое лицо мокро от слез, а я не чтобы он их видел.

— Неправда, ты ничего не знаешь! Я — урод, и со всеми, к кому я подойду близко, случается что-нибудь плохое, хотя на самом деле это должно бы случиться со мной!

Я мотаю головой, зная, что не заслуживаю счастья, что недостойна такой огромной любви.

Деймен притягивает меня к себе. Его прикосновение успокаивает и смягчает боль, но оно не может изменить правду.

— Мне нужно идти, — шепчет он наконец. — Эвер, если ты хочешь любить меня, если ты действительно хочешь быть со мной, то ты должна принять то, что мы собой представляем. Если не сможешь — я пойму.

И тут я его целую, сильно прижимаюсь к нему. Мне необходимо чувствовать его губы на своих губах, купаться в чудесном, теплом сиянии его любви. Это чувство растет, ширится, оно заполняет меня до предела, до последней клеточки.

А потом я открываю глаза и вижу, что я опять одна, у себя в комнате.

— Так что все-таки случилось? Мы везде искали, а тебя так и не нашли. Ты, вроде, тоже ехала на праздник? Я переворачиваюсь на другой бок, спиной к окну, мысленно ругая себя за то, что не придумала заранее никаких объяснений. Теперь придется выкручиваться.

— Я ехала, но... У меня вроде как живот разболелся, и...

— Стоп! — говорит Майлз. — Нет, серьезно, ни слова больше.

— А что, я много потеряла? — спрашиваю я, закрывая глаза, чтобы не видеть его мыслей, которые проходят передо мной, как бегущая строка в новостях Си-эн-эн: «Фу, гадость! Ну почему девчонки вечно говорят про эти свои дела?»

— Да нет, ничего не потеряла, если не считать того, что Трина так и не появилась. Первую половину ночи мы с Хейвен ее искали, а вторую половину я старался убедить Хейвен, что без Трины ей будет гораздо лучше. Она прямо влюбилась в Трину! Странная у них дружба, скажи, Эвер?

Держась за голову, выбираюсь из кровати. А ведь сегодня первое утро больше чем за неделю, когда я просыпаюсь без похмелья. И хотя это, конечно, прекрасно, факт остается фактом: чувствую я себя паршиво, как никогда.

— Ну так что? Хочешь поучаствовать в рождественской пробежке по магазинам?

— Не могу. Я все еще под домашним арестом.

Я роюсь в своих свитерах и замираю, наткнувшись на тот, что мне подарил Деймен в Диснейленде, еще до того как все переменялось, и моя жизнь из очень странной стала до невозможности странной.

— Надолго еще?..

— А я знаю?

Бросаю мобильник на туалетный столик и натягиваю через голову ярко-зеленый свитер с капюшоном. На самом деле, совершенно неважно, как долго Сабина продержит меня под домашним арестом. Если я захочу выйти из дома, то выйду, просто позабочусь о том, чтобы вернуться раньше нее. Как удержишь взаперти человека с паранормальными способностями? Зато у меня есть прекрасный предлог, чтобы никуда не ходить и не подвергать себя атакам посторонней психической энергии. Только потому я на это и соглашаюсь.

Беру мобильник точно в тот момент, когда Майлз в трубке говорит:

— Ладно, пока, позвони мне, как выйдешь на свободу.

Я влезаю в первые попавшиеся джинсы и усаживаюсь за письменный стол. И пускай в голове стучит, в глаза словно песок насыпали, и руки трясутся — я твердо решила пережить день без помощи алкоголя, Деймена и незаконных путешествий в астрал. Зря я не потребовала, чтобы Деймен меня научил ставить ментальный щит. Ну почему решение всех проблем приходится искать у Авы?

Сабина осторожно стучится в дверь. Я оборачиваюсь, как раз когда она входит в комнату. Лицо у Сабины бледное, осунувшееся, глаза покраснели, аура вся какая-то серая и пятнистая. Я внутренне сжимаюсь, поняв, что это из-за Джеффа. Она наконец-то обнаружила всю гору вранья. Вранья, которое я могла ей открыть с самого начала, и не было бы этой боли, если б только я больше думала о Сабине, а не о себе.

Она останавливается возле моей кровати.

— Эвер... Я тут подумала... Как-то мне не по себе с этими домашними арестами... И потом, ты уже, в сущности, взрослый человек — значит, нужно и относиться к тебе, как к взрослой. Поэтому...

«Поэтому арест с тебя снимается», — мысленно заканчиваю я. А Сабина-то по-прежнему считает, что к выпивке меня толкнуло горе. Когда это доходит до моего сознания, стыд обжигает щеки.

— ...Арест с тебя снимается. — Сабина произносит это с улыбкой — миролюбивый жест, которого я не заслуживаю. — Скажи, может, все-таки побеседуешь со специалистом? Я знаю очень хорошего психотерапевта...

Я качаю головой, не дав ей закончить фразу. Знаю, она хочет мне только добра, но я не соглашусь ни на какие беседы. Сабина поворачивается к двери, и тут я неожиданно для себя самой говорю:

— А давай сходим сегодня куда-нибудь, поужинаем?

Сабина останавливается на пороге. Мое предложение явно застало ее врасплох.

— Я угощаю, — улыбаюсь я.

Не знаю, как я переживу целый вечер в переполненном ресторане. По крайней мере, счет я смогу оплатить из выигрыша на скачках.

— Было бы замечательно, — говорит Сабина, постукивая по стене костяшками пальцев. — Я приду с работы около семи.

Слышно, как внизу закрывается дверь, щелкает замок, и в ту же секунду Райли хлопает меня по плечу и вопит: — Эвер! Эвер! Ты меня видишь?

От неожиданности я чуть не выпрыгиваю из собственной кожи.

— Господи, Райли, как ты меня напугала! Что ты орешь?

Понять не могу, зачем я к ней цепляюсь, если на самом деле я до безумия рада ее видеть? Райли с размаху шлепается на постель.

— К твоему сведению, я уже не знаю сколько дней пытаюсь до тебя докричаться! Я уж думала, ты растеряла свои особые способности. Знаешь, как я стреманулась!

— Я и правда потеряла свои особые способности — только потому, что ушла в запой. Меня даже исключили из школы... Ужас, что было.

— Да знаю я! — Райли кивает, озабоченно сдвинув брови. — Я все видела. Прыгала тут перед тобой, орала, визжала, хлопала в ладоши, а ты в отключке, не видишь меня, и все тут. Помнишь, как у тебя бутылка из рук выскользнула? — Она приседает в реверансе. — Это моих рук дело! Твое счастье, что я не треснула тебя этой бутылкой по башке. Так что все-таки случилось?

Я пожимаю плечами, глядя в пол. Конечно, она вправе требовать ответа, и нужно ее как-то успокоить, просто я не знаю, с чего начать.

— Ну, понимаешь, чужая психическая энергия так на меня давила, я не могла больше терпеть. И вдруг заметила, что алкоголь приглушает чужие мысли. Наверное, мне просто хотелось продлить это состояние покоя.

— А сейчас?

— А сейчас... Я вернулась на исходные позиции. Трезвая и несчастная, — усмехаюсь я.

— Эвер... — Сестренка мнетя, отводит глаза, потом все-таки смотрит на меня. — Пожалуйста, не злись... Тебе очень нужно повидаться с Авой. — Я собираюсь упереться, но Райли поднимает руку. — Ты дослушай, ладно? Мне кажется, что она может тебе помочь. Точнее, я знаю, что она может помочь. Она несколько раз пробовала, а ты ей не позволяла. А сейчас... ну, просто у тебя нет другого выбора, ясно же. То есть ты можешь или снова начать пить, забиться в свою комнату до конца жизни, или пойти к Аве. По-моему, тут и думать не о чем, а?

Я качаю головой, несмотря на пульсирующую боль.

— Слушай, Райли, я знаю, ты от нее без ума — вот и прекрасно, это твой выбор. Но мне она помочь ничем не может, так что, пожалуйста, перестань, ладно?

Райли качает головой.

— Ты неправа! Ава может тебе помочь. Ну что ты теряешь? Трудно взять и позвонить?

Я сижу, пинаю ногой раму кровати и упрямо смотрю в пол. Единственное, что для меня сделала Ава — еще больше испортила мою и без того нерадостную жизнь. Подняв глаза на Райли, я замечаю, что она бросила наконец маскарадные костюмы. Сейчас на ней джинсы, футболка и кроссовки — обычная одежда двенадцатилетней девочки, зато сама Райли стала какой-то полупрозрачной. Сквозь нее все видно!

А она спрашивает:

— Кстати, что с Дейменом? Помнишь, ты ходила к нему домой? Вы все еще вместе?

Я не хочу говорить о Деймене. Да и что я могу сказать? Кроме того, я понимаю, что Райли просто хочет отвлечь мое внимание от своей прозрачности.

— В чем дело? — спрашиваю я тонким от страха голосом. — Почему ты какая-то выцветшая?

Райли смотрит на меня и качает головой.

— У меня немного осталось времени.

— Что значит — немного осталось времени? Ты ведь еще вернешься, правда? — кричу я испуганно.

Райли машет мне рукой и исчезает. Остается только мятая карточка с номером телефона Авы.

Глава 33

Я еще не успела передвинуть рычаг передач в положение «Парковка», а госпожа Ава уже выглядывает из двери.

«То ли она действительно экстрасенс, то ли караулила там с тех пор, как я повесила трубку», — думаю я, но вижу ее обеспокоенное лицо, и мне становится стыдно за такие мысли.

— Здравствуй, Эвер! Проходи!

Она, улыбаясь, ведет меня в уютно обставленную гостиную.

Смотрю по сторонам; фотографии в рамках, несколько иллюстрированных альбомов на кофейном столике, диван и кресла в тон... Удивительно — все такое нормальное.

— А ты ожидала увидеть фиолетовые стены и хрустальный шар? — смеется Ава.

Она приглашает меня в озаренную солнцем кухню с бежевым плиточным полом, разнообразным оборудованием из нержавеющей стали и окном-люком в потолке.

— Я приготовлю чай.

Ава включает чайник, усаживает меня за стол и начинает хлопотать — раскладывает печенье на тарелке, заваривает чай. Наконец она садится напротив, и я говорю:

— Э-э... извините, что я... так грубо себя вела... и вообще...

Я невольно съеживаюсь — уж очень жалко звучит мой лепет.

Ава улыбается и дотрагивается до моей руки. Как только наши руки соприкасаются, я невольно начинаю чувствовать себя лучше.

— Хорошо, что ты пришла. Я очень беспокоилась о тебе.

Я сижу, уткнувшись взглядом в зеленую салфетку, и не знаю, с чего начать.

Ава берет дело в свои руки.

— Ты видела Райли? — спрашивает она, глядя мне в глаза.

Надо же было ей начать именно с этого!

— Да, — говорю я после долгой паузы. — К вашему сведению, она плоховато выглядит.

Я крепко сжимаю губы и отвожу взгляд. Я убеждена, что Ава как-то к этому причастна.

А она смеется. Представьте себе — смеется!

— У нее все хорошо, поверь.

И, кивая, прихлебывает чай.

— Поверить вам? — Я резко поднимаю голову.

Это надо же — пьет себе спокойно чай, грызет печенье... Как она меня бесит!

— Почему я должна вам верить? Вы ей устроили промывание мозгов! Вы ее уговорили уйти!

Я уже кричу, я жалею, что вообще пришла сюда. Колоссальная ошибка!

— Эвер, я понимаю, что ты расстроена, и знаю, как ты скучаешь по сестре. А знаешь ли ты, чем она пожертвовала ради того, чтобы не расставаться с тобой?

Я смотрю в окно. Взгляд скользит по фонтанчику, по зеленым растениям и маленькой статуе Будды. Сейчас прозвучит какая-нибудь чудовищная глупость.

— Вечностью.

Я закатываю глаза.

— Вот уж чего-чего, а времени у нее хватает!

— Я говорю о чем-то большем.

— О чем, например?

Лучше всего было бы сейчас положить печенье на стол и уйти отсюда к чертовой матери. Ава — ненормальная психопатка и к тому же мошенница. С таким авторитетным видом несет такую чушь!

— Пока Райли остается здесь, с тобой, она разлучена с ними.

— С ними?

— С вашими родителями. С Лютиком. — Ава кивает, водя пальцем по ободку чайной чашки.

— Откуда вы знаете о...

— Не надо, Эвер. Мы, кажется, это уже проходили, — говорит она, глядя мне в лицо.

— Ерунда какая, — бормочу я себе под нос, отводя глаза.

И что только Райли в ней нашла?

— Ты считаешь, это ерунда?

Она отбрасывает назад каштановые волосы, открывая чистый и гладкий, совершенно безмятежный лоб.

— Ладно, допустим. Если вы так много знаете, то скажите, где, по-вашему, находится Райли, когда она не со мной?

Я встречаю ее взгляд. Ну-ка, попробуй сказать что-нибудь ценное!

— Бродяжничает.

Ава подносит чашку к губам и делает еще один глоток.

— Бродяжничает? Ну, конечно! — смеюсь я. — С чего вы взяли?

— У нее нет другого выбора, поскольку она решила остаться с тобой.

Я смотрю в окно и часто-часто дышу, уверяя себя, что это неправда. Не может быть правдой!

— Райли не перешла через мост.

— Перешла, я видела! — вскидываюсь я. — Она помахала мне рукой на прощание. Они все махали! Я знаю, я была там!

— Эвер, я не сомневаюсь в том, что ты видела, но я говорю о другом. Райли не дошла до другого конца моста. Она остановилась на полдороге и побежала к тебе.

— Извините, но вы ошибаетесь, — говорю я. — Ничего такого не было.

Сердце больно стучит у меня в груди. Я помню тот последний миг — как они мне махали, как улыбались, а потом — ничего... Они исчезли, а я упиралась, просила и умоляла позволить мне остаться. Меня и оставили, а их взяли. И во всем виновата я одна. Меня нужно было забрать! Все плохое — из-за меня.

— Райли повернула назад к самую последнюю секунду, — продолжает Ава. — Когда никто на нее не смотрел, а ваши родители и Лютик уже перешли на другую сторону. Она сама мне рассказывала. Эвер, ваши родители пошли дальше, ты вернулась к жизни, а Райли застряла посередине. Сейчас она навещает тебя, меня, ваших прежних соседей и друзей, ну, и кое-каких знаменитостей, известных своим не очень приличным поведением, — улыбается Ава.

Я широко раскрываю глаза.

— Вы и об этом знаете?

Она кивает.

— Такое поведение вполне естественно, хотя большинству привязанных к земле существ это быстро надоедает.

— Каких таких привязанных?

— Существей, духов, призраков — одно и то же. Хотя они сильно отличаются от тех, что уже перешли на ту сторону.

— Значит, вы говорите, что Райли застряла посередине?

Ава кивает.

— Ты должна убедить ее идти дальше.

Качаю головой и думаю: «Разве от меня что-нибудь зависит?»

— Она уже ушла. Больше почти не появляется.

Я смотрю на Аву враждебно, как будто она во всем виновата. Но ведь она и правда виновата!

— Ей нужно твое благословение. Она должна знать, что ты не против.

— Послушайте! — Я вдруг ужасно устала от разговора, от того, что Ава лезет в мои дела и поучает, как жить. — Я пришла к вам за помощью, а не за этим вот! Если Райли хочет быть здесь — прекрасно, это ее дело. Думаете, раз ей двенадцать, я могу ей указывать? Она знает какая упрямая!

— Хм, интересно, в кого? — произносит Ава, отпивая чай и в упор глядя на меня.

И хотя она произносит это с улыбкой, как будто в шутку, я говорю:

— Если вы передумали мне помогать, так и скажите!

Я встаю, чуть не плача, дрожь с головы до ног, с лопающейся от боли головой, и все-таки я готова уйти, если придется. Помню, папа меня учил, как вести переговоры. Главное, нужно быть готовым уйти — во что бы то ни стало.

Несколько секунд Ава молча смотрит на меня, потом движением руки приглашает меня сесть на место.

— Будь по-твоему, — вздыхает она. — Щит ставится так...

Когда Ава провожает меня к двери, я с удивлением вижу, что на улице уже стемнело. А я и не заметила, что пробыла здесь так долго. Мы подробно разобрали элементы медитации, я многое узнала о своих способностях, научилась создавать ментальный щит. Хоть поначалу разговор у нас не ладился, — особенно там, где речь шла о Райли, — все-таки я рада, что пришла. Впервые за долгое время я чувствую себя совершенно нормальной, без поддержки алкоголя или Деймена.

Еще раз говорю «спасибо» и направляюсь к своей машине.

— Эвер! — окликает Ава.

Я смотрю на нее. Теперь я больше не вижу ее ауру, Аву окружает только мягкий желтый свет из открытой двери.

— Все-таки напрасно ты не захотела научиться снимать щит. Может оказаться, что тебе, вопреки ожиданиям, будет не хватать твоих способностей.

Мы уже об этом сто раз говорили, сколько можно?! И потом, я так решила, и на попятный не пойду. Здравствуй, нормальная жизнь, прощай, бессмертие! Прощайте, Деймен, Летняя страна, психофизические явления и все, что с этим связано. Со времени аварии я мечтала только об одном: снова стать нормальной. И вот — стала, и очень рада.

Встряхиваю головой и поворачиваю ключ в замке зажигания. Оглядываюсь, услышав голос Авы:

— Эвер, пожалуйста, подумай о том, что я сказала! Ты все неправильно сделала. Попрощалась не с тем, с кем надо.

— О чем вы говорите?

Я хочу поскорее вернуться домой и начать наслаждаться жизнью. Ава улыбается.

— Я думаю, ты знаешь, о чем я.

Глава 34

Освободившись и от домашнего ареста, и от груза парапсихических способностей, я провожу следующие несколько дней в компании Майлза и Хейвен. Мы вместе ходим в кафе, по магазинам и в кино, шатаемся по городу, бегаем к Майлзу на репетиции. Как хорошо снова быть нормальной!

В рождественское утро появляется Райли, и я с облегчением убеждаюсь, что все еще могу ее видеть.

— Эй, стой! — Она загораживает мне дверь, не давая выйти. — Не вздумай открывать свои подарки без меня!

Она улыбается — такая веселая, такая сияющая, что кажется почти вещественной, никакой в ней нет прозрачности.

— А я знаю, что тебе подарили! Сказать?

Я смеюсь.

— Ни в коем случае! Так здорово в кои-то веки не знать!

Райли выходит на середину комнаты и несколько раз подряд мастерски крутит колесо.

— Кстати о сюрпризах! — Она хихикает. — Джефф купил Сабине кольцо! Можешь себе представить? Он выехал из маменькиного дома, нашел себе жилье, умоляет Сабину вернуться и начать все сначала!

— Серьезно?

Райли щеголяет в линялых джинсах и паре футболок, надетых одна поверх другой. Приятно видеть, что она окончательно распрощалась с маскарадными нарядами и больше не старается подражать мне.

— Сабина вернет ему кольцо. — Сестра убежденно кивает. — По крайней мере, мне так кажется. Она его пока не получила, так что — посмотрим. Вообще, люди редко делают что-нибудь неожиданное, правда?

— Ты все еще подглядываешь за знаменитостями? — спрашиваю я.

Интересно, может она рассказать что-нибудь новенькое?

Райли корчит гримаску.

— Да ну их! У меня был нездоровый интерес. И потом, у них всегда одно и то же: магазины, еда, наркотики, лечение. Стирка, полоскание, повторить цикл... Скучища!

Я смеюсь, а хочется обнять ее, прижать к себе. Я так боялась, что потеряла Райли...

— На что ты смотришь? — спрашивает она.

— На тебя.

— И что?

— И то! Я ужасно рада, что ты здесь. И что я все еще могу тебя видеть. Я боялась, что потеряла эту способность, когда Ава научила меня ставить щит.

Райли улыбается.

— На самом деле, ты ее действительно потеряла. Мне пришлось вбухать кучу энергии, чтобы ты опять смогла меня видеть. Если честно, я подкачиваюсь твоей — совсем немножко. Ты не чувствуешь усталость?

Я пожимаю плечами.

— Есть немного, но ведь я только что проснулась.

— Неважно. Это из-за меня.

— Слушай, Райли... Ты еще бываешь у Авы?

Я задерживаю дыхание, дожидаясь ее ответа.

Она мотает головой.

— Не-а... С этим покончено. Ну пошли, не терпится увидеть, какое у тебя будет лицо, когда ты развернешь свой новый навороченный айфон... Ой, проболталась!

Она с хохотом зажимает себе рот ладошкой и удирает сквозь закрытую дверь.

— Ты правда останешься? — шепчу я, выходя из комнаты более традиционным способом. — Тебе не нужно быть где-нибудь еще?

Она вспрыгивает на перила и съезжает вниз, оглядываясь на меня и улыбаясь.

— Не-а. Никуда мне больше не надо.

Сабина вернула кольцо, я получила новый телефон, Райли навещает меня каждый день — иногда даже провожает до школы. Майлз встречается с парнем из кордебалета «Лака для волос», Хейвен покрасила волосы в темно-русый цвет, отеклась от всяческой готики, начала серию болезненных процедур по удалению лазером татуировки на руке, сожгла все платья в стиле Трины, а вместо них накупила нарядов в духе эмо. Новый год пришел и прошел. Мы отметили его у меня, небольшой компанией. На столе был сидр (для меня — я официально завязала с выпивкой) и контрабандное шампанское (для моих друзей). В полночь мы окунулись в джакузи. Довольно скромно для новогодней вечеринки, но совсем не скучно. Стейша и Хонор злобно косились на меня, как и раньше, особенно в те дни, когда я надевала какой-нибудь симпатичный наряд. Мистер Робинс наладил свою личную жизнь (без участия жены и дочери), мисс Мачадо по-прежнему вздрагивала, увидев мою картину, а среди всего этого был Деймен.

Как штукатурка, скрепляющая изразцы, как обложка, не дающая рассыпаться книге, он заполнял собой все промежутки, все пустые пространства и не давал всему рассыпаться в прах. Я помнила о нем ежедневно, ежечасно и ежеминутно, за завтраком, обедом и ужином, смотря фильмы и телевикторины, слушая песни, купаясь в бассейне, сидя в парикмахерской, и мне становилось легче только от того, что я знала — он есть где-то, пусть даже я решила отказаться от него.

К Валентинову дню Майлз и Хейвен влюбились — хоть и не друг в друга. Так что, когда мы сидим втроем в школьной столовой, то я все равно одна. Они слишком погружены в мобильники и не помнят о моем существовании, а мой айфон лежит рядом со мной — безмолвный и никому не нужный.

— С ума сойти, какой класс! Вы себе не представляете, до чего он остроумный! — в стотысячный раз восторгается Майлз, оторвавшись от очередной эсэмэски. Даваясь от хохота, он спешно придумывает достойный ответ.

— С ума сойти, Джош мне прислал в подарок целую кучу песен! — бормочет Хейвен, большими пальцами набивая ответное послание.

Я, конечно, рада за них и желаю им обоим большого счастья, но мои мысли заняты предстоящим уроком рисования. Шестой — последний, — может, прогулять его? В школе Бей-Вью по случаю Дня святого Валентина проводится День сердечных тайн: будут раздавать леденцы в виде красных сердечек на палочке с привязанными к ним розовыми любовными записочками, которые собирали целую неделю. Майлз и Хейвен рассчитывают их получить, хоть их бойфренды и не учатся в нашей школе. Мне остается только надеяться кое-как пережить праздничный день в относительно здоровом уме и без особо серьезных душевных травм.

Расставшись с плеером, капюшонами и темными очками, я вызвала некое оживление у мужской части класса, но ведь меня-то они совершенно не интересуют. Если честно, не найдется ни одного парня в нашей школе (а вернее — на всей планете), который мог бы сравниться с Дейменом. Ни единого. Нет таких. Исключено. А снижать планку я не собираюсь.

Раздается звонок на шестой урок, и я понимаю, что прогулять не могу. Для меня прогулы, как и запои, уже в прошлом. Иду в класс, доделывать очередное злополучное задание. Нам велели написать картину в стиле какого-нибудь «изма». И я выбрала кубизм, по наивности решив, что это будет проще. Ничего не проще. Совсем даже наоборот.

Чувствую, что рядом со мной кто-то стоит, оборачиваюсь и говорю:

— А?

Вижу леденец у него в руке и снова отворачиваюсь к мольберту. Надо думать, парень ошибся адресом. Он снова трогает меня за плечо, но я даже не оглядываюсь, просто качаю головой и говорю:

— Извини, ошибка.

Он что-то тихо произносит, потом, кашлянув, говорит громче:

— Ты ведь эта самая, как ее, Эвер?

Я киваю.

— Ну так бери уже! Мне надо целую коробку раздать до звонка.

Он бросает мне леденец и уходит, а я откладываю в сторону угольный карандаш, разворачиваю записку и читаю:

«Думаю о тебе. Всегда. Деймен.»

Глава 35

Я влетаю в дом и бросаюсь к лестнице. Я тороплюсь поскорее показать Райли валентинку, от которой солнце стало ярче, птицы запели и весь мир преобразился, хоть я и не желаю иметь ничего общего с отправителем.

Райли одиноко сидит на диване: вот-вот повернется и увидит меня. Что-то в ее потерянной, неприкаянной фигурке напоминает мне слова Авы о том, что я попрощалась не с тем, с кем надо. Из меня словно разом вышибает весь воздух.

— Эй, привет! — говорит она, сияя улыбкой. — Ты не поверишь, что я сейчас видела в передаче Опры Уинфри! Там у песика нет обеих передних лап, а он все равно...

Я роняю на пол сумку, сажусь рядом с сестрой и, отобрав у нее пульт, отключаю звук телевизора.

— Что такое? — хмурится Райли, недовольная, что я отключила Опру.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Ну как... сижу на диване, жду, когда ты придешь...

Она показывает мне язык.

— Нет, я спрашиваю, зачем ты здесь? Почему ты не... в другом месте?

У нее кривятся губы. Райли отворачивается к телевизору. Все ее тело напряжено, лицо застыло. Она лучше будет смотреть на беззвучную Опру, чем на меня.

— Почему ты не с мамой, папой и Лютиком?

Ее нижняя губа начинает дрожать — сперва чуть заметно, потом сильнее. Я чувствую себя ужасно и с трудом выталкиваю слова.

— Райли... — Я сглатываю комок в горле. — Райли, знаешь, не нужно больше сюда приходить.

— Ты меня гонишь?

Она вскакивает, глаза гневно сверкают.

— Нет, что ты! Ничего подобного! Просто...

— Ты меня не остановишь, Эвер! Я могу делать все, что захочу! Все, понимаешь? И ты меня не остановишь! Никогда!

Райли яростно мечется по комнате.

— Знаю, — киваю я. — Но я не должна тебя здесь задерживать.

Сестренка скрещивает руки на груди, закусывает губы, а потом бросается на диван, колотя ногами, как она всегда делает, когда злится, обижается или расстраивается — или все вместе.

— Одно время я считала, что у тебя есть еще какие-то занятия, что ты довольна и счастлива. А сейчас ты все время сидишь здесь, и вот я подумала — вдруг это из-за меня? Потому что мне, конечно, невыносимо, если тебя здесь не будет, но важнее, чтобы ты была счастлива. Подглядывать за соседями и знаменитостями, смотреть целыми днями телевизор и ждать, когда я приду из школы... Это, по-моему, не лучший вариант. — Я останавливаюсь, делаю глубокий вдох. Если бы можно было не продолжать! Но я знаю: надо. — Когда я с тобой — это для меня самые счастливые минуты за весь день, но я невольно думаю о том, что есть место, где тебе будет лучше.

Она смотрит в телевизор, а я смотрю на нее. Так мы сидим и молчим, пока Райли наконец не начинает говорить.

— К твоему сведению, я счастлива! Я совершенно довольна и счастлива, вот тебе! Иногда я живу здесь, а иногда в другом месте. Оно называется Летняя страна. Там знаешь как классно! Если вдруг ты еще помнишь.

Райли искоса смотрит на меня.

Я киваю. Еще бы не помнить.

Райли откидывается на подушки и скрещивает ноги по-турецки.

— Так что я беру лучшее от обоих миров. И в чем проблема?

Я сжимаю губы. Она меня не собьет своими доводами. Я верю, что делаю сейчас то, что правильно — единственно правильно.

— Проблема в том, что, мне кажется, есть место еще лучше. Там тебя ждут мама, и папа, и Лютик...

— Слушай, Эвер, — перебивает она, — я знаю, ты считаешь, я здесь потому, что всегда мечтала стать тринадцатилетней, а раз этого не случилось, хочу прожить свою жизнь через тебя. Может, отчасти это и так. Но ты не подумала, что, может, я здесь потому, что мне тоже невыносимо с тобой расстаться? — Она быстро-быстро моргает, но не дает мне ни слова сказать и частит дальше: — Сначала я пошла за ними, потому что... ну, потому что родители, вроде так надо, а потом я увидела, что ты отстала, и побежала к тебе, но пока добежала, ты уже исчезла. А мост я больше не могла найти — и вот, застряла. А потом я встретила разных людей, которые там обитают уже много лет — ну, по земному счету, и они показали мне, что и как, и...

— Райли... — начинаю я, но она перебивает.

— И, между прочим, я видела маму, и папу, и Лютика, и у них все хорошо. Да не просто хорошо — они счастливы. Только им очень хочется, чтобы ты перестала все время себя винить. Они ведь тебя видят. Ты это знаешь, правда? Ты их не видишь. Ты не можешь видеть тех, кто перешел через мост, а только таких как я.

Меня сейчас не волнует, кого я могу видеть, а кого не могу. Меня зацепили слова Райли о том, что они хотят, чтобы я не чувствовала себя виноватой. Я знаю, они так говорят, потому что любят меня и хотят облегчить мою совесть. А я-то знаю, что авария случилась из-за меня! Если бы я не заставила папу вернуться за моим дурацким форменным свитером команды болельщиц, который я сама же и забыла дома, мы не оказались бы на дороге в том месте и в то время, когда какой-то дебил олень выскочил прямо под колеса. Папа попытался его объехать, машина слетела с обрыва, врезалась в дерево — и все погибли... кроме меня.

Моя вина.

Целиком и полностью — моя.

Райли качает головой.

— Если уж это чья-то вина, так папина, потому что всем известно: нельзя пытаться объехать выскочившее на дорогу животное. По правилам полагается его задавить и ехать дальше. Но мы с тобой знаем, что папа так сделать не мог. Он попытался спасти нас всех, и в итоге спас одного оленя. Но если так посмотреть, то, может, олень виноват. Зачем он выскочил на дорогу? Нечего ему там было делать, жил бы себе в лесу. А может, виновато дорожное ограждение — могло бы быть и покрепче. А может, фирма-производитель виновата, что в машине руль подвел и тормоза отказали. А может... — Она останавливается и смотрит на меня. — В общем, никто не виноват. Просто — случилось, и все. Так суждено.

Я давлу рыдания. И хотела бы верить, но не могу — знаю правду.

— Все мы это знаем, и все с этим смирились. Теперь и тебе пора понять — и принять. Видно, тогда просто твое время не пришло.

Пришло! Мое время пришло. Только Деймен сжульничал и меня вернул обратно.

Я судорожно сглатываю и смотрю на экран. Передача Опри Уинфри закончилась, и вместо нее на экране появился доктор Фил с блестящей лысиной и очень большим ртом, который никогда не закрывается.

— Помнишь, я стала такой полупрозрачной? В общем, тогда я готовилась перейти через мост. Каждый день я подбиралась все ближе к той стороне. Но когда я уже совсем надумала перейти... В общем, мне показалось, что тогда я была тебе особенно нужна. Я не могла тебя бросить... и сейчас не могу.

Я так хочу, чтобы она осталась со мной! Но я уже отняла у нее жизнь, так неужели отберу еще и посмертие?

— Райли, тебе пора, — шепчу я тихо-тихо и словно надеюсь, что она не услышит.

Но как только прозвучали эти слова, я понимаю, что они — правильные. Поэтому я повторяю еще раз, погромче, с глубокой убежденностью.

— Я думаю, тебе нужно идти.

Говорю и сама не верю своим ушам.

Райли встает. Глаза у нее печальные, на щеках блестят слезинки.

Я с трудом проглатываю комок в горле.

— Ты даже не представляешь, как ты мне помогла. Не знаю, что бы я без тебя делала. Только благодаря тебе я находила в себе силы вставать по утрам и кое-как переставлять ноги. Но сейчас мне лучше, и тебе пора...

Я не могу продолжать, захлебнувшись собственными словами.

Райли улыбается.

— Мама говорила, что рано или поздно ты отправишь меня обратно.

Я смотрю на нее, не понимая, что это значит.

— Она сказала: когда-нибудь твоя сестра наконец повзрослеет и поступит так, как надо.

И тут мы обе закатываемся хохотом. Мы смеемся над абсурдностью всей ситуации. Над любимой маминой фразой: «Когда-нибудь ты, наконец, повзрослеешь и...» — вписать нужное. Мы смеемся, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу и смягчить боль расставания. Смеемся, потому что это так чертовски приятно.

А когда наш смех стихает, я смотрю на Райли и говорю:

— Ты ведь будешь иногда заглядывать, чтобы сказать «привет»?

Она качает головой и отводит глаза.

— Вряд ли ты сможешь меня увидеть. Ты ведь не видишь маму и папу.

— А Летняя страна? Там я смогу тебя увидеть?

Я думаю про себя: можно пойти к Аве, попросить, чтобы она научила меня снимать щит. Чтобы можно было навещать Райли в Летней стране, ни для чего другого! Она пожимает плечами.

— Не знаю. Не уверена. Но я постараюсь послать тебе какой-нибудь знак, чтобы ты знала, что у меня все в порядке.

— Какой знак? — пугаюсь я, увидев, что Райли уже начинает становиться прозрачной. Я не ждала, что это будет так скоро. — Откуда я узнаю, что это от тебя?

— Узнаешь, не волнуйся!

Она улыбается, машет рукой на прощание и растворяется в воздухе.

Глава 36

Как только Райли исчезает, во мне что-то ломается. Я реву в три ручья — хоть и понимаю, что поступила правильно, а все-таки хочется, чтобы не было так чертовски больно. Какое-то время я сижу, скрючившись, на диване, вспоминаю, что сказала Райли об аварии — что это не моя вина. Я очень хочу ей верить — и не могу. Я знаю, что это неправда. В тот день оборвались четыре жизни, и все из-за меня.

Из-за дурацкого свитера цвета морской волны.

— Я куплю тебе другой свитер, — сказал тогда папа, и наши глаза встретились в зеркальце заднего вида. Две пары глаз одинакового голубого оттенка. — Если сейчас вернуться, мы как раз попадем в час пик.

— Это мой любимый свитер! — ныла я. — Нам их выдали в лагере! В магазине такого не купишь.

И я надулась, чувствуя, что победа близка.

— Он тебе действительно позарез нужен?

Я кивнула. Папа, вздохнув, покачал головой и повернул машину. Наши взгляды снова встретились в зеркальце, и в эту секунду на дорогу выскочил олень.

Я очень хотела поверить в то, что говорила Райли, и приспособить свое сознание к этой новой точке зрения. Но, поскольку я знаю правду, вряд ли мне это когда-нибудь удастся.

Вытирая слезы, я вдруг вспоминаю слова Авы. Если с сестрой мне надо было попрощаться, значит, с Дейменом — не надо?

Я оглядываюсь на леденец с запиской, который я положила на стол, и ахаю: конфета превратилась в тюльпан. Огромный блестящий красный тюльпан.

Я бросаюсь к себе в комнату, ставлю на кровать лэптоп и запускаю поисковик.

На страничке, посвященной языку цветов, нахожу вот что:

«В девятнадцатом веке каждому цветку приписывали определенный смысл. Из цветов составляли целые послания. Вот несколько значений...»

Я прокручиваю алфавитный список, ища глазами слово «тюльпан», и у меня перехватывает дыхание, когда я читаю:

«Красный тюльпан — вечная любовь».

Для смеха я нахожу «белые розы» и начинаю громко смеяться.

«Белые нераспустившиеся розы — сердце, не знающее любви; сердце, неспособное любить».

Теперь я понимаю, что Деймен все время испытывал меня. Он хранил про себя свою огромную, потрясающую тайну и не знал, как мне рассказать — приму ли я такую перемену в своей жизни или прогоню его прочь.

Флиртуя со Стейшей, он хотел вызвать у меня хоть какую-нибудь реакцию, чтобы подслушать мои мысли и понять, как я к нему отношусь. А я так хорошо научилась врать себе практически во всем, что в результате запутала нас обоих.

Конечно, я не одобряю того, что он делал, но ведь сработало! А теперь мне только нужно произнести вслух заветные слова, и он появится передо мной. Потому что я люблю его. Я никогда не переставала его любить. Я любила его с самого первого дня. Любила даже тогда, когда клялась, что ненавижу. Ничего не могу поделать — я люблю. И хотя его бессмертие — дело весьма сомнительное, в Летней стране действительно было здорово. А если Райли права и в самом деле существует такая вещь как судьба, так может, это и к нам относится?

Я закрываю глаза и представляю себе, как горячее тело Деймена прижимается к моему, как шепчут его нежные губы совсем близко от моего уха, шеи, щеки, его полуоткрытый рот касается моих губ... Чудесное ощущение! Я держусь за этот образ, за воспоминание о нашей несравненной любви, о нашем несравненном поцелуе, и шепчу слова, которые держала в себе так долго, которые боялась произнести — слова, которые вернут мне его.

Я повторяю их снова и снова. Мой голос набирает силу, он уже наполняет всю комнату.

Но когда я открываю глаза, рядом никого нет.

И я понимаю, что ждала слишком долго.

Глава 37

Я спускаюсь в кухню за мороженым. Конечно, порция сливочного мороженого не исцелит разбитого сердца, зато поможет хоть немного его утешить. В обнимку с полукилограммовой упаковкой отправляюсь на поиски ложки и тут же все роняю, услышан голос:

— Как трогательно, Эвер! Очень, очень трогательно.

Я сгибаюсь пополам — надо же, отбила ногу коробкой ванильно-миндального! — и ошарашенно смотрю на Трину. Она сидит за кухонным столом, скрестив ноги, сложив руки на коленях — настоящая леди.

— Как очаровательно ты звала Деймена после того как нарисовала в своем воображении целомудренную любовную сценку! — Она смеется, меряя меня взглядом. — Да-да, я по-прежнему вижу все, что у тебя в голове. Твой убогий ментальный щит? Тоньше, чем Туринская плащаница! Что касается тебя и Деймена, а также вашей долгой-долгой счастливой жизни... Сама понимаешь, этого я допустить не могу. Так получилось, что главная цель моего существования — уничтожить тебя. Между прочим, это все еще в моих силах.

Я пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы дышать медленно и размеренно, очищая свой разум от любых мыслей, которые она могла бы использовать против меня. Беда в том, что стараться очистить свой разум — все равно что сказать кому-нибудь: «Не думай о слонах». После этого ни о чем другом думать не сможешь!

— О слонах? — Трина протяжно вздыхает — низкий, зловещий звук разносится по комнате. — Боже, что он только в тебе нашел?! — Она окидывает меня взглядом, полным презрения. — Уж во всяком случае, не интеллект и не остроту ума, поскольку их пока вовсе не наблюдается. А твое представление о любовной сцене? Это же Дисней, это телеканал «Для всей семьи», это так пресно! Позволь тебе напомнить, что Деймен живет на свете не сколько сотен лет, в том числе застал и шестидесятые, годы свободной любви!

Она укоризненно качает головой.

— Если ты ищешь Деймена, так его здесь нет, — говорю я в конце концов.

Голос у меня хриплый и скрипучий, как будто им давно не пользовались.

Трина выгибает бровь.

— Можешь быть уверена, я знаю, где Деймен! Я всегда знаю, где он.

— Значит, ты его преследуешь?

Я сжимаю губы. Да, ее не следует злить, да что уж там — терять все равно нечего. Так или иначе, она меня убьет. За тем и пришла.

Скривив губы, она разглядывает свои ногти с безупречным маникюром.

— Едва ли, — шепчет она.

— Ну, если ты за ним следишь последние триста лет, как еще это назвать?

— Не триста, а все шестьсот, мерзкая ты маленькая троллиха, шестьсот лет!

Она гневно сдвигает брови.

Шестьсот лет? Ничего себе!

Трина, поморщившись, встает.

— Вы, смертные, так глупы, так скучны, так предсказуемы... Вы такие обыкновенные! И при всех своих очевидных недостатках вы каждый раз вдохновляете Деймена кормить голодных, служить человечеству, искоренять нищету, спасать китов, бороться за чистоту на улицах, за мир во всем мире и за вторичную переработку отходов, говорить «нет» наркотикам, алкоголю и вообще всему, ради чего стоит жить. Одно скучнейшее альтруистическое занятие за другим! И для чего? Вы хоть чему-нибудь учитесь? Очевидно, не учитесь. Одно глобальное потепление чего стоит! И все же, и все же, каким-то образом мы с Дейменом каждый раз преодолеваем все это. Правда, иногда уходит ужасно много времени на то, чтобы снова превратить его в чувственного, жадного до наслаждений беспринципного гедониста, каким я его знаю и люблю. И в этот раз, поверь, все будет точно так же. Ты и опомниться не успеешь, а мы с Дейменом снова окажемся на вершине мира.

Трина приближается ко мне. Ее улыбка становится шире с каждым шагом. Трина крадется вдоль барной стойки, словно сиамская кошка.

— Говоря откровенно, Эвер, я не представляю, что ты в нем нашла. Я сейчас говорю не о том, что видит в нем каждая женщина, а если смотреть правде в глаза, то и большинство мужчин. Я о другом. Ты постоянно страдаешь из-за Деймена. Из-за него тебе приходится терпеть адские муки. — Она качает головой. — Что бы тебе не погибнуть в той автокатастрофе? Подумать только, ведь я была твердо уверена, что ты мертва, и вдруг узнаю, что Деймен переехал в Калифорнию, потому что, видите ли, вернул тебя с того света! — Она снова качает головой. — Казалось бы, за столько сотен лет я могла научиться терпению. Но, что же делать, я не виновата — просто ты нагоняешь на меня ужасную скуку.

Она смотрит на меня, а я не реагирую. Я все еще пытаюсь расшифровать ее слова. Выходит, аварию устроила Трина?

Она смотрит на меня и с досадой корчит гримаску.

— Да, аварию устроила я! Почему тебе все нужно объяснять? Я напугала оленя, который выскочил перед вашей машиной. Я знала, что твой отец — слабохарактерный добряк, он с радостью рискнет жизнью всей семьи ради оленя. Смертные так предсказуемы... Особенно такие вот, серьезные и правильные, стремящиеся всем делать добро. — Она смеется. — Под конец все было настолько просто, что даже неинтересно. Имей в виду,

Эвер — на этот раз Деймен не примчится тебя спасать, а я уж позабочусь о том, чтобы завершить дело.

Я оглядываюсь по сторонам. Найти бы какое-нибудь средство защиты — да хоть кухонный нож. Стойка с ножами — в другом конце кухни, туда ни за что не добежать. Я не такая быстрая, как Деймен и Трина. По крайней мере, мне так кажется, — а проверять уже некогда.

Трина вздыхает.

— Иди, бери свой нож, я не возражаю. — Она смотрит на усыпанный бриллиантами циферблат наручных часов. — Но все же хотелось бы наконец начать, с твоего позволения. Обычно я не спешу — люблю позабавиться, но сегодня Валентинов день, и я планирую поужинать со своим милым дружком, как только расправлюсь с тобой.

Глаза у нее темнеют, рот кривится. На краткий миг все зло, что в ней есть, внезапно выходит на поверхность — и так же быстро прячется обратно. И вновь передо мной безупречная красавица, глаз не отвести.

— Знаешь, до того как появилась ты, — в одном из своих более ранних воплощений, — я была его единственной настоящей любовью. А потом ты пришла и отняла его, и это повторялось снова и снова, круг за кругом.

Трина подкрадывается ко мне быстрыми бесшумными шагами. Вот она уже прямо передо мной, я даже пошевелиться не успела.

— А сейчас я заберу его обратно! Знай, он всегда возвращается ко мне.

Я протягиваю руку к бамбуковой разделочной доске, рассчитывая стукнуть Трину по голове, но Трина бросается на меня так стремительно, что я теряю равновесие и налетаю на холодильник. От удара у меня перехватывает дыхание. Я падаю, задыхаясь и хватаясь за горло. Слышу, как с треском раскалывается голова, ударившись об пол, и теплая струйка крови стекает по черепу мне в рот.

Не дав мне времени ответить, хоть как-то защитить себя, Трина набрасывается на меня, рвет ногтями одежду, лицо, волосы и шепчет в ухо:

— Сдавайся, Эвер! Прекрати борьбу. Отправляйся к своему счастливому семейству, они все тебя так ждут... Ты не создана для этого мира. Для тебя в нем ничего не осталось. И вот сейчас у тебя есть шанс его покинуть.

Глава 38

Наверное, я на секунду потеряла сознание. Открываю глаза, а Трина все еще нависает надо мной. Ее лицо и руки измазаны кровью. Трина шепчет, и бормочет, и уговаривает меня сдаться раз и навсегда, покориться, покончить со всем.

Может, раньше такой выход и казался бы мне соблазнительным, но не теперь. Эта тварь убила мою семью, и сейчас она за это заплатит!

Я закрываю глаза и возвращаюсь туда, в то мгновение — мы в машине, веселые, счастливые, переполненные любовью. Я вижу куда яснее, чем раньше, потому что больше не чувствую себя виноватой.

Во мне пробуждается сила, и я сбрасываю с себя Трину, швыряю ее через всю комнату — Трина врывается в стену, ее правая рука выгибается под каким-то неестественным углом, и тело сползает на пол. Она смотрит на меня широко раскрытыми от изумления глазами, но тут же вскакивает, со смехом отряхивается и бросается на меня. Я опять ее отшвыриваю. Трина летит через всю кухню, через кабинет и ударяется о балконную дверь. Стекланные осколки дождем сыплются во все стороны.

— Впечатляющая реконструкция места преступления, — усмехается Трина, выдергивая осколки из своих рук, ног, лица. Раны мгновенно закрываются. — Не терпится прочитать об этом в завтрашних газетах. — И так же, с улыбкой, она вновь подходит ко мне, полная энергии и рвущаяся к победе. — Честно говоря, твоя убогая демонстрация силы совсем ни к чему, — шепчет она. — Seriously, Эвер, ты — негостеприимная хозяйка. Неудивительно, что у тебя совсем нет друзей, если ты так обращаешься с гостями.

Я отталкиваю Трину. Я готова швырять ее хоть тысячу раз, если придется! Но не успеваю я закончить мысль, как голову пронзает чудовищная давящая боль. Трина делает шаг ко мне. Ее губы растянуты в улыбке, от которой я цепенею и даже не могу остановить противницу.

— Старинный фокус — «голова в тисках с зубчатыми зажимами», — смеется Трина. — Действует безотказно! А ведь я пыталась тебя предупредить, но ты не захотела слушать. Право, Эвер, все зависит только от тебя. Я могу усилить боль... — Она шурит глаза, и мое тело корчится в агонии, а к горлу подступает тошнота. — Или ты можешь... просто сдаться. Тогда все будет легко и мило. Выбери!

Я стараюсь сфокусировать взгляд, но в глазах все расплывается, руки и ноги словно без костей, а Трина — стремительное размытое пятно, и я знаю, что мне ее не одолеть.

Закрываю глаза и думаю: я не могу позволить ей победить. Она не должна победить. Только не в этот раз, после того что она сделала с моей семьей.

Я слабо, неуклюже замахиваюсь... Мой кулак попадает ей прямо в грудь — но, едва задев, бессильно падает. Шатаюсь, я отступаю назад, понимая, что удар был недостаточно силен. От него никакого толку.

Закрываю глаза и, сжавшись, жду конца. Раз он все равно неизбежен, так пусть уж поскорее. Но вот в голове понемногу проясняется, буря в желудке успокаивается, и я вновь открываю глаза. Трина прислонилась к стене и, держась за грудь, обвиняюще смотрит в пространство.

— Деймен! — кричит она, глядя мимо меня. — Не позволяй ей так поступать со мной! С нами!

Я оборачиваюсь и вижу, что Деймен стоит рядом, смотрит на Трину и качает головой.

— Поздно. — Он берет мою руку и сплетает пальцы с моими. — Тебе пора уходить, Поверина.

— Не называй меня так! — вопит она. Невероятные зеленые глаза налились кровью. — Я ненавижу это имя!

— Знаю, — отвечает он, крепче сжимая мои пальцы.

Трина съеживается, сморщивается, стареет на глазах — и исчезает. Остаются только изящные туфли и черное шелковое платье.

— Как это...

Я поворачиваюсь к Деймену в надежде получить объяснение.

А он только улыбается.

— Все кончено. Совсем, абсолютно. Кончено навеки.

Он притягивает меня к себе, покрывает лицо чудесными теплыми поцелуями и обещает:

— Она никогда больше нас не потревожит.

— Я что... убила ее?

Не уверена, что я этому рада, несмотря на то что она сделала с моей семьей и на то что много раз убивала меня саму.

Деймен кивает.

— А... как? Если она бессмертная, так я, вроде, должна была отрезать ей голову?

Деймен смеется.

— Что за книги ты читаешь?

Потом его лицо становится серьезным.

— Все совсем не так. Не надо отрубать головы, не нужно осиновых колов и серебряных пуль. Все сводится к одному простому факту: ненависть ослабляет, а любовь придает силы. Каким-то образом ты сумела ударить Трину в самое уязвимое место.

И все-таки я не понимаю.

— Да я ее едва коснулась!

— Ты метила в четвертую чакру и попала прямо в яблочко.

Что-что?

— В человеческом теле семь чакр. Четвертая чакра, или чакра сердца, как ее иногда называют, — средоточие бескорыстной любви, сочувствия, всего того, чего Трина была лишена. Поэтому она была беззащитна перед тобой. Эвер, ее убило отсутствие любви.

— Но если эта чакра такая уязвимая, почему Трина ее не защитила?

— Ее ослепил собственный эгоизм. Трина не замечала, какие темные силы владели ею, какой она стала злобной и жадной...

— А если ты все знал, почему не сказал мне раньше?

Он пожимает плечами.

— Это были всего лишь предположения. До сих пор я никогда не убивал бессмертных, поэтому сомневался, подействует ли...

— Значит, есть и другие бессмертные? Не только Трина?

Деймен открывает рот, как будто хочет что-то сказать, и тут же закрывает снова. В его глазах я вижу проблеск... сожаления? Раскаяния? Что бы это ни было, оно мгновенно исчезает.

— Трина говорила о тебе и о твоём прошлом...

— Эвер, — говорит Деймен. — Эвер, посмотри на меня!

Он поворачивает мое лицо за подбородок, и в конце концов я покоряюсь.

— Я живу на свете очень долго...

— Не то слово — шестьсот лет!

Он вздрагивает.

— Примерно. За это время я много всякого повидал, много чем занимался, и моя жизнь далеко не всегда была такой уж хорошей и невинной. Собственно говоря, частенько бывало совсем наоборот.

Я отступаю, не уверенная, что я готова все выслушивать, но Деймен снова привлекает меня к себе.

— Эвер, ты готова это услышать, потому что я не убийца, не злодей. Я просто... Просто любил наслаждаться жизнью. И все же каждый раз, как я встречал тебя, я был готов бросить все, чтобы быть рядом с тобой.

На этот раз мне удастся вывернуться из его объятий. Про себя я думаю: «Ах, ну как же! Классический случай! Мальчик встретил девочку и опять ее потерял. Снова и снова, столетие за столетием, и каждый раз их разлучают раньше, чем они успеют сделать то, что надо. Неудивительно, что он так мной заинтересовался. Я — единственная, кто все время ускользает у него из рук. Я — словно живой запретный плод. Выходит, я должна оставаться вечной девственницей? Исчезать каждые несколько лет, чтобы поддерживать в нем интерес? А теперь мы прикованы друг к другу на целую вечность, и что — как только дело будет сделано, наш поезд приедет в город под названием Скука, и Деймену снова захочется „наслаждаться жизнью“?»

— Прикованы друг к другу? Вот как ты на это смотришь? Я для тебя — как каторжная цепь на шее?

Не могу определить, смешно ему или он обиделся. Щеки у меня горят. И как я могла забыть, что мои мысли для него открыты?

— Н-нет, я... я боялась, что ты обо мне так думаешь. Это же классический сюжет для любовной истории — возлюбленная исчезает... снова, и снова, и снова... Неудивительно, что тебя так зачаровало! Я тут вообще ни при чем.

— Эвер, ты очень даже при чем! И, поверь моему опыту, чтобы пережить вечность, лучше всего жить одним

днем.

Он коротко целует меня и хочет отстраниться, но тут уже я вцепляюсь в него и тяну к себе.

— Не уходи! — шепчу я. — Пожалуйста, никогда больше не оставляй меня одну!

— Даже чтобы принести тебе воды? — улыбается он.

— Даже чтобы принести воды, — говорю я, а мои руки исследуют его лицо — невероятно прекрасное лицо. — Я... — Слова застревают у меня в горле.

Он улыбается.

— Да?

— Я скучала по тебе, — кое-как ухитряюсь выговорить я.

— Что правда, то правда.

Он на миг прижимается губами к моему лбу и быстро отступает назад. Смотрит на меня как-то странно.

— Что? — спрашиваю я.

Его улыбка становится шире, освещая все лицо. Скользя пальцами под челку, я ахаю: шрам исчез.

— Простить — значит, исцелить, — улыбается Деймен. — Особенно если прощаешь саму себя.

Я смотрю ему в глаза и знаю, что должна сказать еще что-то, но не уверена, хватит ли у меня сил. Поэтому я закрываю глаза — если он может читать мысли, значит, нет необходимости произносить вслух.

Но Деймен смеется.

— Всегда приятней, если это скажут словами.

— Я уже говорила! Ты поэтому и вернулся. Я думала, ты придешь раньше. Помощь мне бы не помешала.

— Я слышал тебя. И я пришел бы раньше, но мне нужно было знать, что ты действительно к этому готова, а не просто чувствуешь себя одиноко после того как простилась с сестрой.

— Ты и об этом знал?

Он кивает.

— Ты поступила правильно.

— Значит, ты позволил, чтобы меня чуть не убили, потому что хотел знать наверняка?

Деймен качает головой.

— Я ни за что не позволил бы тебе умереть. Не в этот раз.

— А Трина?

— Ее я недооценил. Подумать не мог...

— Вы с ней не умеете читать мысли друг друга?

Он проводит большим пальцем по моей щеке.

— Мы давным-давно научились закрывать свои мысли друг от друга.

— А ты меня научишь закрывать мысли?

Он улыбается.

— Постепенно я всему тебя научу. Обещаю. Но ты должна знать, Эвер, что это на самом деле значит. Ты никогда больше не встретишь своих родных. Ты никогда не перейдешь через мост. Ты должна знать, на что решаешься.

Он берет меня за подбородок и смотрит в глаза.

— Но я же всегда могу... все бросить? Помнишь, ты говорил...

Он качает головой.

— Со временем это становится все труднее.

Я смотрю на него. Знаю, от многого придется отказаться, но, наверное, должен быть какой-то обходной путь. Райли обещала, что даст мне знак, вот тогда и посмотрим. А пока, если вечность начинается сегодня, так я и буду жить — сегодняшним днем, и только. Зная, что Деймен всегда будет рядом со мной. Всегда, правильно?

Он смотрит на меня и ждет.

Я шепчу:

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя.

Деймен улыбается, и его губы находят мои.

— Всегда любил. И всегда буду любить.

Примечания

1

Пер. В.Марковой и И.Лихачева. — Здесь и далее примеч. пер.

2

TiVo — цифровое устройство, автоматически записывающее телепередачи, которые чаще всего смотрит владелец.

3

Намек на поговорку: «Еще не все кончено, пока не спела толстая леди», отсылка к опере Рихарда Вагнера «Гибель богов» из цикла «Кольцо Нибелунгов». «Толстая леди» — это Брунгильда, которую принято представлять в виде дамы с довольно внушительной фигурой. Ее десятиминутная ария завершает оперу.